СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ БЕЛИНСКОГО

Исследование М. Полякова *

Введение

Начиная со второй половины прошлого века, студенческие годы Белинского неоднократно служили предметом внимания как исследователей, так и мемуаристов [1]. Однако было бы напрасным трудом искать в старой литературе сколько-нибудь объективное и полное освещение этого периода биографии критика. Здесь, как и на других участках изучения Белинского, подлинная картина его жизни и деятельности либо отсутствовала вследствие недостаточности документальных материалов, либо была грубо фальсифицирована, искажена политическими противниками критика.

«Целая легенда тотчас сложилась 〈...〉 о Белинском,— писал И. С. Тургенев.— Говорили, что он недоучившийся казенный студент, выгнанный из университета тогдашним попечителем Голохвастовым за развратное поведение (Белинский — и развратное поведение!..)» [2]

Политические враги Белинского охотно распространяли эти клеветнические измышления, укрепляя их свидетельскими показаниями Ксенофонта Полевого [3], Шевырева [4], Погодина. Последний прямо заявлял, что Белинский «лишен был всякого образования, не занимался никогда ни одною наукою, не имел понятия и ни об одной литературе...»[5] и т. д.

На рубеже XX в., накануне революции 1905 г., эту злостную клевету подхватили «веховские» публицисты и другие представители реакции и контрреволюции (А. Волынский, М. Филиппов, несколько позже Радлов), тщившиеся доказать «невежественность» Белинского. Своеобразным итогом реакционного понимания студенческого периода жизни Белинского явилась пресловутая книга Ю. Айхенвальда «Спор о Белинском» (1914). Для обоснования своей злонамеренной фальсификации идейного облика критика Айхенвальд пытался утвердить представление, что Белинский был якобы ленивый и малоспособный студент. Он заявлял, что «мы не имеем права подозревать в недобросовестности» инспектора казеннокоштных студентов Щепкина, прославившегося своей чудовищной аттестацией умственных способностей Белинского. Затем он пытался превратить «Дмитрия Калинина» в цинически-безнравственное произведение, которое к тому же свидетельствовало якобы, что «политически студент-трагик был „ультра благонамерен“». Далее Айхенвальд «реабилитировал» профессоров-цензоров, запретивших издание «Дмитрия Калинина». Нет никаких «объективных оснований»,— заключал Айхенвальд,— утверждать, что Белинский был «уволен из университета за свою пьесу»[6].

Клеветнические измышления Айхенвальда характерны в том отношении, что они «опирались» не только на высказывания прямых политических врагов Белинского из консервативно-реакционного лагеря, но в равной мере и на буржуазно-либеральную литературу. Айхенвальд ссылался,

---

* В разыскании архивных материалов, использованных в настоящей статье, принимали участие В. Гурьянов и В. Сорокин.

в частности, на Венгерова, специально изучавшего студенческие годы Белинского. Венгеров же в работе «Великое сердце» — своего рода классическом образце либеральной фальсификации, и в своих комментариях к сочинениям Белинского, рассматривал этот период жизни критика под знаком его якобы полного идейно-политического единения с николаевским самодержавием[7].

Скудость приведенных в известность документальных материалов ограничивала возможности и тех исследователей и литераторов, которые, как, например, А. Н. Пыпин и И. А. Гончаров, пытались протестовать, хотя и не всегда последовательно и энергично, против реакционных искажений юношеского периода жизни Белинского[8]. Дореволюционное литературоведение не поставило и не могло поставить и решить основной проблемы этого периода — проблемы идейного развития Белинского.

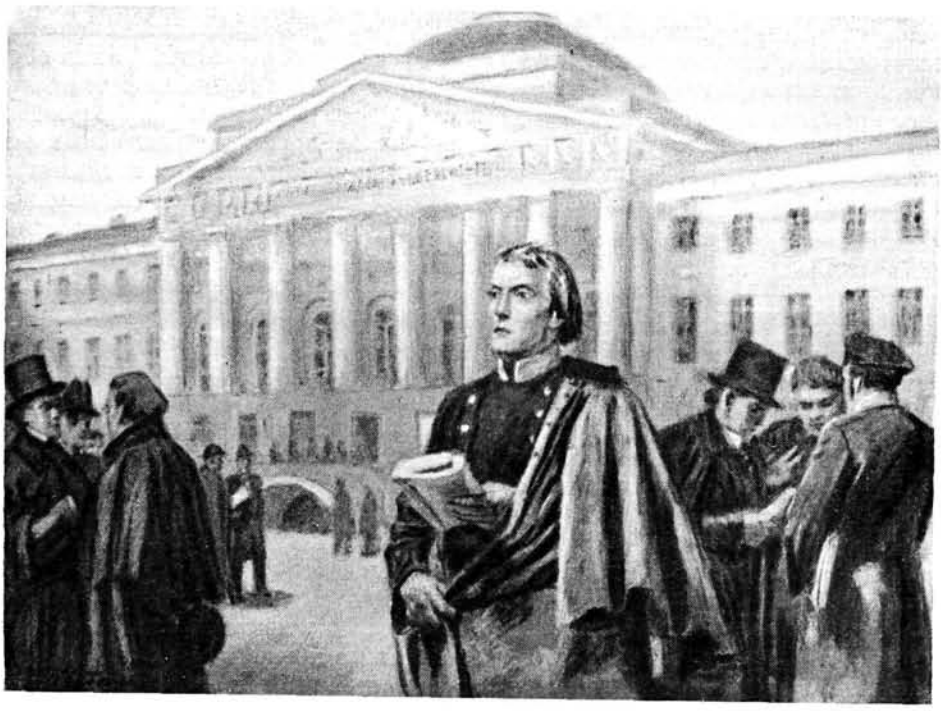
В поисках путей и средств к разрешению этой проблемы мы обратились к первоисточникам, изучение которых позволило выявить довольно обширную и ценную архивную документацию, ранее не вводившуюся в биографические исследования о Белинском. Укажем прежде всего на источники, разысканные (совместно с В. П. Гурьяновым и В. В. Сорокиным) в архивном фонде Московского университета. Первые сообщения об университетской жизни Белинского появились в печати в конце 1850-х годов, когда царское правительство решилось снять запрет с имени критика. В декабре 1859 г. были опубликованы три произведения, посвященных студенческим годам Белинского. Одно из них — воспоминания университетского товарища Белинского П. И. Прозорова, второе — воспоминания И. И. Лажечникова, охватывающие обширный период с 1823 до 1848 г., третье, наиболее ценное,— статья Ив. Островидова «Несколько слов о г. Белинском»[9]. Автор последней статьи пытался дать, на основе неизданных писем критика к родным и, возможно, рассказов К. Г. Белинского, документированную хронологию университетского периода жизни Белинского. В частности, он первый сообщил о существовании пьесы «Дмитрий Калинин» и об отношении к ней университетской профессуры. Однако, пользуясь материалами, извлеченными только из писем, и пользуясь недостаточно критически, Островидов допустил в своей статье ряд фактических ошибок, которые затем прочно вошли в биографическую литературу о Белинском (например, утверждение, что Белинский был зачислен на казенный кошт только в декабре 1829 г., тогда как на самом деле он был принят в число казеннокоштных студентов 17 октября 1829 г.).

На протяжении 1861—1876 гг., до появления первой значительной публикации писем Белинского университетского периода (Н. Н. Енгалычева), печатается серия воспоминаний, непосредственно или косвенно связанных с именем Белинского. В некоторых из этих воспоминаний — Н. Иванисова (1861 г.), К. Аксакова (1862 г.), Г. Г⟨оловачева⟩ (1863 г.), Н. Щ⟨етининой⟩ (1868 г.) и др.— содержались ценные сведения о Московском университете 1830-х годов и пребывании в нем Белинского. Так, например, Иванисов сообщил о недоброжелательном отношении к Белинскому профессоров, Головачев — о связи между исключением Белинского и решением Цензурного комитета по поводу «Дмитрия Калинина» и т. д. [10]

В 1874—1875 гг. в «Вестнике Европы» был опубликован известный труд А. Н. Пыпина «В. Г. Белинский. Опыт биографии». Для этого первого биографического исследования о критике автор широко привлек не только все ранее известные эпистолярные и мемуарные материалы, но и впервые собранные им многочисленные свидетельства современников, лично знавших Белинского (например, М. Б. Чистякова). Также были использованы Пыпиным и некоторые, ранее не известные, документы биографического характера. Среди последних было и несколько документов из архива Мо-

сковского университета [11]. Однако, несмотря на обращение Пыпина к этому архиву, он остался им полностью не изученным и еще менее использованным. Главу об университетских годах Белинского Пыпин построил на основании сведений, содержащихся в упомянутой выше статье Ив. Островидова 1859 г. На это указал впервые редактор «Русской старины», В. И. Семевский, публикуя в 1876 г. сообщение Н. Н. Енгалычева «В. Г. Белинский. Новые данные для его биографии»[12].

Н. Н. Енгалычев, пользовавшийся теми же документальными источниками, что и Островидов, в отличие от последнего, опубликовал пространные извлечения из них. В его статье были использованы письма Белинского



БЕЛИНСКИЙ — СТУДЕНТ
Рисунок Б. И. Лебедева, 1946 г.
Собрание художника, Пенза

к родным, автографы студенческого сочинения «Рассуждение ⟨о воспитании⟩» и нескольких сцен первой редакции «Дмитрия Калинина», наконец, некоторые письма родственников к Белинскому. Всеми этими материалами А. Н. Пыпин не располагал и поэтому вынужден был о многом говорить предположительно. Но и Енгалычев не использовал их в полной мере. Только в наши дни эти материалы были вновь разысканы и публикуются полностью в «Литературном наследстве»[13]. Они также исследовательски учтены в нашей работе.

Работая над своим «Опытом биографии» Белинского, Пыпин получил, при посредстве К. Д. Кавелина, от тогдашнего ректора Московского университета историка С. М. Соловьева копии некоторых документов [14]. Однако, печатая в 1874 г. свой труд, Пыпин, по каким-то причинам, ограничился лишь кратким пересказом содержания полученных материалов. Опубликовал же он документы по копиям лишь 15 лет спустя, в сборнике 1899 г. «Памяти Белинского» («Материалы для биографии Белинского.

Пребывание в Московском университете»). В эту публикацию вошли: два документа из дела «о принятии в студенты Виссариона Белинского», четыре документа из дела о переходе Белинского в канцелярские служители и один документ из дел правления университета, связанный с оставлением Белинского «на прежних лекциях». Первые два документа относятся к 1829 г., остальные пять — к 1831 г. Как будет показано ниже, сличение текста пыпинской публикации с подлинниками обнаруживает в ней ряд существенных погрешностей в воспроизведении текста документов.

Пыпину оказалась известной лишь ничтожная часть материалов о Белинском, имеющихся в архиве Московского университета. Между тем его сообщением 1899 г. и предшествовавшей публикацией еще одного документа (черновика представления инспектора П. С. Щепкина об исключении Белинского) исчерпывался до сих пор фонд введенных в исследование первоисточников по теме «Белинский в Московском университете». Таким образом, архивные материалы Московского университета оставались до последнего времени, по существу, неизученными. Биографы критика вынуждены были ограничиваться предположительными датировками различных эпизодов из студенческой жизни Белинского. Ниже мы впервые вводим в научный оборот разнообразные документы, извлеченные из «докладного реестра», в который вносились все бумаги, предназначенные для рассмотрения в совете и правлении университета (причем на бумагах этих всюду имеются отметки об исполнении). Наряду с «докладным реестром» большое значение имеют протоколы заседаний («журналы») совета и правления университета. В делах совета, состоявшего из ректора и профессоров, и правления, состоявшего из ректора и деканов, нашла отражение научно-учебная и хозяйственно-административная жизнь университета. Здесь, а также в делах словесного отделения, к сожалению, дошедших до нас далеко не полностью, мы находим ряд документов, непосредственно относящихся к Белинскому. Широко использованы нами фонды личных дел архива, особенно по «1 столу». С 1827 г. в делах «1 стола» сосредоточивались документы о поступлении и увольнении студентов. Здесь хранилось, в частности, и представляющее особый интерес для нашей темы «дело № 9» по 1 столу 1829 г. «О принятии в студенты Виссариона Белинского», на 6 листах. Из этого дела Пыпин напечатал только два документа: прошение Белинского и донесение экзаминаторов. Что касается имеющегося в деле «свидетельства» о рождении, то текст его был опубликован в 1900 г. В. Якушкиным и в 1902 г. Н. Волковым по копии из архива Константиновского межевого института [15]. Остальные документы «дела № 9» печатаются в настоящей работе впервые.

Вновь найденные материалы в архивном фонде Московского университета являются в целом незаменимым источником для характеристики общественно-политических и учебно-административных условий, в которых протекали студенческие годы Белинского. Эти материалы дают вместе с тем возможность, в сущности впервые, изложить с достаточной полнотой и чисто фактическую историю пребывания Белинского в университете.

Для воссоздания и характеристики идейной атмосферы, окружавшей Белинского в университетские годы, существенное значение имеет публикуемая в следующем томе «Литературного наследства» (т. 57) переписка Белинского с родными за 1829—1834 гг. Сведения из этой переписки, с которой мы имели возможность ознакомиться с разрешения редакции «Лит. наследства» до появления ее в печати, также использованы в нашей работе.

Обращение к фондам Центрального государственного исторического архива, а также Областного исторического архива в Москве позволило обнаружить и ввести в нашу работу ряд документов, приоткрывающих новые страницы в политической биографии молодого Белинского. Такие материалы содержатся, в первую очередь, в «деле» III Отделения,

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

№ 56.

Суббота, Іюля 13го дня, 1829 года.

Изъ САНКТПЕТЕРБУРГА, Іюня 29.

I. Высочайшіе Указы

за собственноручнымъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подписаніемъ:

Данные Правительствующему Сенату, 1829 года (въ Варшавѣ).

1 й. Іюня 6 го числа: „Исправляющаго должность Кавказскаго Вице-Губернатора Надворнаго Совѣтника Егора Мечникова, согласно поднесенному НАМЪ отъ Правительствующаго Сената докладу, Всемилостивѣйше жалуемъ, за пріѣздъ на службу въ Кавказскую Область, на основаніи Указа 29го Октября 1809 года, въ Коллежскіе Совѣтники, съ обязательствомъ прослужить въ той Области не менѣе трехъ лѣтъ, повелѣвая имѣть ему въ семъ чинѣ старшинство со времени опредѣленія его къ исправленію настоящей должности."

Іюня 8 го числа:

2 й. „Предсѣдателя Таврической Палаты Гражданскаго Суда Статскаго Совѣтника Щербачева, согласно прошенію его, по болѣзненному состоянію, Всемилостивѣйше повелѣваемъ уволить отъ службы."

3 й. „Старшаго Лѣкаря Херсонскаго гренадерскаго полку Штабъ-Лѣкаря Ялейскаго, въ награду отлично-усердной службы, Начальникомъ засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше жалуемъ въ Коллежскіе Ассессоры."

4 й. Іюня 16 го числа (*въ крѣпости Замостьѣ*). „Въ награду отлично-усердной службы, Начальникомъ засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше жалуемъ: старшихъ Лѣкарей, Штабъ-Лѣкарей: Невскаго пѣхотнаго полку Кричевскаго, и Софійскаго пѣхотнаго Воронича; Штабъ-Лѣкарей: конно-Артиллерійской No 3го роты Сорокина и 3го Піонерного батальона Сонцева въ Коллежскіе Ассессоры."

II. Высочайшія повелѣнія.

Объявленныя Правительствующему Сенату, 1829 года:

а) Въ вѣдѣніи Сенатскаго Правительствующаго Суда.

1 е. Іюня 13го числа: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по представленію Г-на Главнокомандующаго. Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ Генерала Графа Паскевича-Эриванскаго, Всемилостивѣйше пожаловать сочиненіемъ Серпуховскаго уланскаго полку Священнику Іакову Новалевскому, за отличное усердіе въ службѣ, оказанное въ продолженіи минувшей съ Персіянами войны, *Наперсный крестъ.*

и нѣсколько бѣднѣйшихъ Турковъ. Всѣ Армяне ходятъ въ Турецкомъ платьѣ. Три моста по рѣкѣ Карсъ-чай соединяютъ Армянское предмѣстіе съ крѣпостью; по сказъ-то мостамъ Русскіе ворвались. — Рѣка быстро прорѣзывается между крутыми берегами, образуя ущелья. Карсъ лежитъ по правую сторону; на картахъ нашихъ онъ ошибочно показывается на лѣвой сторонѣ рѣки. Окрестности города по правую сторону являютъ небольшую долину, по лѣвую горы; лѣса нигдѣ ни прутчика; въ Карсѣ нѣтъ садовъ. Поля обнажены, или покрыты безплодною зеленью; земля каменистая. — Въ лагерѣ весело. Весна освѣжаетъ силы; недостатка ни въ чемъ нѣтъ. Грузинскіе и Армянскіе духанщики, или маркитанты, снабжаютъ всѣмъ для продовольствія за двоякую монету, которая, благодаря попеченіямъ Правительства, не переставетъ звенѣть у насъ. *Ил. Рджкій.*

Письмо къ Издателямъ Сѣверной Пчелы.

Долго служилъ я по гражданской части; наконецъ, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ и обремененъ будучи многочисленнымъ семействомъ, хотѣлъ успокоиться послѣ трудовъ службы и провести остатокъ дней моей жизни на своей родинѣ. Я переѣхалъ на жительство въ г. Брацлавъ, гдѣ, на пріобрѣтенныя мною въ потѣ лица деньги, купилъ небольшой домикъ, который составлялъ все мое имущество, и былъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ единственнымъ пріютомъ для меня и для моего семейства. Но Богъ, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Своихъ положилъ иначе. 24го Мая сего года нужно мнѣ было отлучиться на нѣсколько часовъ изъ города. Возвратясь обратно, чтожъ я увидѣлъ? вмѣсто дому и небольшаго хозяйственнаго моего заведенія, одинъ только дымящійся пепелъ, надъ которымъ сидѣло въ отчаяніи рыдающее *мое семейство!* — Неосторожность одного шляхтича, въ томъ городѣ живущаго, была причиною пожара. Не могу описать могущей своей горести! Я видѣлъ, что на старости принужденъ буду идти съ многочисленнымъ семействомъ по міру! Но Богъ и въ самыхъ наказаніяхъ Своихъ милосердъ — Онъ послалъ мнѣ благодѣтелей: чрезъ нѣсколько часовъ я былъ вознагражденъ за всю мою потерю.

Всѣмъ этимъ обязанъ я обществу Г-дъ офицеровъ квартирующаго здѣсь Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку. Они, движимы будучи *состраданіемъ*, всѣ единушно старались мнѣ помочь. Нижніе же чины онаго полку, подвергая опасности собственную жизнь, успѣли выхватить изъ пламени часть моего имущества и спасти отъ пожара сосѣдственные домы. Прошу покорнѣйше дать мѣстечко въ вашемъ журналѣ изъявленію чувствительнѣйшей моей благодарности обществу Г-дъ Офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку за ихъ великодушный поступокъ. Богъ не оставитъ ихъ безъ награды.

Имѣю честь быть и пр.

Губернскій Секретарь Юсипъ Фомичъ Борунькій, отставной Засѣдатель Брацлавскаго Нижняго Земскаго Суда.

(Изъ Сѣв. Пч.)

Императорскій Московскій Университетъ симъ объявляетъ, что желающіе для усовершенствованія себя въ наукахъ вступить въ Университетъ, должны явиться въ Правленіе онаго не позже 1 го Сентября, представивши о себѣ законный видъ, что они свободнаго состоянія; находящіеся же въ окладномъ состояніи должны представить увольнительные документы отъ своихъ обществъ. Вступающіе въ Университетъ должны имѣть отъ роду не менѣе 16 лѣтъ, и, на основаніи §§ 109 и 110 Университетскаго Устава, обязаны подвергнуться испытанію по всѣмъ предметамъ, составляющимъ курсъ наукъ Губернскихъ Гимназій; кончившіе ученіе въ сихъ Гимназіяхъ должны представить отъ нихъ свидѣтельства о своемъ поведеніи, прилѣжаніи и успѣхахъ; а учившіеся въ Гимназій обязаны представить свидѣтельства отъ тѣхъ мѣстъ и лицъ, у кого обучались, хотя бы и въ домахъ своихъ родителей. Обучавшіеся въ Гимназіяхъ и не окончившіе курса оныхъ, съ исполнными свидѣтельствами Гимназій, какъ и прежде, не будутъ допускаемы къ слушанію Университетскихъ курсовъ.

Правленіе Университета, по внесеніи просящихся въ списокъ Студентовъ, или Слушателей, прежде допущенія ихъ къ слушанію курса наукъ, потребуетъ отъ

ОБЪЯВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА О ПРИЕМЕ СТУДЕНТОВ В 1829–1830 УЧЕБНОМ ГОДУ. БЫЛО ПОМЕЩЕНО В ГАЗЕТЕ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ», № 56 ОТ 13 ИЮЛЯ 1829 г.

Первая страница газеты и страница с текстом объявления (правый столбец)

1 экспедиции, № 183 за 1833 г. следственного процесса над казеннокоштными студентами Московского университета Ф. Заблоцким и другими участниками «тайного польского литературного общества» в Москве — И. Савиничем, К. Коссовичем, Л. Макса и А. Белецким. Дополнением к «делу» III Отделения служат документы из секретного фонда Канцелярии московского военного генерал-губернатора за тот же 1833 г. (№№ 53, 65 и 69), непосредственно относящиеся к Белинскому.

Изучение следственного дела Ф. Заблоцкого и связанных с ним других дел и материалов позволяет ввести в биографию критика документы, являющиеся совершенно новыми источниками для характеристики политических настроений и связей не только московского студенчества 1830-х годов, но и непосредственно Белинского-студента.

Задачей настоящей работы является изучение студенческого периода жизни Белинского на основе всех приведенных в известность первоисточников. Такое изучение, осуществленное в органической связи с анализом общественного движения того времени, поможет, мы надеемся, полнее и конкретнее воссоздать историю идейного развития молодого Белинского. А это, в свою очередь, должно содействовать окончательному разрушению уже разоблаченных советской литературной наукой измышлений реакционной критики о якобы первенствующей роли и значении дворянского либерализма в идейном формировании Белинского, о его политической благонамеренности» в юные годы и «невежественности» «недоучившегося студента».

Глава I

ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ БЕЛИНСКОГО В МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.—УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА КОНЦА 20-х—НАЧАЛА 30-х гг.—ОТНОШЕНИЕ БЕЛИНСКОГО К УНИВЕРСИТЕТСКИМ КУРСАМ.—КОНФЛИКТ МЕЖДУ БЕЛИНСКИМ И УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ

Летом 1829 г., по совету своих пензенских друзей, Белинский решил, не кончая гимназии, держать экзамены в Московский университет. Выбор его был не случаен. Казанский университет, и ближе находившийся и более доступный, казалось бы, скорее должен был привлечь внимание Белинского. Но Казанский университет к этому времени пользовался дурной славой в результате «деятельности» пресловутого «гасителя просвещения» Магницкого. Хотя положение Московского университета было немногим лучше, давление николаевской реакции и здесь лежало тяжелым прессом на университетской науке, тем не менее, вопреки всему, именно Московский университет стал центром организации сил молодой демократической России. Вот почему, по словам друга Герцена, Н. И. Сазонова, «почитание цивилизации, привязанность к истинно-народным традициям и современные свободолюбивые идеи нашли себе в этом учреждении последнее пристанище» [16].

4 июля 1829 г. пензенский знакомый Белинского Н. Иванисов, находившийся в Москве, извещал, со слов Григорьева, в ответ на не дошедший до нас запрос Белинского, что «для поступления в университет ничего почти не нужно, кроме хороших познаний во французском языке» [17]. 13 июля «Московские ведомости» известили в специальном объявлении, что Московский университет открыл прием прошений от лиц, желающих «для усовершенствования себя в науках вступить в университет». Будущие студенты должны были представлять при прошении, кроме других бумаг, «законный вид, что они свободного состояния» [18].

Через месяц после появления этого объявления, а именно около 12 августа [19], Белинский выехал из Чембара через Владыкино в Москву. Он при-

был в Москву 22 августа, когда приемные экзамены в университет у чались. Белинский, по его собственному рассказу, не мог сразу подать заявление — он не привез с собой необходимого документа — «свидетельства о рождении». Гимназический учитель Белинского М. М. Попов дал ему рекомендательное письмо к И. И. Лажечникову, а последний, в свою очередь, рекомендовал будущего критика профессорам Победоносцеву и Снегиреву. Заручившись этими рекомендациями, Белинский сделал попытку 31 августа подать прошение ректору Двигубскому. Последний без свидетельства о рождении просьбы не принял и к экзамену Белинского не допустил [20]. Оставалось только ждать присылки документа.

СТАРОЕ ЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Фотография 1884 г.

Свидетельство, которое с таким нетерпением ожидал Белинский, было получено лишь 11 сентября. На следующий день Белинский вторично подал прошение в правление университета. В тот же день состоялось решение о допущении его к экзаменам. Об этом свидетельствуют записи в «журнале» правления и «докладном реестре». В «журнале» заседания правления от 12 сентября 1829 г. записано, что в присутствии И. А. Двигубского, Е. О. Мухина, А. В. Болдырева и Ф. И. Чумакова были рассмотрены:

«Прошения о принятии в число студентов сего университета:

69. Виссариона Белинского

70. Николая Кафторадзева

Приказали: Предоставить господину ректору и кавалеру для испытания означенных просителей назначить экзаминаторов».

В измененном виде это внесено в «докладный реестр» и в выписку из общего «журнала», вшитую в личное дело Белинского («дело № 9») [21].

Приведенному документу соответствует помета на «прошении» Белинского: «Сл⟨ушали⟩ 12 сент⟨ября⟩» [22].

19 сентября Белинский в присутствии ординарных профессоров Перевощикова, Ивашковского, Терновского, адъюнктов Гаврилова, Погодина, лекторов Кистера и Генекена держал экзамены.

«Вступительные экзамены,— по словам Головачева,— производились кое-как ⟨...⟩ Поступавшие в университет подавали прошение ректору и затем, в назначенный день, являлись в правление, где в присутствии, за стеклянными дверями, собирались по вечерам экзаминаторы ⟨...⟩ к ним пускали экзаменующихся (по одному или по два), которые подходили поочередно к каждому профессору и отвечали на его вопросы» [23]. Белинский выдержал экзамены без труда [24]. На другой день, 20 сентября, он дал «обязательство» — род присяги. Собственноручно написанное, оно гласило:

«Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу, ни внутри империи, ни вне ее не принадлежу и обязуюсь впредь к оным не принадлежать и никаких сношений с ними не иметь.

Своекоштный студент Словесного отделения
Виссарион Григорьев сын Белинский

1829 года, сентября 20 дня»[25].

Представление таких обязательств было введено для студентов (так же, как и для лиц, поступающих на государственную службу) после восстания декабристов. Одновременно было заведено представление специальных поручительств от родных или знакомых. Белинский обратился за поручительством — «распиской» к генерал-майору А. З. Дурасову, которому он был рекомендован своей родственницей Л. С. Владыкиной. В «расписке», датированной тем же 20 сентября и написанной, за исключением подписи, рукой самого Белинского, генерал заявлял, что доверенный его поручительству юноша, определившись в университет, будет ходить в форменной одежде и «своим поведением не нанесет начальству никакого беспокойства» [26].

21 сентября Белинский получил университетскую «табель». Первоначально он этот день и считал, повидимому, днем своего фактического поступления в университет. В письме к родителям от последних чисел сентября Белинский сообщал, что отныне он — студент университета. Эта дата и вошла в биографию критика (Островидов, Пыпин, Енгалычев и др.) [27]. Однако она нуждается в некоторой оговорке. Обращение к подлинным документам заставляет передвинуть официальную дату на 10 дней. «Донесение» о результатах вступительных экзаменов для Белинского было рассмотрено правлением университета только 30 сентября. Об этом свидетельствуют оставшиеся не известными Пыпину и другим биографам делопроизводственные пометы, имеющиеся на донесении: наверху — «30 сентября 1829» и внизу — «сл⟨ушали⟩ 30 сентября» и «Журнал под № 126-м». Экзаминаторы доносили правлению, что они нашли «Виссариона Белинского, сына штаб-лекаря Григория Белинского» «достойным к слушанию профессорских лекций в сем звании» [28].

Окончательное зачисление студентов зависело от решения правления университета. В «Журнале» правления и «докладном реестре» под датой того же 30 сентября записано решение о принятии в университет Белинского и двух других, сдававших в одно время с ним экзамены юношей.

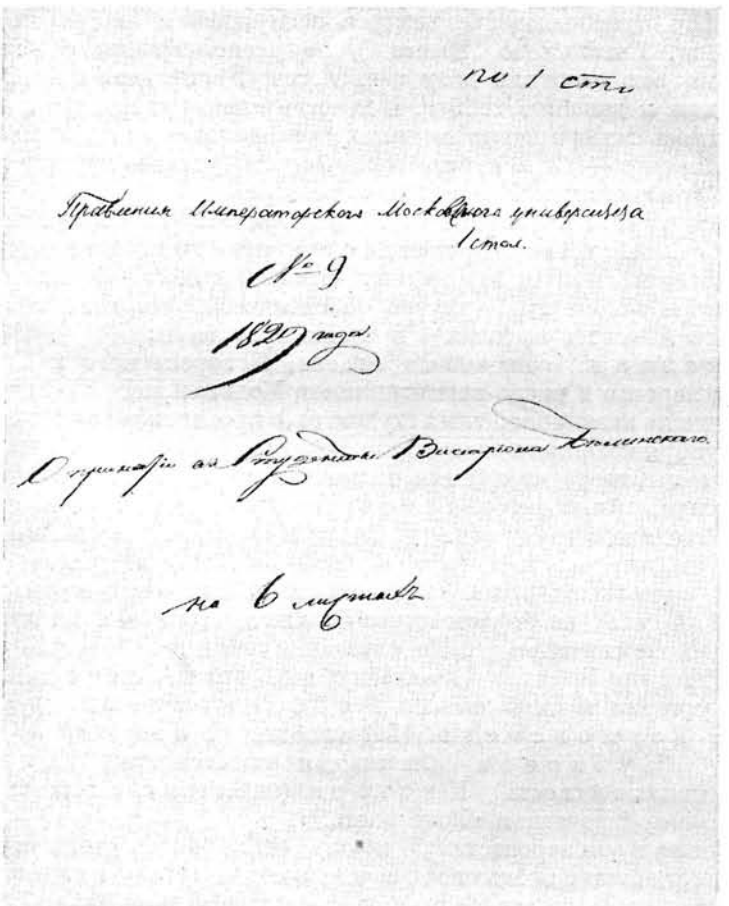
В этот день рассматривались, по записи в «Докладном реестре»:

«Донесения гг. Экзаминаторов, что испытанные ими оказались способными к слушанию лекций

⟨. . . . . .⟩

Трех прочих ⟨помимо медицинского⟩ отделений:
4469 Николай Кафторадзев
4470 Николай Покотилло
4471 Виссарион Белинский

Решение: По удостоению ⟨профессоров⟩, испытывавших в знаниях означенных Кафторадзева, Покотилло и Белинского,— первого включить в список вольных слушателей, а последних в число своекоштных


№ 1 стп

Правленіе Императорскаго Московскаго университета
1 стол.

№ 9

1829 года

О принятіи въ Студенты Виссаріона Белинскаго

на 6 лекцій

ОБЛОЖКА ДЕЛА О ПРИЕМЕ БЕЛИНСКОГО В УНИВЕРСИТЕТ, 1829 г.

Центральный литературный архив, Москва

студентов, взяв с них подписки о непринадлежности к тайным обществам' о хождении в форменной одежде и поручительство за благонадежность поведения их» [29].

Таким образом, датой официального вступления Белинского в число студентов Московского университета является не 21, а 30 сентября 1829 г. Эта дата подтверждается, сверх приведенных источников, одним документом, исходящим от самого Белинского. Подавая в 1834 г. просьбу об определении на место корректора университетской типографии, Белинский указал: «1829 г. сентября 30 дня поступил я в Императорский Московский университет» [30].

Еще до заседания правления университета, а именно 25 сентября, Белинский, не рассчитывавший на получение из дома сколько-нибудь достаточных средств и с первых же дней жизни в Москве оказавшийся в тисках нужды, подал прошение с ходатайством о переводе его из своекоштных в число казеннокоштных студентов. 9 октября он сообщал родителям, что «вследствие сего прошения был освидетельствован университетским доктором П. А. Страховым» и включен в предварительный список «поступающих на казенный кошт». Сам Белинский предполагал, что «разрешение на сию просьбу последует не прежде, как около праздника рождества»[31]. Это предположение ввело в заблуждение биографов критика (Островидова, Енгалычева, Пыпина), не располагавших официальными источниками: они относили дату зачисления Белинского в казеннокоштные студенты к декабрю 1829 г. В действительности официальное решение состоялось вскоре после медицинского освидетельствования Белинского, а именно — 17 октября. Эту дату фиксируют записи в «журнале» правления и в «докладном реестре».

Запись «журнала» правления от 17 октября 1829 г., более полная, гласит, что при рассмотрении «прошений о принятии на казенное содержание» Аваева, Погорельского и Белинского «господин ректор предложил донесение доктора медицины Страхова об освидетельствовании им здоровья означенного Аваева и пр⟨очих⟩» и члены правления:

«Приказали: означенных Аваева, Погорельского и Белинского включить: первого в число воспитанников Медицинского института, а последних в число казеннокоштных студентов, о произвождении же им с 17 числа сего октября казенного содержания кассиру, эконому и 10 класса Андреева дать указы, известив о сем выпискою из журнала и директора врачебного института и инспектора казенных студентов Перевощикова»[32].

Все необходимые формальности были выполнены. Белинский стал «казенным студентом» словесного отделения Московского университета.

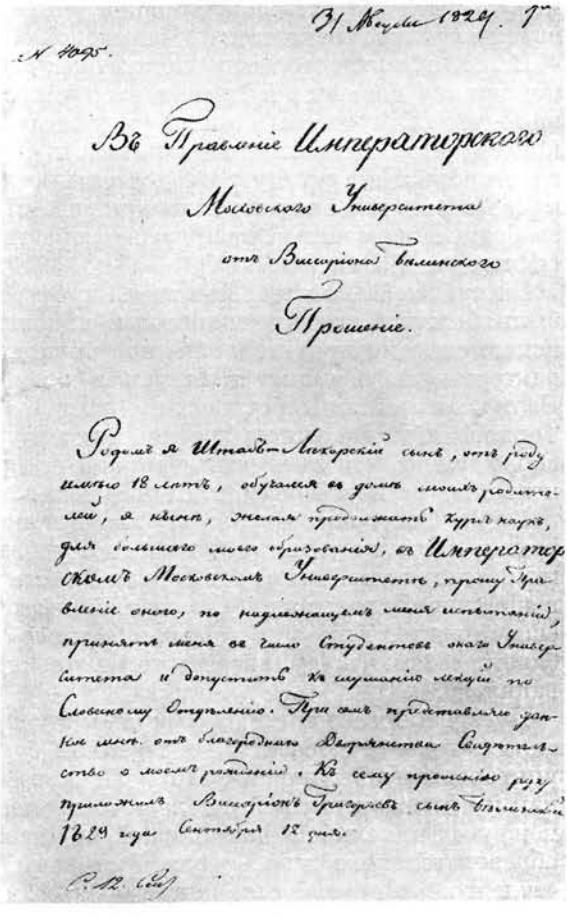
Занятия в университете в первый семестр 1829 г., как и всегда, начались 17 августа. Однако на первом курсе бо̀льшая часть занятий проводилась с первых чисел сентября [33]. На слушание лекций Белинский записался у следующих профессоров словесного отделения: Каченовского (русская история и статистика), Победоносцева (русская словесность), Терновского (богословие), Ульрихса (всеобщая история), Кубарева (латинская словесность), Еннекена (французская словесность), Кистера (немецкая словесность) и Оболенского (греческая словесность)[34].

Вступление в университетскую жизнь, еще недавно столь страстно манившую Белинского, очень скоро привело его не только к глубокому разочарованию, но и к прямому конфликту с официальной наукой. В 1837 г., вспоминая свои студенческие годы, он писал Д. П. Иванову, что никогда не понимал его почтения «к рутине, школьному порядку», к «глупым лекциям московских профессоров». В этих лекциях, — писал Белинский, — «невежество, запоздалость, мелкость, недобросовестность, явное искажение истины так ярко бросались в глаза ⟨...⟩ Не слишком много ума и проницательности нужно для того, чтобы знать, что ни в одном русском университете нельзя положить молодому человеку прочного основания для будущих его занятий наукою, и что для человека, посвящающего всю жизнь свою знанию, время, проведенное в университете, есть потерянное, погубленное время...» («Письма», I, 85—86).

Для того чтобы правильно понять этот суровый приговор критика, необходимо вспомнить, что̀ представляла собой так называемая университетская наука в России в период последекабристской реакции 1830-х годов и в какие условия была поставлена самодержавием деятельность русских университетов в это время.

Подавив восстание на Сенатской площади и жестоко расправившись с декабристами, Николай I, не оправившийся еще от испуга, пережитого им 14 декабря 1825 г.,— поставил перед собой и своим правительством задачу организации широкой борьбы против возможности возникновения и развития в русском образованном обществе какой-либо новой антиправительственной идеологии. Университет и школа, наука и литература были взяты царем и его жандармами под усиленный политический контроль и полицейское наблюдение. В мае 1826 г. всем профессорам Московского университета было предложено представить начальству «обязательства», аналогичные тому, которое дал при вступлении в университет Белинский. В этих декларациях профессора собственноручно писали, что они не принадлежали и не принадлежат ни к каким тайным обществам и обязывались «впредь к оным не принадлежать и никаких сношений с оными не иметь» [35].

Наряду с прямым полицейским нажимом на ученых и науку, правительством Николая I была разработана целая система практических мероприятий, имевшая своей конечной целью «оказенить» науку и ее деятелей, с тем чтобы полностью подчинить их своему политическому контролю и поставить на службу монархии. При подобной установке задача университетского образования сводилась к созданию чиновников от этой «казенной науки», послушных исполнителей «предначертаний» самодержавной власти и «ученых» толкователей казенной, официальной идеологии. Цель воспитания, — «поучал» Пушкина Бенкендорф, со слов Николая I,



31 Августа 1829 г.

№ 1025.

Въ Правленіе Императорскаго Московскаго Университета отъ Виссаріона Бѣлинскаго

Прошеніе.

Родомъ я Штабъ-Лекарскій сынъ, отъ роду имѣю 18 лѣтъ, обучался въ домѣ моихъ родителей, а нынѣ, желая продолжать курсъ наукъ, для большаго моего образованія, въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, прошу Правленіе оного, по надлежащемъ моемъ испытаніи, принять меня въ число Студентовъ онаго Университета и допустить къ слушанію лекцій по Словесному Отдѣленію. При семъ представляю данныя мнѣ отъ благородныхъ Дворянъ свидѣтельство о моемъ рожденіи. Къ сему прошенію руку приложилъ Виссаріонъ Григорьевъ сынъ Бѣлинскій 1829 года Сентября 12 дня.

ПРОШЕНИЕ БЕЛИНСКОГО ОТ 12 СЕНТЯБРЯ 1829 г. О ПРИЕМЕ ЕГО В ЧИСЛО СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Центральный литературный архив, Москва

в 1826 г.,— заключается вовсе не в просвещении, а в прилежном служении, в нравственности, т. е., в понимании царя и шефа жандармов,—в полной политической благонамеренности. «Нравственность,— писал Бенкендорф Пушкину,— прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному» [36]. Инструкция министерства просвещения, данная в июне 1825 г. генерал-майору А. А. Писареву, при назначении его попечителем Московского учебного округа, требовала, чтобы он в первую очередь обращал внимание «на нравственное направление преподаваний, наблюдая строго, чтобы в уроках профессоров и учителей ничего колеблющего или ослабляющего учение нашей веры не укрывалось». При этом он должен был требовать, чтобы в книгохранилищах «не было книг, противных вере, правительству и нравственности» [37].

Салтыков-Щедрин гневно и уничтожающе охарактеризовал эту сторону николаевской высшей школы. В «Письмах к тетеньке» он писал, вспоминая о своем обучении в Царскосельском лицее конца 1830-х — начала 1840-х годов: «Вральманы пичкали нас коротенькими знаниями ⟨...⟩, а холоп высшей школы внушал, что цель знания есть исполнение начальственных предначертаний. Сведения доходили до нас коротенькие, бессвязные, почти бессмысленные. Они не ассимилировались, а механически зазубривались, так что будущая их судьба вполне зависела от богатства или бедности памяти учащегося. Ни о каком фонде, могущем послужить отправным пунктом для будущего, и речи быть не могло» [38].

Таково было официальное направление университетского образования в империи Николая I, и, разумеется, вполне закономерно, что Белинский не мог увлечься обязательной стороной университетских занятий, поскольку видел их резкое расхождение с передовой общественной и научной мыслью.

В 1832 г. инспектор казеннокоштных студентов П. С. Щепкин доносил помощнику попечителя Московского университета об отсутствии надежды на то, что из Белинского может «образоваться полезный чиновник по учебной службе». Действительно, находясь в университете, Белинский готовился совсем к другому роду деятельности. В упомянутом письме 1837 г. к Д. П. Иванову он недаром противопоставлял «занятиям в аудитории» — свободные от казенной опеки и надзора «домашние, кабинетные занятия» («Письма», I, 86).

На рубеже 1820-х и 1830-х годов профессора Московского университета были большей частью типичными чиновниками от науки, послушными исполнителями правительственной политики в области просвещения. Характерными фигурами являлись в этом отношении такие наставники Белинского, как Победоносцев (отец К. П. Победоносцева), Ульрихс, Терновский и некоторые другие. Как мы увидим ниже, Белинский весьма скоро понял, что заниматься наукой под руководством этих профессоров нельзя, и он почти прекратил посещение лекций.

В. Ф. Одоевский писал: «У нас Белинскому учиться было негде; рутинизм наших университетов не мог удовлетворить его логического в высшей степени ума; пошлость большей части наших профессоров порождала в нем лишь презрение». Одоевский много общался с Белинским, и его свидетельство передает, вероятно, мнение самого критика. Одоевский прибавлял затем, что в университете Белинского донимали «нелепые преследования» [39].

Презрение и ненависть к «холопам высшей школы», испытанные Белинским в годы студенчества, определили суровость его позднейших оценок университетской «науки». Но в Московском университете 1830-х годов, как и в каждой высшей школе того времени, существовал резкий разрыв между официальной постановкой и «казенным» направлением научно-образовательного дела, с одной стороны, и умственно-идейной жизнью студентов, с другой стороны.

И. А. ДВИГУБСКИЙ
Литография конца 1820-х гг.
Местонахождение оригинала неизвестно

К. Аксаков следующими словами определил общее значение университетского периода в идейной биографии людей, прошедших университет в одно время с ним, а среди них были Белинский, Герцен, Лермонтов, Станкевич, Гончаров: «В наше время профессорское слово было часто бедно, но студентская жизнь и умственная деятельность, неразрывно с нею связанная, не были подавлены форменностью и приносили добрые плоды»[40].

К этим словам мог бы вполне присоединиться и Белинский. Идейная жизнь московского студенчества и для него являлась той политической школой, в которой складывались познания и убеждения будущего критика. Ниже мы посвятим вторую часть нашей работы исследованию общественно-политических связей Белинского в университетские годы, анализу становления его мировоззрения и значения неофициальной студенческой жизни для идейного развития критика. Теперь же нам необходимо воссоздать картину официальных университетских занятий Белинского. Это важно прежде всего для определения удельного веса университетского образования в развитии Белинского. Мы увидим, что наряду с резким неприятием схоластических и лженаучных курсов «чиновников от науки» (Ульрихса, Победоносцева, Терновского) Белинский внимательно прислушивался к каждому живому слову в лекциях других профессоров (Каченовского, Надеждина и др.).

Воссоздание конкретной и, по возможности, полной картины университетских занятий Белинского важно также и потому, что оно способствует расширению наших сведений о студенческой жизни критика; оно помогает, наконец, уяснить обоснованность суровых ретроспективных приговоров Белинского по отношению к университетской науке, через которую он прошел.

В научной литературе до сих пор нет ясности относительно того, какие именно курсы, каких профессоров и когда слушал Белинский. Исключая И. Островидова, сообщившего, на основании письма Белинского, точный

перечень профессоров, у которых записался будущий критик, остальные исследователи и биографы бездоказательно вводят в круг прослушанных им лекций не только все лекции второго и третьего курсов словесного отделения философского факультета, но также и лекции физико-математического факультета. Так, в единственном монографическом исследовании о юношеском периоде биографии Белинского — в работе С. А. Венгерова «Великое сердце», в качестве его профессоров фигурируют Победоносцев, Каченовский, Ивашковский, Давыдов, Погодин, Надеждин, Шевырев, Павлов. Между тем, ни Давыдова, ни Шевырева Белинский слушать не мог, так как они начали свои курсы после его фактического ухода из университета. Нет никаких достоверных данных о посещении Белинским лекций Павлова [41]. Что касается лекций Надеждина и Погодина, привлекших внимание Белинского, то слушание этих лекций следует ограничить последними днями пребывания Белинского в университете.

По университетскому уставу 1804 г. было четыре отделения (или факультета), из них два—гуманитарных: нравственно-политическое и словесных наук. Первое отделение давало юридическое образование, и основными предметами здесь являлись право, судопроизводство, российское законоискусство и его история. На словесном отделении главными предметами были языки (древние и новые), российская история и статистика и начала теории словесности. Словесное отделение готовило преподавателей российской словесности, истории и географии для гимназий и училищ.

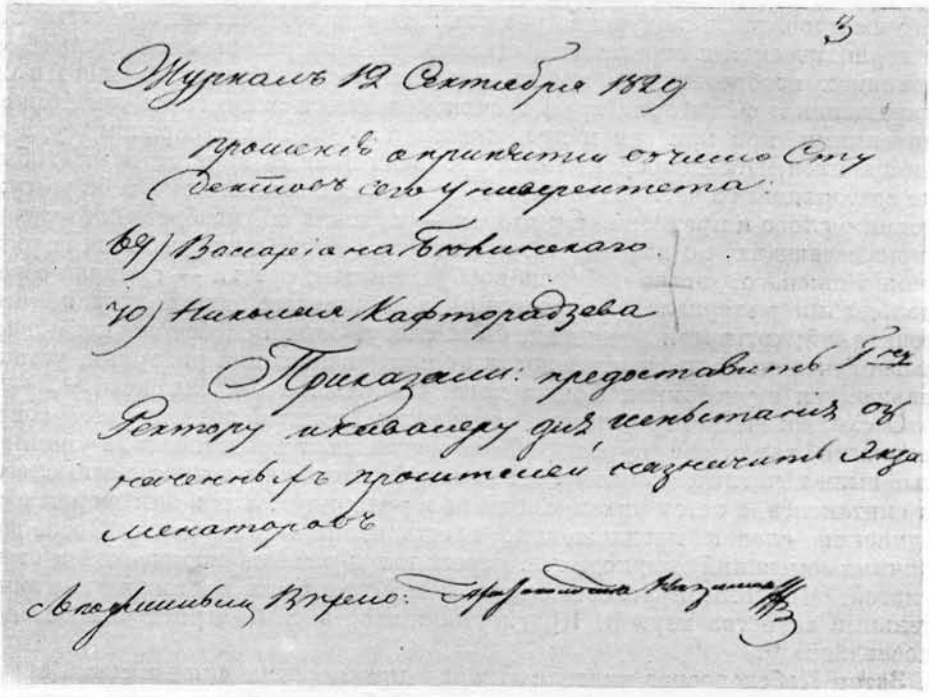
Первый курс имел подготовительный характер. По свидетельству официального университетского отчета за 1834 г., преподавание научных дисциплин на первом курсе, на котором Белинский пробыл три года, вплоть до своего исключения, «по содержанию и объему не восходило за пределы гимназического учения» [42].

В свой первый академический год, а затем и во второй, Белинский был обречен, таким образом, на скучное повторение школьной программы. Он вновь слушал схоластические рассуждения о «хриях», нравоучительные рассказы из всеобщей истории, занимался переводами давно известных ему отрывков из школьных хрестоматий и т. д. «Ведомости» профессоров показывают, что Белинский в первый и следующие годы слушал лекции Каченовского, Победоносцева, Ульрихса, Кистера, Декампа, Кубарева, Гарве, Терновского. Лекций по греческому языку, на которые он записался, Белинский так и не посещал во все время своего пребывания в университете. С другой стороны, он слушал в 1829/30 учебном году чтения Мерзлякова, на которые записан не был, а в 1831/32 году — курс Надеждина. Кроме того, его внимание привлекли лекции по русской истории Погодина. Таков круг лекций, посещение которых Белинским устанавливается документально. Итак, из указанных им в письме к родителям курсов, на которые он записался при поступлении в университет, Белинский не посещал только занятия по греческому языку (в экзаменационной ведомости Оболенского отмечено: «не ходил») [43].

Русскую словесность на первом курсе преподавал, начиная с 1814 г., профессор П. В. Победоносцев (1771—1843). Белинский познакомился с ним еще до того, как стал слушателем его лекций. Именно Победоносцеву, а также профессору Снегиреву, были адресованы упомянутые выше рекомендательные письма И. И. Лажечникова с просьбой оказать содействие Белинскому при поступлении в университет. Белинский нанес визит обоим профессорам, чтобы вручить им эти письма в первые же дни по приезде в Москву.

В 1829 г. Победоносцев начал чтение лекций 9 сентября, а закончил курс 13 июня 1830 г. Читал он по понедельникам, средам и пятницам в «малой аудитории», где его и слушал Белинский. В 1829/30 учебном году на его курс записалось 153 студента (включая второгодичных).

Схоласт и педант «старой школы», чуждый литературной современности и вопросам нового историко-литературного изучения, Победоносцев наполнял свои лекции исключительно изложением риторики и практическими занятиями по русской грамматике и стилистике. Воспитанник московской Заиконоспасской духовной академии, он до конца жизни сохранил преклонение перед авторитетами классицизма. Следует отметить вместе с тем, что литературные вкусы и принципы Победоносцева складывались также под сильным влиянием сентиментальной школы. Одна из первых его книг — «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного



Журналъ 12 Сентября 1829

Просить о принятіи отчисленнаго Сочинителя въ университета:

69) Виссаріона Бѣлинскаго.

70) Николая Кафторадзева

Приказали: представить Г. Ректору и Сенатору для испытанія объ полученіи прошеній сказанныхъ Сенаторовъ

Апробировано Вторно: Президентъ Казанцевъ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ 12 СЕНТЯБРЯ 1829 г. О ДОПУЩЕНИИ БЕЛИНСКОГО К ВСТУПИТЕЛЬНЫМ ИСПЫТАНИЯМ

Выписка из протокола

Центральный литературный архив, Москва

сердца» (М., 1796, ч. 1—2) проникнута характерными для сентиментализма культом печали, покорностью провидению, готовностью нести тяжкий крест страданий. Чувствительная повесть о разбитом сердце супруга, потерявшего жену, посвящена прославлению меланхолии и смерти. Такой же характер носят переведенные Победоносцевым сочинения Юнга, Руссо, Бернардена де-Сен-Пьера и выбранные им для перевода повести Авг. Лафонтена, Дюкре-Дюмениля, Коцебу, Геллерта и др. (в журнале «Новости русской литературы») [44].

Бурное развитие русской литературы в первой четверти XIX в., появление Пушкина, Грибоедова, Баратынского, Рылеева, Веневитинова и других не оказало никакого влияния на эстетические позиции и лекции Победоносцева. Д. П. Иванов вспоминал, что никакой разницы между пензенским гимназическим учителем словесности Яблонским и профессором университета Победоносцевым он не заметил. По его словам, Победоносцев толковал «не лучше Яблонского и об источниках изобретения, о хриях

ординарных и превращенных, припомнить надобно, что пресловутая реторика Кошанского, по которой учил Яблонский в Пензенской гимназии, красовалась в программах, изданных для поступления в Московский университет, едва ли не до пятидесятых годов» [45]. И. С. Тургенев, поступивший в Московский университет в 1833 г., писал в своей автобиографии, что он слушал «старика Победоносцева, державшего студентов на Ломоносовских похвальных Речах и задававшего им „хрию“» [46].

В 1827 г. Победоносцев напечатал конспект своих лекций и с тех пор читал их по этому конспекту без каких-либо изменений. В «Ведомости из класса российской словесности» за 1829/30 учебный год он указывал, что им прочитаны следующие разделы: «О распространении предложений; о периодической и отрывистой, стихотворной и прозаической речи; об источниках изобретений; о хриях, письмах и силлогизмах; о слоге и его украшениях; об истории красноречия. Учащиеся занимались легкими сочинениями, кои при сем и представляются» [47]. Таким образом, судя по этой записи, Победоносцевым был прочитан полный курс риторики, обычно состоявший из четырех частей. Первая часть заключала в себе рассуждения о слове и предложении; вторая — правила об «изобретении мыслей» (показывающих, по выражению известного составителя учебника по риторике Рижского, «истинный путь воображению»); третья — правила о расположении материала (композиции) и различных родах прозаических сочинений; четвертая посвящена была слогу. Запись Победоносцева показывает, что он полностью следовал порядку изложения риторики, установившемуся в учебниках Кошанского, Никольского и Рижского [48].

О схоластическом, рутинном, оторванном от живой литературной современности характере курса Победоносцева дает представление упомянутый выше печатный «конспект» его лекций. Он начинал курс с этимологии и синтаксиса, а затем читал «введение в риторику». Здесь он говорил о соединении слов в предложения, предложений — в периоды. После различных замечаний о периодах он переходил к речи периодической и отрывистой. «Полнота, круглость, связь и постепенность составляют отличительные свойства первой. Краткость, живость и быстрота относятся к последней» [49].

Затем Победоносцев излагал «теорию красноречия или действий оратора». Принципы стилистики излагались Победоносцевым в духе сентиментализма. «Существенные принадлежности слога,— заявлял он в конспекте:— а) откровенность, б) легкость и в) натуральная простота...» [50]. В другом месте он писал, что «достоинства слога: а) ясность, б) чистота, в) приличность, г) точность и д) благозвучие» [51]. Подобное понимание вопросов стиля полностью совпадало со стилистическими нормами салонно-литературной речи сентименталистов, протестовавших против «нагой простоты» и «непристойности» низких выражений и одновременно отрицавших торжественные архаические элементы «высокого» стиля [52]. Однако вслед за требованиями «легкого» и «благозвучного» слога Победоносцев весьма непоследовательно выдвигал идущее от Ломоносова «разделение слога на а) простой, б) средний и в) высокий» [53]. Курс Победоносцева заканчивался краткой историей красноречия. По существу это была не столько история ораторского искусства, сколько отдельные образцы античного красноречия и «взгляд на отечественных витий, духовных и светских».

«Неотъемлемой частью» курса Победоносцева являлись практические занятия, состоявшие в выборе «лучших примеров из отечественных прозаиков и стихотворцев, которые профессор предполагает читать в классе с разбором касательно мыслей и выражений, связи, порядка и отделки оных». С другой стороны, слушатели занимались «сочинениями из тем», предложенных профессором. Приведем относящуюся к этим практическим

занятиям запись из отчета Победоносцева за 1832/33 г.: «Для подкрепления правил,— писал Победоносцев,— избираемы были образцы из Ломоносова, Шишкова, Карамзина, Мерзлякова и прочих. — Сверх легких сочинений, коими занимались слушатели, представляемы от них были и

36. Сентября 1829 г.

№ 1411.

Въ Правленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета

отъ Ординарныхъ Профессоровъ Перевощикова, Ивашковскаго, Мерзлякова, Адъюнктовъ: Надеждина, Лентаровъ: Кайсарова и Снегирева.

ДОНЕСЕНІЕ.

По назначенію Господина Ректора Университета, мы испытывали Виссаріона Бѣлинскаго, сына мірскаго-Лекаря Григорія Бѣлинскаго.

въ языкахъ и Наукахъ, требуемыхъ отъ вступающихъ въ Университетъ въ званіи Студента, и нашли его достойнымъ къ слушанію Профессорскихъ лекцій въ семъ званіи. О чемъ и имѣемъ честь донести Правленію Университета.

Никитръ Надеждинъ
Семенъ Ивашковскій
Петръ Перевощиковъ
Михаилъ Мерзляковъ
Александръ Лентаровъ
Ѳедоръ Кайсаровъ
Ивонъ Снегиревъ

Сентября дня 1829. года

Справ. Сем.

Журналъ подъ № 126

ДОНЕСЕНИЕ ПРОФЕССОРОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ЭКЗАМЕНОВАВШИХ БЕЛИНСКОГО, О СДАЧЕ ИМ 19 СЕНТЯБРЯ 1829 г. ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ИСПЫТАНИЙ

Центральный литературный архив, Москва

переводы с латинского из Цицероновых писем и с французского из „Leçons de littérature et de Morale, par Noël et Delaplace“. И те и другие были разбираемы по правилам критики. Темы, предложенные для сочинений, были следующие:

1. Просвещение должно быть соединено с чистотою нравственности.

2. Разбор синоним: Величие и слава — невинность и непорочность — изобилие и довольство — подобие и сходство — тьма и мрак — кроткий, тихий, смирный, смиренный — описать, изобразить, определить — предпочтение, преимущество, превосходство — блуждать, скитаться.
3. Доброе воспитание служит основанием нашего счастья.
4. Может ли несчастье быть полезно человеку?
5. Олег — победитель.
6. Лучший спутник в жизни — вера в Провидение.
7. Мысли старца при взгляде на заходящее солнце.
8. Отличительные свойства благовоспитанного молодого человека.
9. Полезные книги — лучшие друзья наши»[54].

Перечень тем, предлагавшихся Победоносцевым для учебных сочинений, выразительно определяя общий характер его преподавания, представляет для нас и специальный интерес. Мы обнаруживаем в списке тему о «добром воспитании», на которую писал свое сочинение у Победоносцева Белинский. Сочинение это, под названием «Рассуждение. П. Л. ⟨?⟩. Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей», полностью опубликовано лишь в 1948 г., в 55-м томе «Лит. наследства». Автор публикации Н. И. Мордовченко высказал предположение, что «Рассуждение» было написано Белинским в качестве учебной работы по курсу Победоносцева. Приведя ряд соображений в пользу такого взгляда, Н. И. Мордовченко заключал: «Учебный характер „Рассуждения“ не подлежит, кажется, сомнению». Однако В. С. Нечаева в своей книге 1949 г. «В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности», не полемизируя прямо с Н. И. Мордовченко, по существу не только выразила сомнение в правильности высказанного им предположения, но и в категорической, хотя и бездоказательной форме попыталась отвергнуть его. «„Рассуждение“,— по мнению В. С. Нечаевой,— является оригинальным литературным произведением Белинского, одним из опытов его ранней прозы, в которой он в это время искал жанр, соответствовавший его литературному дарованию». Самую тему «Рассуждения»— о «добром воспитании» — В. С. Нечаева считает «чрезвычайно органичной» для Белинского и зарождение ее связывает с его впечатлениями от «длительного пребывания в родной семье в 1829 г.»[55].

Все эти соображения В. С. Нечаевой о «Рассуждении» приходится ныне признать неосновательными. Опубликованный нами список тем практических занятий по курсу Победоносцева документально подтверждает правильность гипотезы, высказанной Н. И. Мордовченко о том, что «Рассуждение» было написано Белинским в качестве учебной работы. То обстоятельство, что «Рассуждение» датируется декабрем 1829 г., а опубликованный нами список тем по курсу Победоносцева взят из его отчета за 1832/33 г., вряд ли может поколебать правильность наших выводов. Выше уже указывалось, что Победоносцев читал свой курс из года в год без каких-либо изменений. Не приходится сомневаться, что без изменений оставались и сформулированные им темы для практических занятий по курсу. Тема о «добром воспитании», ставшая известной нам по сохранившемуся отчету за 1832/33 г., несомненно, имелась и в не дошедшем до нас или еще не разысканном отчете за 1829/30 г. Таким образом, разноречие мнений, возникшее по вопросу о том, считать ли «Рассуждение» учебным сочинением на заданную тему или вполне «оригинальным литературным произведением Белинского», можно считать устраненным. Само собой разумеется при этом, что в разработке данной ему темы Белинский весьма ярко проявил свое индивидуальное своеобразие. Как правильно указывает Н. И. Мордовченко, «особенности разработки этой темы остаются необыкновенно примечательными для идейного облика Белинского в его молодые годы».

Для характеристики курса Победоносцева показательны не только темы практических занятий, но и пособия, которые он рекомендовал слушателям. В своем конспекте профессор указывает, что «при объяснении правил 〈...〉 руководствуется краткою риторикою, изданною профессором Мерзляковым» [56]. Риторика Мерзлякова составляла основной теоретический базис чтений Победоносцева, и о ней мы скажем ниже. Помимо этого, он рекомендовал разнообразные учебники риторики конца XVIII и начала XIX в. Так, Н. Станкевич, готовясь в 1831 г. к экзамену, просит Я. Неверова прислать учебники Могилевского, Никольского, а «когда есть, то и Рижского»[57]. Впоследствии, в рецензии на пособия Кошанского и Глаголева, Белинский дал уничтожающую оценку представителям этой школьной литературной теории. «Г. Глаголев,— писал он,— под словесностью, как наукою, разумеет грамматику, риторику и пиитику: так думали люди только во времена варварской схоластики, рабски подражая во всем древним, которых они не понимали 〈...〉 В самом деле, из всех наших схоластов, учивших в школе писать так, как никто не пишет в свете, самые замечательные, бесспорно, суть гг. Тредьяковский, Рижский, Толмачев, Кошанский, Плаксин и — Глаголев...» (X, 44—45). Из перечня составителей риторик, данного Глаголевым, Белинский не случайно исключил Ломоносова и Борна. Ниже мы вернемся к этой оценке Белинского, теперь же следует рассмотреть еще один университетский курс теории поэзии, который привлек усиленное внимание Белинского. Это были лекции теоретического вдохновителя и руководителя Победоносцева, наиболее выдающегося лектора Московского университета той поры — профессора А. Ф. Мерзлякова.

В период последекабристской реакции, полицейского надзора за наукой и высшей школой появился особый тип профессоров-эклектиков, легко приспосабливающихся к новым условиям. Характерным представителем этой эклектической науки являлся Мерзляков. Защитник классической

А. Ф. МЕРЗЛЯКОВ

Гравюра К. Я. Афанасьева, 1820-е гг.

Исторический музей, Москва

эстетики, во многом использовавший труды Батте, Эшенбурга, Лагарпа, он вместе с тем находился под сильным влиянием новой эстетики. «Чувство, а не разум основа творчества»,— провозглашал в своих статьях Мерзляков.

Университетский курс Мерзлякова именовался «Российское красноречие и поэзия»; читался он для слушателей старших курсов. Белинский не обязан был, будучи на подготовительном курсе, слушать лекции Мерзлякова. Естественно, что мы не располагаем никакими официальными документами, подтверждающими факт посещения Белинским чтений Мерзлякова. Но сам критик неоднократно вспоминал его лекции в своих статьях. Он не раз писал, что сам слышал то или другое мнение Мерзлякова, заявленное с университетской кафедры.

Так, например, в статье о Пушкине Белинский вспоминал: «Мы сами слышали однажды, как глава классических критиков, почтенный, умный и даровитый Мерзляков, сказал с кафедры: „Пушкин пишет хорошо, но, бога ради, не называйте его сочинений поэмами!“ Под словом поэма классики привыкли видеть что-то чрезвычайно важное» (XII, 12).

В «Литературных мечтаниях» Белинский дал следующую характеристику лекций Мерзлякова, основанную на личных впечатлениях: «Он преподавал Теорию Изящного, и между тем эта теория оставалась для него неразгаданною загадкою во все продолжение его жизни; он считался у нас оракулом критики и не знал, на чем основывается критика ⟨...⟩ И этот человек, который был знаком с немецким языком и литературою, этот человек, с душою поэтическою, с чувством глубоким — писал торжественные оды, перевел „Тасса“, говорил с кафедры, что „только чудотворный гений немцев любит выставлять на сцене виселицы“, находил гений в Сумарокове и был увлечен, очарован поддельною и нарумяненною поэзиею французов в то время как читал Гете и Шиллера!.. Он рожден был практиком поэзии, а судьба сделала его теоретиком; пламенное чувство влекло его к песням, а система заставила писать оды и переводить „Тасса“!» (I, 353—354).

В статье «Горе от ума» Белинский снова припомнил, как Мерзляков «разбирал с кафедры» красоты Сумарокова и подсмеивался над Шиллером, Гете и Шекспиром (V, 75).

Эти и другие мемуарные места в критических статьях Белинского не оставляют сомнений в том, что в свои студенческие годы он был одним из внимательнейших слушателей Мерзлякова. При этом следует отметить, что интерес к лекциям Мерзлякова был общим для всех членов ближайшего окружения Белинского-студента. Эти лекции аккуратно посещали учившиеся на II курсе М. Чистяков, И. Нечай, П. Матюшенко и Н. Аргилландер — товарищи Белинского и его сожители по 11 нумеру казеннокоштного общежития[58]. Посещали в этот год лекции Мерзлякова и два приятеля Белинского из числа своекоштных студентов: Н. Григорьев и П. Петров[59].

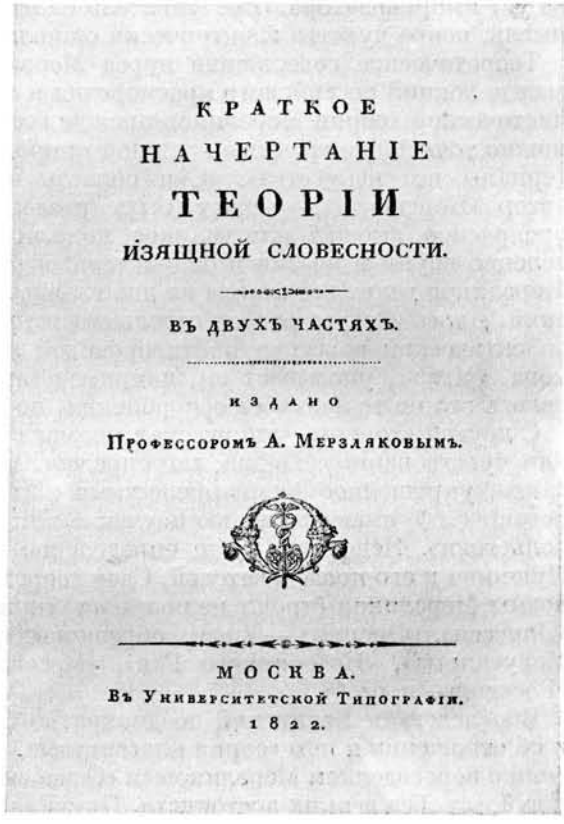
Первый год университетской жизни Белинского был последним годом деятельности Мерзлякова (1788—1830). Теоретик позднего классицизма в России, автор широко распространенного в то время кодекса «науки вкуса» — «Краткого начертания теории изящной словесности» (М., 1822), переводчик, поэт и критик Мерзляков не являлся представителем целостной и последовательной теории искусства. По словам Надеждина, он заявлял, что всякая эстетическая система губит дарование поэта. «„Вот где система“,— говаривал, бывало, он своим слушателям, указывая на сердце: и никто не требовал от него более: ибо в этом сердце кипела пучина жизни»[60].

В своем университетском курсе «российского красноречия и поэзии» Мерзляков строго придерживался теории непереходимых границ жанров,

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ А. Ф. МЕРЗЛЯКОВА «КРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ ТЕОРИИ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ», 1822 г.

Экземпляр из библиотеки Белинского

Музей И. С. Тургенева, Орел



КРАТКОЕ
НАЧЕРТАНІЕ
ТЕОРІИ
ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНО
ПРОФЕССОРОМЪ А. МЕРЗЛЯКОВЫМЪ.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1822.

отрицательно относился к романтической поэме и роману, в стилистике следовал учению о «трех штилях». Мерзляков давал «практические разборы знаменитейших российских стихотворцев во всех родах сочинений, в которых наиболее наша поэзия успела»[61]. «Новшества» русской поэзии приводили его часто в недоумение. «Что это за дух ⟨романтической поэзии⟩, который разрушает все правила пиитики,— спрашивал он,— смешивает вместе все роды, комедию с трагедией, песни с сатирой, балладу с одой? и пр., и пр.»[62]. Классицистические основы его взглядов мешали ему видеть и понимать закономерность развития новой русской литературы.

В 1829/30 академическом году лекции по курсу Мерзлякова «Российское красноречие и поэзия» начались в сентябре и закончились в июне. Мерзляков читал вторую часть своего курса. «Пройдена вторая часть курса красноречия, — читаем в отчетной ведомости Мерзлякова за 1829/30 г.,— предназначенная для нынешнего учебного года.—Слушатели занимаемы были часто разбором критическим как своих, так и чужих сочинений»[63]. Чтения происходили три раза в неделю: две лекции Мерзляков посвящал истолкованию теории, а третью — исключительно разбору «сочинений знаменитейших российских писателей во всех родах и потом критике собственных переводов и сочинений слушателей»[64]. Лекции Мерзлякова пользовались большой популярностью и часто приводили в восторг слушателей. О манере, в которой Мерзляков вел свой курс, дает представление следующее свидетельство современника: последние лекции (1829/30 г.) Мерзлякова «состояли, по большей части, в критических импровизациях. Он к ним не готовился. Приносил на кафедру Ломоносова или Державина, развертывал. Случай открывал оду. Речь свободно и роскошно лилась

из уст импровизатора. Все зависело от настроения минуты ⟨...⟩ Светлая мысль, искра чувства электрически оживляли всю аудиторию»[65].

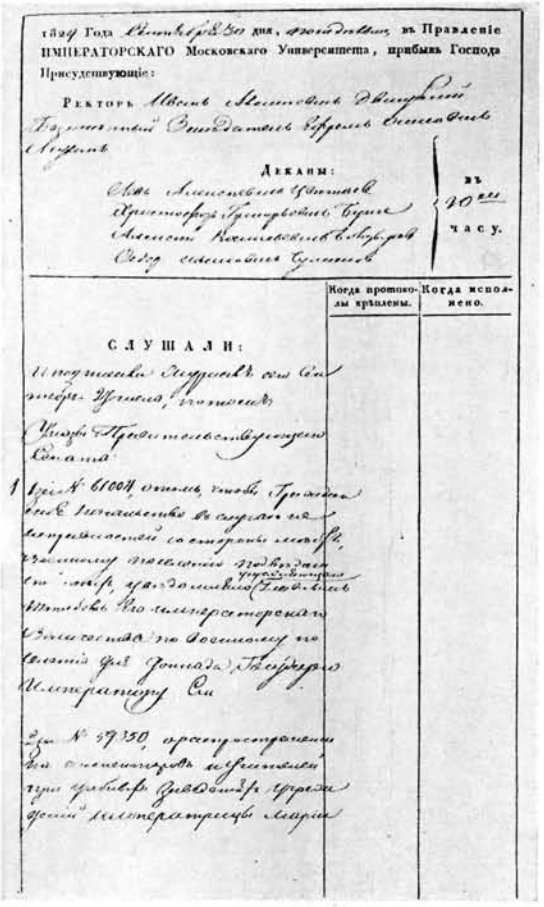
Теоретическое содержание курса Мерзлякова изложено в его «Конспекте лекций российского красноречия и поэзии». В духе поздне-классицистической теории Мерзляков прежде всего устанавливает «сколько возможно точнейшие границы изящной природы, из коей почерпают свои материалы все искусства». «Сия область изящной природы,— указывает автор «Конспекта»,— может быть разделена на три главных предела: прекрасное, высокое или великое, полезное или благое». Дав затем определение науки и поэзии и охарактеризовав последнюю, как «язык богов», Мерзляков делит все формы на два главных рода: эпический и драматический. Далее следует разбор отдельных жанров, весьма показательный для эклектической и весьма противоречивой литературной позиции Мерзлякова. Сатира, указывает он, например, врачует пороки, но она должна делать это не только «без оскорбления, но даже с приятностью».

С другой стороны, «лирическая поэзия вообще состоит в полном излиянии чувствований». Поэма, по определению Мерзлякова, «есть повествование, украшенное всеми прелестями живописующей и изобразительной поэзии ⟨...⟩, имеющее целью поучение или возбуждение удивления и удовольствия». Ясно, что в это определение никак не укладывалась поэма Пушкина и его последователей. Свои теоретические размышления о жанре поэмы Мерзляков строил целиком на «критическом аналисе» «Илиады», «Одиссеи», «Энеиды» — «поэм образцовых», а затем и «Освобожденного Иерусалима», «Потерянного Рая», «Мессиады», «Лузиады», «Генриады», «Россиады» и пр.[66]

Впоследствии Белинский неоднократно будет говорить об этих поэмах и об отношении к ним теории классицизма. «Перевод этот,— писал Белинский о переведенном Мерзляковым «Освобожденном Иерусалиме»,— тяжел и дубоват, без всяких достоинств. Причина этому опять двоякая: Мерзляков не владел стихом и на эпические поэмы смотрел с херасковской точки зрения, как на что-то натянуто-высокое, надуто-великолепное и дубовато-тяжелое» ⟨Разрядка моя.— *М. П.*⟩ (XI, 327).

Каково же было отношение Белинского к прослушанным им университетским курсам русской словесности и красноречия, к курсам Победоносцева и Мерзлякова? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить направление литературных интересов Белинского-студента. Еще в гимназические годы Белинский пристально следил за литературной жизнью России. Он был страстным поклонником Пушкина, увлеченным читателем Бестужева, Рылеева, Грибоедова и поэтов «пушкинской плеяды». Его особенное внимание привлекала происходившая в литературе битва классицизма и романтизма. После переезда в Москву и начала студенческой жизни этот интерес Белинского к борьбе новых передовых течений русской литературы с консервативными, отживающими, непрерывно возрастал, становясь все более активным и осознанным. Одно из первых свидетельств враждебности Белинского-студента к классицизму находим в его письме к родителям, конца 1829 г., в котором он пишет о «площадном Сумарокове» и «напыщенном» Хераскове («Письма», I, 6).

Д. П. Иванов указывал по поводу отношения Белинского к гимназическому курсу риторики, что это «схоластическое, мертвящее учение не оставило на нем ⟨Белинском⟩ никакого следа, или он не вынес ничего из этого учения, кроме отвращения к риторике вообще и риторике Кошанского в особенности, которое не раз высказывал впоследствии во многих статьях, когда приводилось заводить речь о ней»[67]. Это «отвращение» к риторике и классицизму усилилось в студенческие годы, чему способствовало, в частности, ознакомление Белинского с соответствующей учебной литературой.

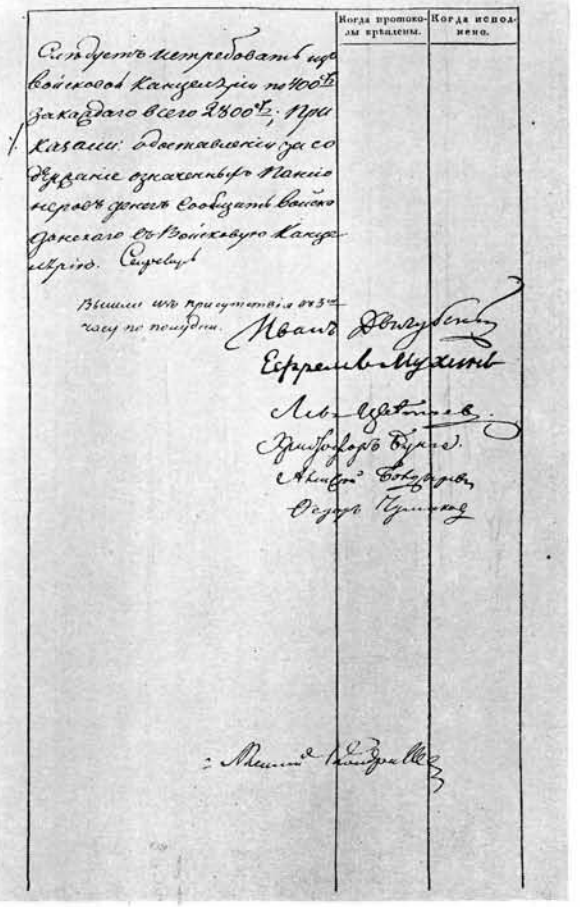


1829 Года Сентября 30 дня, Понедельник, въ Правленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, прибывъ Господа Присудствующіе:

Ректоръ Иванъ Лемитовъ Двигубскій
Профессоръ Ефимъ Ефремовъ Мухинъ
Деканы:
Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ
Дмитрій Григорьевичъ Бурнашевъ
Алексѣй Ивановичъ Бодяревъ
Федоръ Алексѣевичъ Пушкинъ

въ 10 часу.

	Когда протоколы крѣплены.	Когда исполнено.
СЛУШАЛИ:		
И подписавъ Государь Императоръ Указъ, приказали: Чтобы Предсѣдатель Конференціи Совѣта		
1 Дѣло № 6100/4 отложить, чтобы Правленіе Университета въ случаѣ не потребованія со стороны Министра, Высочайшаго повелѣнія, по Указу Императора Александра Павловича Его Императорскаго Величества, по Высочайшему не Указу для доклада Государю Императору Ея		
Дѣло № 37350, о распоряженіи Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича Императрицы Маріи		



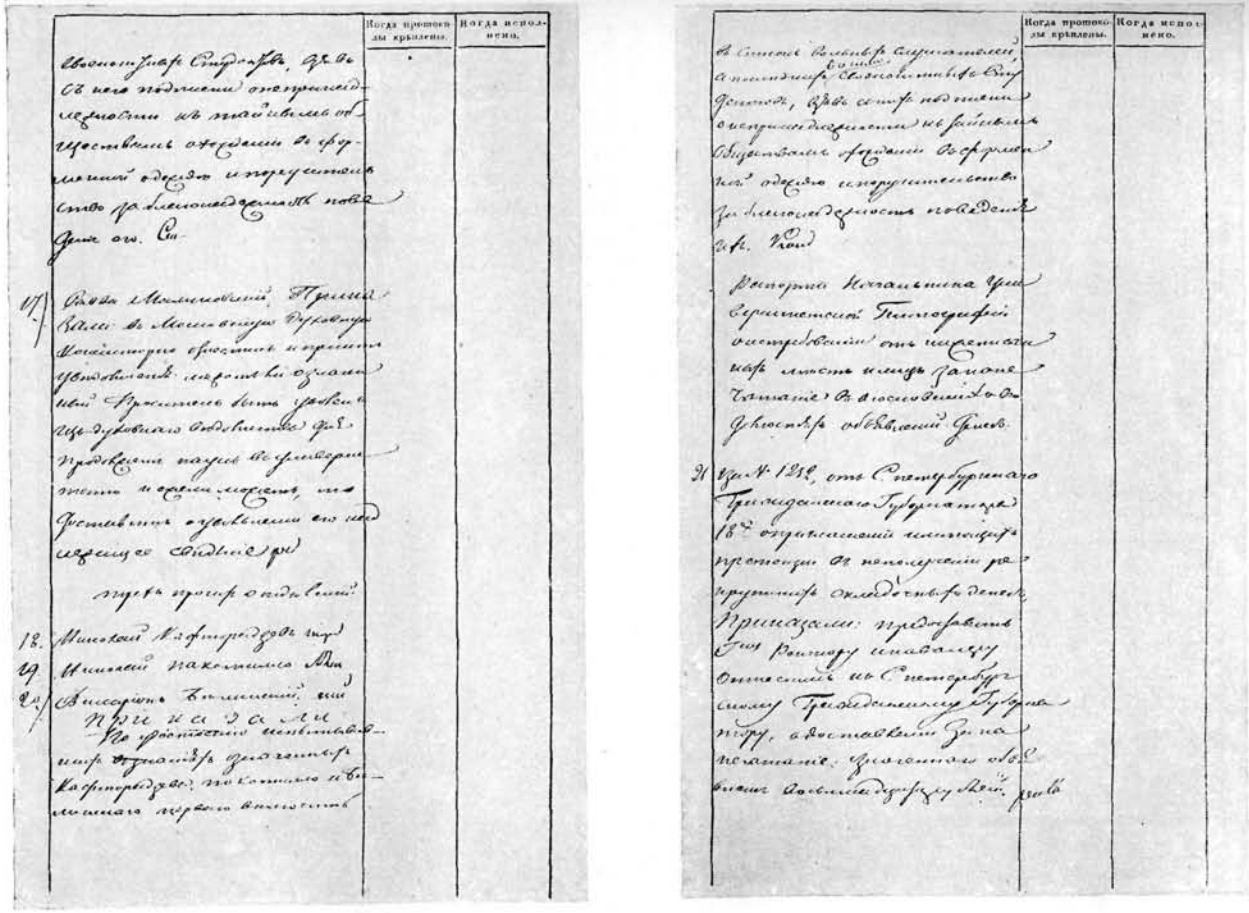
	Когда протоколы крѣплены.	Когда исполнено.
Слѣдуетъ потребовать изъ Войсковой Канцеляріи по 400 р. за каждаго всего 2800 р. Приказали: обстановленныя для содержанія отказенныхъ Университетъ доносить Войсковаго Канцеляріи. Секретарь		
Вышли изъ присутствія въ 3 часу по полудни.		

Иванъ Двигубскій
Ефремъ Мухинъ
Левъ Цвѣтаевъ
Дмитрій Бурнашевъ
Алексѣй Бодяревъ
Федоръ Пушкинъ
Секретарь Дмитрій Кондратьевъ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ 30 СЕНТЯБРЯ 1829 г.
О ПРИЕМЕ БЕЛИНСКОГО В ЧИСЛО СТУДЕНТОВ

Первый и последний листы протокола с подписями участников заседания

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова



ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ 30 СЕНТЯБРЯ 1829 г.
О ПРИЕМЕ БЕЛИНСКОГО В ЧИСЛО СТУДЕНТОВ

Третий и четвертый листы протокола с текстом постановления (параграфы 18–20)

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

Именно к этим годам, вероятно, относится знакомство критика с книгой Аполлоса «Правила пиитические», о которой он с иронией говорит в «Литературных мечтаниях», Мейнерса «Главное начертание теории и истории изящных наук» и, наконец, с известным учебником Мерзлякова — «Краткое начертание теории изящной словесности». В библиотеке Белинского сохранились все три названных пособия, причем в последнем мы находим пометки, имеющие несомненно учебный характер. Владелец книги отчеркнул в «Кратком начертании» Мерзлякова разделы о стихосложении, о видах пастушеских стихотворений, о действующих лицах эклоги [68]. Так как в статьях Белинского мы не находим использования этих мест из учебника Мерзлякова, вполне допустимо предположить, что они относятся к его студенческим занятиям. Такой же характер имеют выписки об «эпопее» и «драматической поэзии» в конце рукописи учебного сочинения Белинского «Рассуждение ⟨о воспитании⟩»[69].

Как сказано выше, Белинский посещал необязательные для него лекции Мерзлякова. «Некоторые из старших студентов,— вспоминает Прозоров,— слушавшие теорию красноречия и поэзии Мерзлякова и напитанные его переводами из греческих и римских поэтов, были в восторге от его перевода Тассова „Иерусалима“ и очень неблагосклонно отзывались о „Борисе Годунове“ Пушкина, только что появившемся в печати, с торжеством указывая на глумливые об нем отзывы в „Вестнике Европы“. Первогодичные студенты, воспитанные в школе Жуковского и Пушкина ⟨...⟩, беспрестанно декламировали целые сцены из комедии Грибоедова, которая тогда еще не была напечатана; Пушкин приводил нас в неописанный восторг. Между младшими студентами самым ревностным поборником романтизма был Белинский, который отличался необыкновенной горячностью в спорах и, казалось, готов был вызвать на битву всех, кто противоречил его убеждениям. Увлекаясь пылкостью, он едко и беспощадно преследовал все пошлое и фальшивое, был жестоким гонителем всего, что отзывалось риторикою и литературным староверством»[70].

Материалы лекций Белинский дополнял чтением последней литературы по эстетике. Он изучал теоретические статьи в «Московском вестнике», «Атенее», «Мнемозине», «Телескопе», труды Галича, лекции Надеждина, эстетику Бахмана и Аста. Для своей библиотеки он приобрел сохранившиеся в ней диссертацию Камашева «О различных мнениях об изящном» и брошюрки по эстетике Кронеберга [71]. О последних он писал впоследствии, что «юношество, стремящееся к мысли и знанию, в брошюрках и разных статьях Кронеберга всегда найдет для себя о чем подумать, чему поучиться» (IV, 112).

Общее направление развития эстетических взглядов Белинского, резко отчуждавшее его от литературных вкусов и принципов Победоносцева и Мерзлякова, определяется все более углубляющимся движением его мысли в сторону историзма и реализма в восприятии явлений литературы. Эти реалистические устремления Белинского бросались в глаза его современникам. М. М. Попов рассказывал, что по приезде в Москву в начале 1831 г. он был поражен переменой в литературных понятиях Белинского; в качестве иллюстрации им приводилась проницательная характеристика Белинским «верности изображений времени, жизни и людей» в «Борисе Годунове» Пушкина[72].

В 1839 г. Белинский писал, что «все учебники русской словесности или неполны и недостаточны, или основаны на ложных началах и близоруких взглядах; там вы иногда найдете и учение о хриях, и способы изобретения мыслей, и мнимые правила, как писать речи и письма, историю и путешествия — все поверья Лагарпа, Гензия и товарищей» (XIII, 26). Белинский резко критикует хаотическое смешение в учебных книгах по теории поэзии различных наук — от грамматики до эстетики, от стилистики

до логики (VII, 457); он требует новых философских оснований для теории поэзии (VI, 63).

Несомненно, что ненависть к схоластической риторике и поэтике классицизма зародилась у Белинского еще в гимназии и укрепилась в университете. П. Прозоров сообщает, что чтения о хриях, инверсах и автониях возбуждали резко отрицательное отношение Белинского. «Вследствие особенной настроенности своего духа,— писал Прозоров,— он никак не мог равнодушно слушать бургиевские лекции первого курса»[73]. Отрицательное отношение к школьной риторике разделяли многие студенты Московского университета. К. Аксаков, рассказывая о крайней скудости и непривлекательности лекций Победоносцева, говорит об общей неприязни к нему слушателей, усиливаемой его грубым обращением с ними[74].

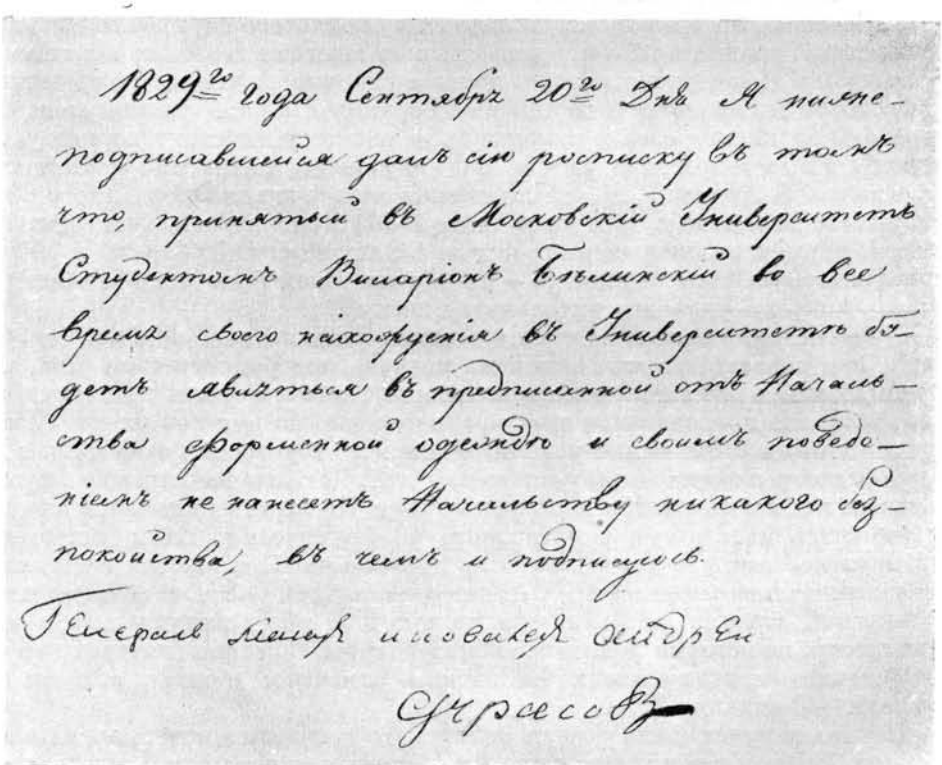
В воспоминаниях Г. Головачева, поступившего в университет двумя годами позже Белинского, рассказывается о постоянных насмешках студентов над Победоносцевым[75]. Показательно, что Н. Станкевич, готовясь в 1831 г. к экзамену у Победоносцева, замечает в этой связи в записке к Неверову: «Пропасть глупостей надо делать сегодня»[76]. Таким образом, в своем резко отрицательном отношении к лекциям Победоносцева Белинский не был одинок. Поэтому нет ничего удивительного, что он не принадлежал к числу аккуратных посетителей лекций Победоносцева. В «ведомости» за 1829/30 учебный год отмечено, что Белинский пропустил 15 занятий по курсу «российской словесности». Тем не менее на экзамене 13 июня 1830 г. Белинский получил «тройку», то-есть сравнительно высокую оценку (поскольку отметки ставились по четырехбалльной системе). Летом 1831 г. Белинский, в качестве второгодника, вновь держал экзамен у Победоносцева и на этот раз получил «двойку», т. е. средний балл. Из 87-ми аттестованных за 1830/31 учебный год Победоносцев поставил «двойки» сорока одному студенту и «единицы» — двум[77].

Иным было отношение Белинского к лекциям Мерзлякова, хотя теоретические установки курса последнего были столь же неприемлемы для него, как и курс Победоносцева. Как сказано выше, Белинский-студент не раз вступал в борьбу и спор со своими университетскими товарищами — поклонниками Мерзлякова, а впоследствии не раз подвергал сокрушительной критике эстетические начала его курса в своих статьях. Но при всей своей принципиальной враждебности по отношению к пропагандировавшейся Мерзляковым теоретической схоластике классицизма, Белинский с уважением относился к самой личности профессора и признавал его одаренность в качестве литературного критика. «Как эстетик и критик,— писал Белинский впоследствии,— Мерзляков заслуживает особенное внимание и уважение. Ученик Буало, Баттё и Лагарпа, он следовал теории, которая теперь уже вне спора и даже насмешек; но он следовал ей и проповедывал ее, как умный и красноречивый человек. Ложны были его основания, но он был им везде верен и развивал их последовательно и живо. Словом, в этом отношении на Мерзлякова можно смотреть как на умного представителя литературных понятий целой эпохи. В ошибках его виновато его время; достоинства его принадлежат ему самому» (XI, 327)[78].

К числу не любимых студентами профессоров принадлежали преподаватели иностранных языков. Г. Головачев писал: «За Победоносцевым следовал преподаватель латинского языка Кубарев; его окружало несколько латинистов, с которыми он переводил Цицеронову „De Amicitia“ ⟨О дружбе⟩ и Овидиевы превращения; остальная масса слушателей мало участвовала в преподавании и занималась чем-нибудь посторонним или прогуливала его лекции. Преподаватель греческого языка Оболенский начал⟨...⟩ с азбуки, потом проходил склонения и спряжения да переводил какую-то хрестоматию»[79].

Преподавание древних и новых иностранных языков было поставлено плохо. По свидетельству того же Головачева: «Выучиться какому-нибудь из этих языков при таком преподавании не было никакой возможности; что же касается до истории литературы как немецкой, так и французской, то она состояла из перечня авторов и их сочинений»[80].

Сохранившиеся «конспекты» учебных курсов Геннекена, Кистера, Декампа и других лекторов подтверждают это свидетельство мемуариста. Судя по «конспектам», изучение языка сводилось, в основном, к заучиванию правил грамматики и слов, а изучение словесности — к разбору отдельных произведений иностранных писателей по формально-стилистическому методу Победоносцева и к ознакомлению с краткими биографиями писателей. Для выходцев из семей мелких чиновников и разночинцев изучить какой-нибудь иностранный язык «не было никакой возможности». В этом отношении они резко отличались от студентов из дворянских семей, уже поступавших в университет, как правило, с хорошими знаниями одного или нескольких иностранных языков. Характерным в этом отношении являются муки вольноотпущенника А. В. Никитенко, старательного слушателя Петербургского университета. Его «сокрушали» французский и латинский языки, усвоить которые ему так и не удалось[81]. Вот почему можно утверждать, что Белинский в знании языков ничего или почти ничего не получил от университета. Латинский и французский языки, которые он знал в такой мере, что мог довольно свободно переводить с них, были усвоены им преимущественно путем самостоятельного домашнего



1829го года Сентября 20го Дня Я нижеподписавшийся даю сію росписку въ томъ что, принятый въ Московскій Университетъ Студентомъ Виссаріономъ Бѣлинскій во все время своего нахожденія въ Университетѣ будетъ являться въ предписанной отъ Начальства форменной одеждѣ и своимъ поведеніемъ не нанесетъ Начальству никакого безпокойства, въ чемъ и подписуюсь.

Генералъ Маіоръ и кавалеръ Андрей Дурасовъ

«ПОРУЧИТЕЛЬСТВО», ПРЕДСТАВЛЕННОЕ БЕЛИНСКИМ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ В УНИВЕРСИТЕТ

Было дано Белинскому А. З. Дурасовым 20 сентября 1829 г. Написано рукою Белинского, поручителю принадлежит только подпись

Центральный литературный архив, Москва

изучения, начатого еще в Чембаре и Пензе. Сохранившиеся в библиотеке Белинского в большом числе латинские и французские книги, словари и самоучители английского и немецкого языков [82] свидетельствуют, как широко мог пользоваться Белинский иноязычной литературой.

Первоначально Белинский записался на лекции Кубарева, Оболенского, Геннекена и Кистера (см. выше). Фактически, как явствует из записей преподавателей, он посещал лекции Кубарева, Кистера и слушал французский язык у Декампа, который с декабря 1829 г. вел занятия вместо Геннекена [83]. В «ведомости» Оболенского, читавшего греческий язык, как сказано выше, было отмечено: «не ходит»[84].

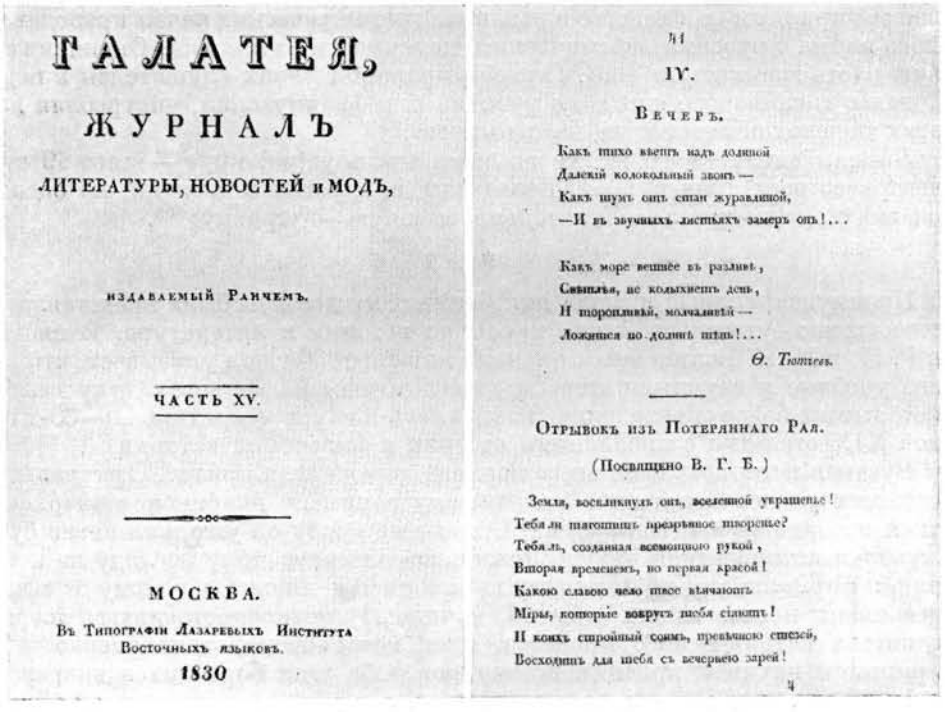
Лекции Кубарева по латинскому языку немного могли прибавить к знаниям Белинского; латынью он усердно занимался еще в гимназии[85]. Лекции Кубарева начались во втором семестре в январе 1830 г. и закончились в июле. В течение курса было пройдено, по записи лектора: «Синтаксис согласования и управления. Также объясняемо было Цицероново сочинение „De Amicitia“» [86]. В «ведомости» Кубарева отмечено, что Белинский пропустил 13 занятий[87]. Говоря иначе, Белинский находился в числе тех слушателей, которые, по приведенному выше свидетельству Головачева, «мало участвовали в преподавании» и занимались «чем-нибудь посторонним». Это не означает, однако, что Белинский пренебрегал изучением латинского языка. В его библиотеке сохранилось довольно много учебных и других книг по латыни, приобретенных в большинстве своем, несомненно, в студенческие годы. Среди этих книг мы находим Саллюстия, Теренция (оба издания с параллельными латинским и русским текстами), Цицерона и др. Особенно интересно сохранившееся в библиотеке парижское издание сочинений Горация 1828 г., испещренное многочисленными пометками Белинского. Последние отражают процесс вдумчивого чтения и определенного отбора стихотворений из книги од Горация. На ряде страниц имеются переводы латинских слов и выражений, а также схемы стихотворных размеров[88]. Самостоятельная работа над изучением латинских классиков не отразилась, впрочем, на академической оценке знаний Белинского. Он получил на экзамене у Кубарева в июне 1830 г. «двойку». Следует, однако, иметь в виду, что одновременно с ним из 133 слушателей Кубарева «двойку» получили 46 человек, «единицу» — 39. На подобном фоне «двойка» Белинского означала удовлетворительную оценку[89].

Хуже обстояло дело с новыми языками. Если латинский язык Белинский, как сказано, изучал еще дома вначале под руководством отца, то французский и немецкий языки он впервые начал изучать в Пензенской гимназии, где преподавание этих предметов шло из рук вон плохо. Следствием этого и были малые успехи Белинского в усвоении этих языков в университете. Лекции французского языка А. Декампа начались во втором семестре и длились с февраля по июнь 1830 г. По записи Декампа, в классе «занимались переводами с латинского на французский язык, историею французской литературы и изложили правила оной. В низшем же классе прошли синтаксис причастия»[90]. Архивные источники не дают возможности установить, слушал ли Белинский только начальные правила или посещал лекции по истории французской литературы. Во всяком случае в графе «отсутствие» против имени Белинского отмечено: «болен», а в графе «успехи» — «единица»[91].

Несколько лучше были успехи Белинского в изучении немецкого языка. Лектор Ф. Кистер вел занятия для I и II курсов по немецкому языку с января по июнь 1830 г. Объем пройденного указан лектором в следующей записи: «Из литературы кончили историю поэзии и прозы; из синтаксиса прошли все правила синтаксиса, из грамматики занимались переводами с русского на немецкий и наоборот» [92]. Историю немецкой литературы и языка Кистер читал только до Клопштока. Собственно говоря, это была не

история литературы, а краткий пересказ биографий и сочинений «образцовых писателей»[93]. Белинский пропустил восемь лекций по немецкому языку и на экзамене у Кистера в 1830 г. получил «двойку»[94].

Встречающееся в литературе утверждение, что изучение Белинским языков ограничилось университетскими занятиями, ошибочно. Белинский придавал большое значение вопросу практического овладения иностранными языками (см. письмо к Ивановым от 13 января 1831 г.— «Письма», I, 27). Но он предпочитал изучать их самостоятельно и вкладывал в свои занятия много труда и увлечения. В письме к Ивановым от 10 сентября 1832 г. Белинский сообщал, что основательно усвоил французский язык и занимается немецким. «Особенно займу его ⟨сына Ивановых⟩,—



ГАЛАТЕЯ,

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

издаваемый Раичемъ.

ЧАСТЬ XV.

МОСКВА.

Въ Типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ.

1830

№ 1

IV.

Вечеръ.

Какъ тихо вѣетъ надъ долиной
Далекій колокольный звонъ —
Какъ шумъ онъ спанъ журавлиной,
—И въ звучныхъ листьяхъ замеръ онъ!...

Какъ море вешнее въ разливѣ,
Сверкнувъ, не колыхнетъ день,
И торопливый, молчаливый —
Ложится по долинѣ тѣнь!...

Ѳ. Тютчевъ.

Отрывокъ изъ Потеряннаго Рая.

(Посвящено В. Г. Б.)

Земля, воскликнулъ онъ, вселенной украшенье!
Тебя ли топчутъ презрѣнное творенье?
Тебя ль, созданная всемощною рукой,
Впоряя временемъ, но первая красой!
Какою славою чело твое вѣнчаютъ
Міры, которые вокругъ тебя сіяютъ!
И коихъ стройный сонмъ, превѣчною стезей,
Восходитъ для тебя съ вечернею зарей!

НАПЕЧАТАННЫЙ В «ГАЛАТЕЕ» ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ МИЛЬТОНА «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ» В ПЕРЕВОДЕ П. Я. ПЕТРОВА, С ПОСВЯЩЕНИЕМ БЕЛИНСКОМУ, 1830 г.

Титульный лист и страница журнала с началом текста перевода и посвящением

писал он,— изучением французского языка, в котором я приобрел довольно достаточные сведения, и немецким, который теперь занимает все мои досуги» («Письма», I, 42). Основательность приобретенных познаний во французском языке Белинский обнаружил скоро в своих переводах для «Молвы» (с марта 1833 г.). Так резко разошлись, и в данной области, фактические знания Белинского и официальная «академическая» их оценка.

В первый же год пребывания в университете Белинский, вероятно, под влиянием П. Я. Петрова, начал посещать курс английского языка. Петров превосходно владел английским. Белинский сообщал в январе 1831 г., что «Петров занимается переводом „Потерянного Рая“ на русский, стихами — и переводит лихо!» («Письма», I, 27). Отрывок из этого перевода был напечатан в «Галатее» 1830 г. (ч. XV, № 22) с посвящением Белинскому. В классе Гарвея, читавшего по понедельникам, средам и пятницам

с 13 января по июнь 1830 г., были пройдены «с толкованием и критическим разбором» знаменитая «Дунсиада» («Поэма о дурачье») Попа, «Ночные думы» Юнга, «Времена года» Томсона, Оссиан, а по языку — этимология с «упражнениями в переводах с английского на французский или русский и обратно». Эдуард Васильевич Гарвей читал курс в Московском университете с 1828 г. Он был автором хрестоматии и краткой грамматики английского языка, увлекался русской литературой и переводил на английский язык статьи о ней. По словам автобиографической заметки Гарвея, написанной в третьем лице, преподавание свое он делил «на два курса: на первом, на младшем, курсе он главное свое старание прилагает к тому, чтобы своим слушателям дать верное и чистое произношение, занимает их чтением и объясняет им основные правила английской грамматики, указывая им при этом на сходство и различие грамматических начал преподаваемого языка с русским, французским, немецким и латинским. Окончив первую часть грамматики ⟨...⟩, Гарвей упражняет своих слушателей в переводах с английского языка на русский или французский, употребляя для этих переводов легчайшие из отрывков».[95]

Лекции английского языка посещал очень узкий круг — всего 19 студентов со всех трех курсов. Белинский пропустил 8 занятий, но оценку на экзамене получил сравнительно высокую — «тройку» [96].

* * *

Преимущественный интерес для Белинского должны были представлять, естественно, университетские курсы по истории и литературе. В письме к Г. Н. и М. И. Белинским от начала января 1830 г. он указывает, что все его учебные и научные интересы сосредоточены на вопросах искусства[97], которые все более определенно связывались в науке и критике 20—30-х годов XIX столетия с проблемами истории и философии истории.

Русская историография этого периода переживала кризис. Официально-господствующее положение попрежнему занимала дворянско-монархическая историография Карамзина. Однако на смену ей уже шла новая буржуазная историческая наука. Летописно-эмпирическому взгляду на историю и формальному прагматизму карамзинской школы, идущему от внешней смены политических событий, начинают противопоставляться теории единства исторического процесса, идеи исторической закономерности и принципы научной критики источников. Оба этих борющихся направления нашли, как мы увидим, отражение и в университетских курсах по истории, которые слушал Белинский.

По словам историка Московского университета, в начале 1830-х годов русскую историю в университете продолжали читать по Карамзину, а средние века всеобщей истории — по Рюсу[98]. Типичным представителем казенно-официальной исторической науки в Московском университете был профессор Ю. П. Ульрихс. В 1829/30 академическом году он читал во втором семестре на словесном отделении всеобщую историю и статистику По окончании истории средних веков он успел пройти, как явствует из его отчета, историю новейших времен до Венского конгресса, введение в статистику и статистическое описание Австрийской империи[99].

Я. Неверов, вспоминая, что студенты первого года слушали Победоносцева, Мерзлякова, Каченовского, Снегирева, Ивашковского («осел, навьюченный книгами») и Ульрихса, говорит о последнем, что он читал по программе любого учебника [100]. По собственному заявлению проф. Ульрихса, он соблюдал «прагматический образ изложения», но по существу излагал всемирную историю в чисто формальной, хронологической последовательности внешних событий. Основная идея курса Ульрихса сводилась к внушению слушателям преданности самодержавию и покорности властям. В официальном конспекте своих лекций он формулирует эту задачу в сле-

М. Т. КАЧЕНОВСКИЙ
Рисунок неизвестного художника, 1820-е гг.
Исторический музей, Москва

дующих словах: «всегда будет указываемо на ту всеобщую истину, что польза всех сведений и познаний зависит от употребления их соответственно нравоучению и гражданским законоположениям». Как проявлялись эти реакционно-охранительные установки Ульрихса в его изложении событий всеобщей истории, видно, например, из того, что французскую буржуазную революцию конца XVIII в. он характеризовал в своих лекциях как беззаконную и исторически не оправданную [101]. Основным пособием по курсу Ульрихса была совершенно устаревшая, даже для первого десятилетия века, книга Иоганна-Матиаса Шрекка (1733—1808), историка церкви, принадлежавшего к так называемой супронатуральной школе. Богословско-теологический характер учебника Шрекка по всеобщей истории и обусловил выбор его книги в качестве пособия в николаевской высшей школе. Отметим кстати, что книга эта сохранилась в библиотеке Белинского. Титул ее русского издания гласит: «Древняя и новая всеобщая история, или руководство к преподаванию оной при публичном и приватном обучении юношества в округе Императорского Московского Университета. Сочинение И. М. Шрекка» (М., 1814) [102].

Засвидетельствованное в мемуарной литературе отрицательное отношение передового студенчества к Ульрихсу объяснялось не только обветшалостью, антинаучностью методологических начал его лекций, но и откровенной охранительно-реакционной тенденцией их. Белинский в своем студенческом сочинении «Рассуждение ⟨о воспитании⟩» рассматривал историю персов и греков с точки зрения положительного влияния свободы и отрицательного — рабства на их национальный характер [103]. Такое осмысление всеобщей истории резко расходилось с тем, что он слышал на лекциях Ульрихса и читал в учебнике Шрекка. Несколько позже, а именно в 1835 г., обобщая свои студенческие воспоминания, Белинский писал: «Наша литература очень бедна учебными книгами и преимущественно

по части истории. Причина этого заключается сколько в трудности составления хорошей учебной книги, столько и в ложном понятии, какое вообще имеют у нас касательно этого предмета» (II, 183).

Очевидно, что эти «ложные понятия» усматривались Белинским также и в лекциях Ульрихса и в тех рекомендованных им пособиях, знания которых тот требовал от студентов на экзаменах. Нет ничего удивительного, что на экзамене 1830 г. Белинский получил от Ульрихса «двойку» [104].

В противоположность лекциям Ульрихса, курс русской истории, читавшийся Каченовским, вызывал глубокий интерес университетской молодежи и пользовался большой популярностью. Об этом свидетельствуют в своих высказываниях и воспоминаниях и Белинский (I, 380), и Гончаров[105], и К. Аксаков [106], и другие.

Учившийся вместе с Белинским С. Строев (Скромненко) даже видел в Каченовском основателя новой школы, совершившего «переворот» в изучении истории [107]. Созданная Каченовским «скептическая школа», поднявшая знамя исторической критики, действительно, расчищала пути для новой исторической науки. Острие критики Каченовского было направлено против антиисторизма Карамзина и его школы. Карамзин был типичным представителем историографии XVIII в., о которой Энгельс писал: «В области истории — то же отсутствие исторического взгляда на вещи ⟨...⟩ Вследствие этого становился невозможным правильный взгляд на связь исторических событий, а история, в лучшем случае, являлась не более, как готовым к услугам философа сборником иллюстраций и примеров» [108]. Сборником иллюстраций и примеров во многом была и «История государства российского» Карамзина. Белинский впоследствии не раз критиковал историков карамзинской школы за то, что они сводили историю к сообщению голых фактов, не проникнутых идеей закономерностей исторического процесса. Так, в статье об «Истории Малороссии» Н. Маркевича Белинский писал: «И вот об этой-то перспективе ⟨исторического развития⟩, по крайней мере, до сих пор, мало думали наши историки: оттого у них блистательный двор Ярослава, как две капли воды, похож на блистательный двор Людовика XIV, а времена полубаснословных Олегов, Игорей и Святославов они описывают с такою же полнотою, надгробностью и достоверностью, как будто бы они, добрые историки, сами недавно были современниками и очевидцами всех этих исторических т е н е й» (XII, 408).

Эта критика летописно-эмпирического метода карамзинской школы близка методологическим установкам Каченовского, заявлявшего: «Требую от историка, чтобы он показывал мне людей такими точно, какими они действительно были». Выдвигая этот замечательный для своего времени принцип воссоздания реальной исторической жизни, а не «исторических теней», Каченовский первый в русской историографии попытался, хотя и неудачно, провести идею закономерного развития через всю историю России [109].

По словам С. Строева (Скромненко), Каченовский стремился в своих лекциях «найти общие законы, по которым развивалось человечество», показать, что история должна быть «представлением жизни всего человечества в ее действительности» [110]. «В истории,— заявлял Каченовский в своем «Конспекте»,— обращается внимание слушателей на источники повествований, на причины происшествий важных и на их отношения к ходу Всемирной истории; в своем месте замечаются: перемены в нравах, обычаях, законах, в образованности умственной и гражданской, в промышленности и во всем том, чем один и тот же народ отличается от самого себя в две данные эпохи» [111].

Однако крайности скептических воззрений, приводившие Каченовского к отрицанию целых исторических эпох и периодов в жизни страны, помешали ему построить схему прагматической истории России.

Белинский слушал лекции Каченовского с сентября 1829 г. по июнь 1830 г. и вторично в 1830/31 академическом году. Они оставили глубокий след в памяти Белинского. О Каченовском он нередко и всегда с уважением и благодарностью говорил впоследствии в своих статьях. Одно из ранних упоминаний находим в «Литературных мечтаниях»:

«Я не ученый, и в истории смыслю весьма немного ⟨...⟩ Теперь у нас две исторические школы: Шлецера и г. Каченовского. Одна опирается на давности привычки, уважении к авторитету ее основателя, другая, сколько я понимаю, на здравом смысле и глубокой учености ⟨...⟩ Вследствие чего мне кажется очень естественным, что настоящее поколение, чуждое воспоминаний старины и предубеждений авторитетов, горячо приняло исторические мнения г. Каченовского» (I, 380).

В этих словах Белинского ясно указано, что̀ именно привлекало его в лекциях Каченовского. Борьба с идеологическими основами аристократического и монархического понимания истории, с «воспоминаниями старины», с авторитетами дворянской историографии. Снижение и дискредитация этих авторитетов были важны для Белинского, уже в студенческие годы вступившего на путь отрицания идеологии самодержавно-крепостнического государства.

Показательно, что поднятое Каченовским и созданной им скептической школой знамя исторической критики воспринималось как враждебное главным идеологом теории официальной или казенной народности — С. С. Уваровым. Он требовал начать борьбу против Каченовского «в защиту исторического православия» [112]. Для Белинского же критика и разоблачение легендарности преданий, призванных укреплять авторитет «исторического православия» и вместе с тем самодержавия, составляли важнейшую сторону лекций Каченовского. Следует, однако, подчеркнуть, что, восприняв от Каченовского его наиболее прогрессивные в научном отношении методологические указания, Белинский остался, вместе с тем, чужд крайностям скептических воззрений своего университетского учителя (отрицание подлинности и достоверности таких источников по древнерусской истории, как летописи, договоры с греками и т. п.). В лекциях Каченовского Белинский в первую очередь ценил и усваивал проникавшую их идею единства исторического процесса, непрерывности и перспективности исторического развития. Эту идею, первоначально усвоенную на лекциях Каченовского, а затем самостоятельно углубленную и развитую Белинским, можно проследить во многих его статьях. В 1843 г. он писал: «Всякая история должна отличаться перспективою, так что, если смотреть от конца к началу, все видно у́же и темнее, по мере отдаления. Вот об этой-то исторической перспективе говорил покойный профессор Каченовский, которого здравым и основательным идеям и умному скептицизму в деле русской истории доселе еще не отдано должной справедливости» (XII, 408).

В 1828/29 академическом году на нравственно-политическом отделении университета начал преподавание всеобщей истории XVI—XVIII столетий, а также русской истории, молодой адъюнкт М. П. Погодин [113]. По свидетельству Я. Костенецкого, учившегося в то время на этом отделении, лекции Погодина пользовались большим успехом; на них собирались слушатели самых различных факультетов [114].

Погодин в своей автобиографии вспоминал: «Лекции о русской истории ⟨Погодина⟩ получали случайную занимательность вследствие противоположности учению профессора Каченовского в словесном отделении, так что студенты ходили часто от одного профессора к другому, сверху вниз, чтобы слышать обе стороны, нападение на Нестора и защиту его, происхождение Руси с Юга и с Севера, и проч.»[115].

Популярность Погодина среди студенчества 1830-х годов частично объясняется его рано начавшейся литературной деятельностью, близостью к Пушкину и другим писателям 1820-х годов. Журнал Погодина «Московский вестник» Белинский читал еще в Пензе [116]. Повести Погодина, сыгравшие, хотя и скромную, роль в развитии русской прозы, были предметом внимательного изучения Белинского. Они начали появляться в печати с 1825 г., а в 1832 г. вышли отдельным изданием в трех частях. «Повести Михаила Погодина» по жанровым особенностям распадаются на два цикла: романтический с яркой автобиографической окраской и «народный», бытоописательный — из жизни купечества и крестьянства. В повестях романтических («Русая коса», «Адель» и др.) Погодин рассказывает «историю сердца». Но характерно, что даже в эти романтические повести он вносит элементы нового, пытаясь, хотя и робко, поставить проблему разночинца и стремясь к снижению романтической патетики (герой-студент, несложная и неэффектная развязка). Еще больший интерес представляли повести второго цикла — «Нищий», «Черная немочь», замечательные не столько изображением крестьянского и купеческого быта, сколько протестом против крепостного права и темноты купечества. Идейная проблематика этих повестей имела демократическую окраску. Погодин изображал гибель маленького и незаурядного человека в условиях «подлой, гадкой, грязной, дикой жизни». В повести «Нищий», появившейся накануне декабрьского восстания (в ноябре 1825 г.), герой — крепостной крестьянин — мстит своему барину за поруганную невесту. Весьма показательно, что первая редакция повести в «Урании» имела существенные отличия от текста в «Повестях Михаила Погодина». В «Урании» герой (Егор) изображен менее пассивным, он энергичен, страстен, полон бешеной ненависти к барину. Здесь повесть заканчивалась многозначительным намеком на крестьянское мщение: «Какие грозные сны виделись мне, друзья мои! Я вам расскажу их после» [117]. Последние слова недаром были опущены в издании 1832 г. После разгрома декабристов так писать было уже невозможно. Естественно, что повести Погодина обратили на себя внимание. Надеждин в рецензии на издание 1832 г. отмечал, что Погодин в своих «народных» рассказах пытается «решить важнейшие задачи умственного и нравственного человеческого организма» [118], т. е. намекал на осуждение Погодиным крепостной действительности.

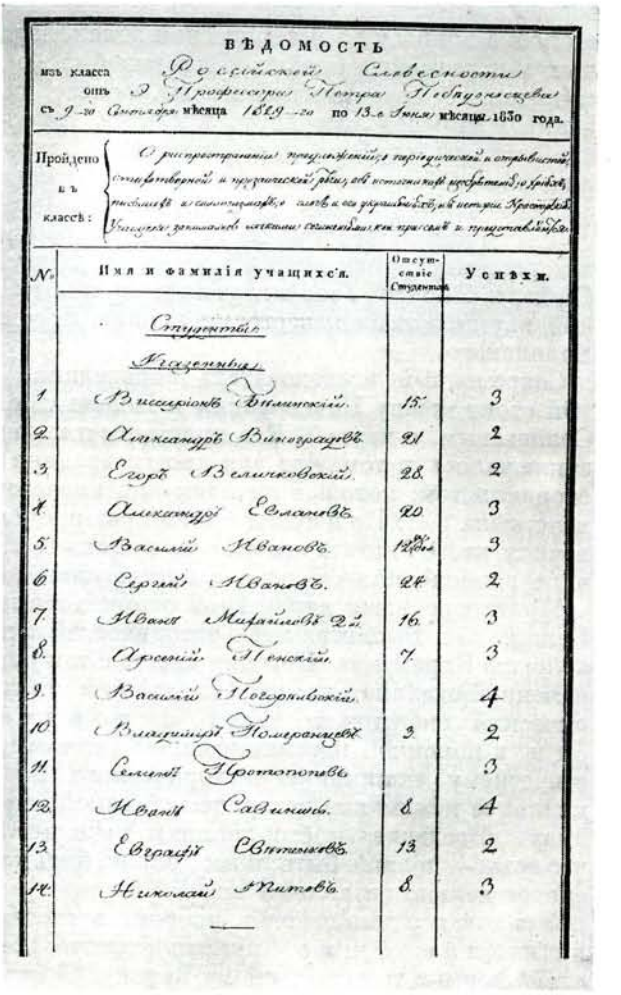
Впоследствии, давая высокую оценку повестям Погодина именно за эту попытку поставить проблемы общественной жизни, Белинский отмечал их идейную ограниченность (II, 204—205). Но в студенческие годы Белинский по-юношески восторженно воспринимал прогрессивную сторону творчества Погодина. В архиве последнего сохранилось письмо земляка и университетского товарища Белинского Дм. Фед. Каширина (о нем см. в Биографическом словаре в настоящем томе). В 1863 г., вспоминая молодость, Каширин писал Погодину: «Портреты ⟨Погодина и Белинского⟩ припомнили мне и то время, когда Белинский пребывал в университете — и во сне и наяву весь проникнутый Пушкиным и всегда⟨?⟩ вне себя от Ваших: „Русой косы“, „Невеста на ярмарке“ и т. д. Видеть Вас немедленно — было его задушевным желанием. Живо в моей памяти то время, когда он прибежал запыхавшись в нашу квартиру (он был казеннокоштным, а мы жили около Тверского бульвара) с криком: Видал! видал! Долго мы не могли добиться: кого? Но, наконец, рассказал он, как встретил Вас в Александровском саду, в коричневом Вашем сюртуке, как он сидел против Вас, ловил Ваши взоры, Ваши движения ⟨...⟩ Да, Михаил Петрович, было время, когда ⟨слово⟩ Ваше звучало чем-то электрическим в устах молодого поколения и даже Белинского» [119].

Сопоставляя это письмо с мемуарами современников (Костенецкого и др.) и ранними статьями Белинского, можно с полным основанием утверж-

дать, что Белинскому Погодин в эти годы (1829—1832) представлялся передовым и талантливым писателем. Исходя из этого положения, естественно предполагать, что Белинский посещал лекции Погодина по русской, а может быть и по всеобщей истории, или, по крайней мере, интересовался ими. О последнем свидетельствует сохранившийся в архиве Забелина собственноручно переписанный Белинским конспект лекций Погодина. Конспект озаглавлен: «Русская история, лекции, читанные адъюнктом Московского университета Михаилом Погодиным. 1833 г.», а внизу надпись: «Принадлежащие Виссариону Белинскому» [120]. Этот конспект лекций Погодина состоит из двух разделов: «Введение» и «Материалы исторические». Последний раздел не закончен и обрывается на анализе «Истории государства российского» Карамзина. Судя по всему, до нас дошла только часть конспекта.

Остается, однако, нерешенным вопрос, к какому году относятся записи Белинского. Дата конспекта — 1833 г. — может относиться только ко времени переписки им своих старых или чьих-то новых записей. Сам Белинский мог слушать Погодина либо в первый, либо во второй год своего пребывания в университете, т. е. в 1829/30 или в 1830/31 академическом году.

Костенецкий, слушавший Погодина между 1828 и 1832 гг., вспоминал: «Он первый дал нам понятие о критической стороне истории» [121]. Сам



ВѢДОМОСТЬ

изъ класса Россійской Словесности

отъ Профессора Петра Побудинскаго

съ 9-го Октября мѣсяца 1829-го по 13-е Іюня мѣсяца 1830 года.

Пройдено въ классѣ: О распространеніи просвѣщенія, о періодической и отрывистой стихотворной и прозаической рѣчи, объ остроумномъ изобрѣтеніи, о бреднѣ, письмѣ и стенографіи, о силѣ и ея родовыхъ видахъ, объ исторіи Краковской. Учащіеся читали сочиненія, сложенныя ими прозой и стихами.

№	Имя и фамилія учащихся.	Отсутствіе Студентовъ	Успѣхи.
	Студенты		
	Казенные		
1	Виссаріонъ Бѣлинскій	15.	3
2.	Александръ Виноградовъ	21	2
3.	Егоръ Великжовскій	28.	2
4.	Александръ Евлановъ	20	3
5.	Василій Ивановъ	12	3
6	Сергій Ивановъ	24	2
7.	Иванъ Михайловъ 2й	16.	3
8.	Арсеній Пенскій	7.	3
9.	Василій Погорниловскій		4
10	Владиміръ Померанцевъ	3.	2
11.	Семенъ Протопоповъ		3
12.	Иванъ Савинскій	8.	4
13.	Евграфъ Свѣтиловъ	13	2
14.	Николай Ситовъ	8.	3

ВЕДОМОСТЬ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО КАФЕДРЕ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В 1829/30 УЧЕБНОМ ГОДУ С ОЦЕНКОЙ УСПЕХОВ БЕЛИНСКОГО

Отметки по четырехбалльной системе

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

Погодин сообщал Шевыреву 20 октября 1829 г.: «Я читаю теперь там ⟨в университете⟩ Российскую историю преимущественно в критическом отношении и излагаю все изыскания до 1-го периода, все мнения в подробностях» [122]. Бросается в глаза, что конспект Белинского является полным и точным воспроизведением материала согласно программе, намеченной в письме Погодина. С другой стороны, в 1832/33 академическом году Погодин читал «Историю государства Российского по Карамзину» [123], что противоречит содержанию конспекта. Таким образом, конспект Белинского является записью лекций Погодина периода 1829—1831 гг. Является ли он результатом его собственного посещения этих лекций или нет — определить невозможно. Но в том и в другом случае интерес Белинского к лекциям Погодина безусловен, и обойти его нельзя.

В начале 1830-х годов Погодин еще не был, как впоследствии, откровенным защитником реакции. К этому времени относятся его непродолжительный либерализм и близость к «скептической школе». Так, например, в 1828 г. в «Московском вестнике» Погодин выступил со статьей «Нечто против мнения Н. М. Карамзина о начале Российского государства» [124]. В том же году он поместил в своем журнале известные замечания на «Историю государства Российского» Н. С. Арцыбашева [125]. Хотя Погодин не являлся крупным передовым ученым, но для своего времени он был незаурядной величиной и далеко опередил большинство профессоров Московского университета. Если он не мог делать серьезных научных обобщений, то в постановке вопроса об исторической закономерности и в разработке отдельных исторических проблем Погодин был вооружен всеми достижениями современной исторической мысли, философской критики и превосходным знанием мировой литературы предмета. Если на лекциях Ульрихса Белинский слышал глубоко устаревшие морализаторские рассуждения об исторических событиях, если в учебнике Шрекка он читал определение всеобщей истории, данное в духе богословско-исторической науки XVIII в.[126], то на лекциях Погодина ему открывались новые перспективы в изучении истории, звучали имена Ломоносова, Карамзина, Шеллинга, Шиллера, Гердера, Нибура, Гизо и других представителей отечественной и иностранной науки. Этими качествами лекции Погодина, конечно, и привлекали Белинского.

Современный исследователь справедливо охарактеризовал Погодина: «Он стоит между Каченовским и Полевым, с одной стороны, Кавелиным, Соловьевым, с другой. Его преимущество перед Каченовским и Полевым заключалось в том, что для своего времени он был все-таки историком-специалистом, который шел так или иначе от конкретного исторического материала ⟨...⟩ Но идеологическая реакционность его научной мысли в конечном итоге лишила эти выводы принципиальной обоснованности, исключила возможность синтеза, единства системы» [127].

Противоречивым характером отличаются лекции Погодина и в записях Белинского. Выдвигая идею исторической закономерности, критикуя методологию Карамзина, Погодин вместе с тем развивает реакционные стороны немецкой идеалистической философии и критикует, хотя и умеренно, исторический скептицизм. Идея исторической необходимости в немецкой идеалистической философии сводилась к слепо-фаталистическому пониманию исторического процесса. Подобное провиденциальное понимание исторической закономерности было присуще и Погодину. «Введение» к его лекциям начинается знаменитой фразой: «Все, что есть,— должно быть, и все должно быть так, как есть. Человек живет— следовательно он должен жить» [128].

Указывая в дальнейшем «условия исторической жизни», Погодин делит их на всеобщие, принадлежащие всем народам, и частные, свойственные только данному народу. К первым относятся «психологиче-

ские условия», ко вторым — физико-географические: положение и почва страны, климат и т. д.

«„Всеобщая история“,— читаем мы в записях Белинского,— должна изображать жизнь человека и постоянное развитие оной; следовательно, частная история должна изобразить жизнь и постоянное развитие оной частного какого-нибудь народа. Необходимые законы чувствования и действования народов изменяются по климату, месту и пр., подобно как солнце изображается в различных местах, и сие различие происходит от обстоятельств того места, на которое упадают лучи его. Долг частного историка показать, почему все сие происходит так, а не иначе; он должен показать

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД В МОСКВЕ
Литография неизвестного художника, 1830-е гг.
Исторический музей, Москва

те происшествия, которые служили ступенями сего народа; должен показать меру высоты сих ступеней, крепость и пр. Вторая задача частного историка состоит в том, что он должен показать отношения того народа, который он рассматривает, к другим, т. е. указать то место, которое он должен занимать между другими народами и как он может подвинуться вперед».

Во II разделе конспекта Белинского «Материалы исторические» записан критический разбор исторических материалов по русской истории. Эта часть лекций Погодина полна выпадов против Каченовского. Уже здесь он выступает на защиту летописей и других памятников древней истории. В основном этот раздел построен на результатах докторской диссертации Погодина «О летописи Нестора» (вышла в свет в 1834 г.). Кончается конспект на резкой критике Погодиным методологии Карамзина.

В 1834 г. Белинский познакомился с Погодиным. Сохранились воспоминания Погодина 1869 г., вызванные воспоминаниями о Белинском И. С. Тургенева. Белинского Погодин «узнал в 1834 году. Надеждин, отправясь за границу, поручил ему издание „Молвы“ и велел в нужных случаях

спрашивать у меня решение. Не помню зачем, он явился вскоре ко мне, и я в первый раз тогда увидел его и поговорил с ним, на прощанье присоветовал шесть недель окачиваться утром и вечером холодною водою под колодцем. Кажется, совета моего он не употребил в дело» [129].

Через три года после выхода из университета Белинский, отрицательно оценив «Начертание русской истории для училищ» Погодина (М., 1835), тем не менее все еще уважительно отзывался о нем. «Г. Погодин,— писал он,— предпринял вознаградить недостаток учебных книг по части отечественной истории. Нельзя выразить того восхищения, с каким мы узнали об этом намерении, того нетерпения, с каким мы ожидали появления этой книги, за прекрасное исполнение которой ручалось имя г. Погодина. Но при всем нашем уважении к г. Погодину, как к человеку и писателю, мы поставляем себе непременным долгом сказать во всеуслышание, что никогда не испытывали мы такого жестокого разочарования, никогда не обманывались так ужасно в своих надеждах и ожиданиях ⟨...⟩ Эта книга решительно недостойна имени своего автора, от которого публика всегда была вправе ожидать чего-нибудь дельного и даже прекрасного» (II, 184). Отрицательную оценку Белинского вызывало отклонение Погодина в этом учебнике от исторической схемы критической школы.

Около 1835 г. Погодин вступил в открытую борьбу с Каченовским. Позиция, занятая им в этом споре, была поддержана С. С. Уваровым, который в 1835 г., при введении нового устава, отобрал у Каченовского кафедру русской истории и передал ее Погодину [130]. С этих пор Погодин стал официальным защитником «исторического православия» и призывал студентов учиться у Нестора любви к царям и «смиренномудрию». Для Белинского, конечно, не могли остаться тайной взгляды Погодина, осуществлявшего указание Уварова, чтобы «был показан весь вред безверия в наши летописи» [131].

Эти причины и определили, вероятно, резкость выступления Белинского (II, 135). Лекции Погодина, привлекавшие критика попыткой философского осмысления истории, одновременно должны были вызвать резкое отрицание их в той части, где профессор сходился с «официальной народностью» Уварова.

* * *

Вопросы истории и эстетики заняли главнейшее место в научных интересах не только Белинского, но и его друзей по кружку. И. Савинич много и специально занимался польским языком и литературой. М. Чистяков переводил эстетику Бахмана. П. Прозоров готовил лекции по одному из вопросов эстетики. Литература и философия, эстетика и история воспринимались при этом в органическом единстве.

В письме к родителям от начала января 1830 г. Белинский писал: «Театр мне необходимо должно посещать для образования своего вкуса и для того, чтобы, видя игру великих артистов, иметь толк в этом божественном искусстве. Я пошел по такому отделению, которое требует, что⟨бы⟩ иметь познание и толк во всех изящных искусствах». [132] В этом же письме он сообщал, что прежде всего поторопился приобрести «некоторые необходимые и касающиеся до литературы книги».

Лекции по «эстетике и археологии изящных искусств», которые, в соответствии с поставленной Белинским перед собой целью, должны были в первую очередь занять его время, читались во втором семестре 1829/30 и 1830/31 учебных годов адъюнкт-профессором Гавриловым. Научный уровень его лекций был крайне низок. Но с 18 января 1832 г. курс эстетики и теории искусства стал читать молодой профессор университета Н. И. Надеждин.

М. П. ПОГОДИН

Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1848 г.

Третьяковская галлерея, Москва

В своей автобиографии Надеждин указывает, что его курс начался в 1831/32 академическом году чтением лекций по истории искусства древних народов, и только в следующем 1832/33 г. он приступил к изложению теории искусства. Надеждин добавляет, при этом, что чтение курса он начал с середины учебного года, т. е. с января 1832 г. [133].

Надеждин читал свои лекции для II курса. Белинский же был попрежнему студентом I курса. Тем не менее он стал слушателем лекций Надеждина. Этот факт засвидетельствован Прозоровым, писавшим, что Белинский «перестал посещать бургиевские лекции первого курса ⟨т. е. лекции Победоносцева⟩ и вместо их в эти часы, как и многие из нас, стал посещать лекции Н. И. Надеждина». Так как Прозоров с июня 1831 г. до января — февраля 1832 г., по его собственным словам,[134] не посещал университетских занятий, то его мемуарное свидетельство может относиться только ко второму полугодию 1831/32 учебного года. Следовательно, Пыпин был прав, утверждая, что Белинский «у спел слышать» Надеждина [135]. Исключение Белинского в сентябре 1832 г. из числа студентов не прервало его связей с университетом. По свидетельству современников, он продолжал посещать товарищей по 11 нумеру общежития. Надеждина же в 1832/33 академическом году слушали из числа ближайших товарищей Белинского — И. Савинич, Н. Григорьев, П. Прозоров, Ф. Заблоцкий и во втором полугодии (1833 г.), кроме упомянутых, К. Коссович, Л. Макса, А. Белецкий, П. Матюшенко, И. Нечай. По воспоминаниям П. Прозорова, «его ⟨Надеждина⟩ обширная аудитория, кроме студентов словесного отделения, наполнялась студентами других факультетов и сторонними слушателями». ⟨Разрядка моя. — *М. П.*⟩[136] В числе сторонних слушателей был, по всей вероятности, и Белинский.

Личное знакомство Белинского с Надеждиным состоялось, по свидетельству первого, в середине февраля 1833 г. (письмо к М. И. Белинской от 21 мая 1833 г.) [137]. С 18 марта этого года он стал сотрудником изданий Надеждина. В мае 1834 г. Белинский сообщал матери: Надеждин «очень

ласкает меня, и я надеюсь на него, как на каменную гору»[138]. Трудно предположить, что, находясь в столь близких отношениях с Надеждиным, Белинский в 1832/33 академическом году, т. е. уже не будучи студентом университета, не посещал второй части его курса — наиболее интересной для начинающего критика — теории изящных искусств. Белинский имел, кроме того, полную возможность ознакомления с конспектами этих лекций, составлявшимися близкими ему студентами (Чистяковым, Прозоровым). Наконец, Белинский был внимательным читателем статей Надеждина, которые во многом повторяли содержание его университетского курса.

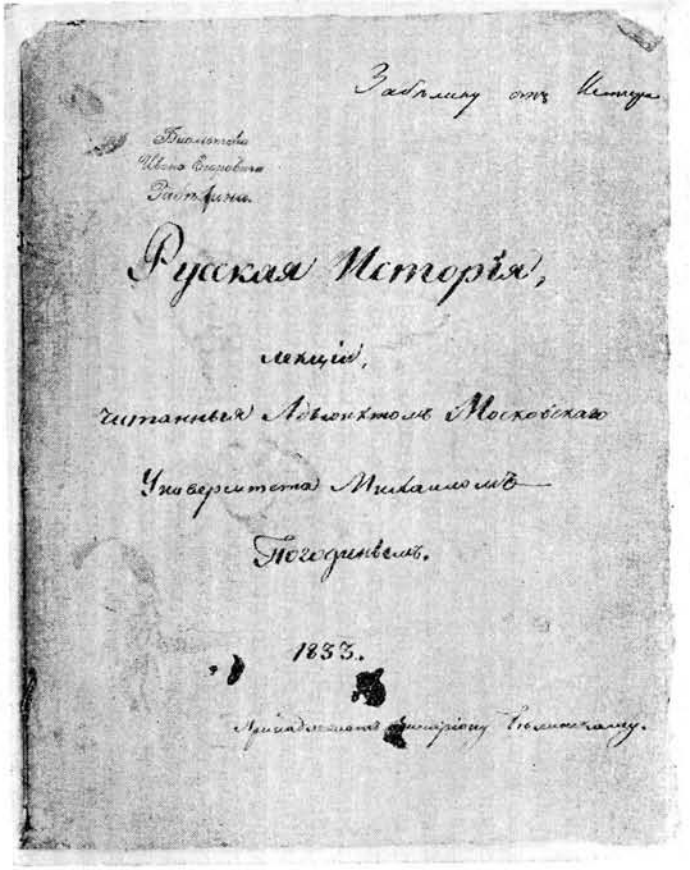
Имя Надеждина приобрело среди студентов Московского университета широкую популярность задолго до его появления на университетской кафедре. В 1830 г., по свидетельству Прозорова, диспут вокруг его диссертации, журнальная полемика, возбужденная еще раньше его статьями, были предметом оживленного обсуждения в студенческом кружке Белинского[139].

Белинский не сразу признал основные положения нового критика. Статьи Надеждина начали появляться в 1828 г. в «Вестнике Европы», когда Белинский еще находился в пензенской гимназии. В ту пору он еще слабо разбирался в обилии новых литературных фактов и направлений, которыми ему приходилось овладевать. Белинский вспоминал позднее, что увлекался не только созданиями Пушкина и Жуковского, но и всеми этими «киргизскими» и другими «пленниками», всем этим множеством романтических поэм, потянувшихся за «Кавказским пленником» и «Чернецом» (VIII, 310).

Все это представлялось юному Белинскому и его современникам «избытком литературных сокровищ». Между тем Надеждин выступил в конце 1820-х годов со статьями, показывавшими ограниченность романтической эстетики, шаблонность массовой романтической поэмы, и неоднократно доказывал, что эти многочисленные «пленники» весьма далеки от реальной действительности.

Следует учесть, что Надеждин «снижал» романтическую поэму в период последекабристской реакции, когда школа прогрессивного романтизма, возглавлявшаяся декабристами, была рассеяна. Господствующее положение между 1825 и 1829 гг. занимал реакционный романтизм и эпигонство раннего русского романтизма. Надеждин во многом продолжал традиции декабристской критики (Кюхельбекера), выдвигавшей необходимость создания поэзии в ы с о к о й мысли и глубокого гражданского содержания [140]. Вслед за Пушкиным и Кюхельбекером Надеждин разоблачал последовательно и убедительно «элегическую» тематику консервативного романтизма. Несколько позже, в своей диссертации, он писал: «Сии тоскливые жалобы и грустные томления безутешной мечтательности скорее сами нагонят тоску, чем вымолят приветный отзыв из оглушаемого ими сердца...»; «Даже самые нежные вздыхания Ламартина, растворенные сладкою чувствительностью, скоро наскучивают и утомляют». Поэзия, по представлению Надеждина, должна воспитывать высокий строй гуманистических чувств, быть «училищем людскости и зеркалом развития внутренней человеческой жизни» [141].

В своих статьях, а особенно отчетливо в диссертации о романтической и классической поэзии (1830 г.), отрывки из которой печатались в журналах, Надеждин постарался показать, что обе эти школы устарели, и перед русской литературой стоит задача создания н о в о й п о э з и и, отвечающей потребностям русской жизни. Выясняя исторические корни романтической и классической поэзии, Надеждин доказывал, что «искусство должно быть живым зеркалом природы». «Где жизнь — там поэзия» — таков лозунг «новой поэзии», выдвинутый Надеждиным. Он указывал, что почвой поэзии является общественная жизнь, и романтические декорации только снижают значение художественного произведения. «Как будто



Забелину отъ Кетчера

Библиотека
Ивана Егоровича
Забелина

Русская Исторія,

лекціи,

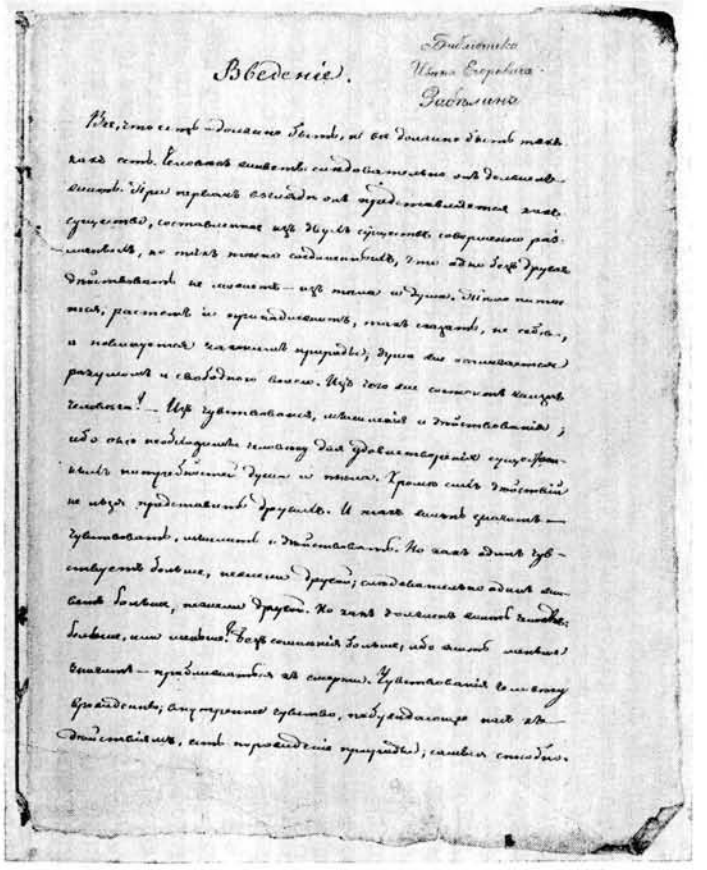
читанныя Адъюнктомъ Московскаго

Университета Михаиломъ

Погодинымъ.

1833.

Принадлежитъ Григорію Белинскому.



Библиотека
Ивана Егоровича
Забелина

Введеніе.

Все, что есть — должно быть, и оно должно быть такъ, какъ оно есть. Великая мысль! — Предъ нею исчезаетъ всякое сомнѣніе, всякое колебаніе, всякое противорѣчіе. Предъ нею — всякій отдѣльный фактъ, существующій, составляющій изъ себя существенный, совершенно раздѣльный, но тѣмъ не менѣе соединившійся, что одно безъ другаго существовать не можетъ — изъ чаши души. Тѣмъ не менѣе, раскинутъ по пространствамъ, отъ сказанъ, не сбѣгъ, и повинуется частнымъ природы; душа же отличается разумомъ и свободою воли. Изъ всѣхъ же сотворенныхъ существъ человѣкъ! — Изъ чувствованія, мышленія и дѣйствованія; ибо одно необходимо нужно для совершенствованія существенныхъ потребностей души и тѣла. Кромѣ силъ дѣйствія не изъ предметовъ другихъ. И какъ всякое существованіе — чувствованіе, мышленіе и дѣйствованіе. Но какъ одинъ чувствуетъ больше, нежели другой; соразмѣрно одинъ мыслитъ больше, нежели другой. Но какъ должно всякое существованіе больше, или меньше. Всѣхъ сознаній больше; ибо всякое мышленіе — приобрѣтается въ опытѣ. Чувствованіе есть ощущеніе, ощущеніе чувства, побуждающее къ дѣйствованію, есть произведеніе природы, самыя способно.

СПИСОК КОНСПЕКТА ЛЕКЦИЙ М. П. ПОГОДИНА ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ, СОБСТВЕННОРУЧНО СДЕЛАННЫЙ БЕЛИНСКИМ, 1833 г.

Обложка и первый лист списка

Рукопись была подарена Н. Х. Кетчером И. Е. Забелину, в библиотеке которого находилась

Исторический музей, Москва

общественная жизнь,— восклицает он,— не есть состояние, единственно достойное высокого бытия человеческого»[142].

Впоследствии Белинский писал об исторических заслугах Надеждина: «Г. Надеждин начал свое литературное поприще в „Вестнике Европы", и начал его борьбою против романтизма ⟨...⟩ Как в них ⟨в статьях⟩, так и в диссертации, можно было заметить, что противник романтизма понимал романтизм лучше его защитников и был не совсем искренним поборником классицизма так же, как и не совсем искренним врагом романтизма. Г. Надеждин первый сказал и развил истину, что поэзия нашего времени не должна быть ни классическою (ибо мы не греки и не римляне), ни романтическою (ибо мы не паладины средних веков); но что в поэзии нашего времени должны примириться обе эти стороны и произвести новую поэзию. Мысль справедливая и глубокая;— г. Надеждин даже хорошо и развил ее» (VI, 232).

Далее Белинский указывал на «явное противоречие между воззрениями г. Надеждина и их приложением». Особенно ярко проявлялось это противоречие «в ратовании против Пушкина» (VI, 233).

В студенческие годы, как уже сказано выше, Белинский не сразу признал критические положения Надеждина. Его отталкивали насмешки над романтической поэмой и особенно выпады против Пушкина в статьях Надеждина. До появления диссертации Надеждина основные начала его критики были не ясны не только Белинскому-юноше, но и многим опытным и искушенным литераторам. Даже Пушкин воспринимал его первое время как классика. Сам Белинский запечатлел в своих воспоминаниях тот значительный перелом, который произвели статьи Надеждина в его литературных представлениях, и те трудности, которые он преодолевал, вступая на путь критики романтизма. «Кто явился сильною, грозною реакциею и гораздо поохладил наши восторги?—вспоминал он в «Литературных мечтаниях».— Помните ли вы Никодима Аристарховича Надоумку; помните ли, как, выступив на сцену, на своих скудельных ножках, он рассеял наши сладкие мечты своим добродушно-лукавым: Хе! хе! хе! Помните ли, как мы все уцепились за наши авторитеты и авторитетики, и руками и ногами отстаивали их от нападений грозного аристарха? Не знаю, как вы, а я очень хорошо помню, как все сердились на него; помню, как я сам сердился на него. И что же? Уже сбылась большая часть его зловещих предсказаний и теперь уже никто не сердится на покойника!.. Да! Никодим Аристархович был замечательное лицо в нашей литературе...» (I, 377—378).

По всей вероятности, перелом в отношении Белинского к Надеждину совершился после опубликования отрывков из диссертации последнего (1830 г.) и начала издания «Телескопа» (1831 г.). Статьи Надеждина в «Телескопе» в более ясной и отчетливой форме развили принцип связи поэзии с жизнью. Особенное значение имело для Белинского появление в первом номере журнала статьи Надеждина с высокой оценкой «Бориса Годунова». 10 июня 1831 г. Белинский отметил в своей первой опубликованной рецензии значение отзыва Надеждина о трагедии Пушкина. «В одном только „Телескопе" „Борис Годунов" был оценен по достоинству»,—писал он (I, 149).

Таким образом, всё — и круг литературных интересов Белинского, и серьезное идейное отношение к литературе и ее назначению, и место, занятое Надеждиным в борьбе классицизма и романтизма,— должно было возбудить особое внимание Белинского к лекциям Надеждина.

Надеждин оказался замечательным профессором, создателем одного из первых русских курсов теории и истории искусства. Широта научных интересов, новизна и глубина мысли, богатство материала в лекциях Надеждина поражали всех слушателей его курса. Об этом вспоминали и Гончаров [143], и К. Аксаков [144], и многие другие современники Белинского.

Неизданное «Предначертание» — учебное изложение курса наук, относящихся к кафедре «Теории изящных наук и археологии», представленное Надеждиным на соискание должности профессора 21 июня 1830 г., дает нам полное и точное представление об основных принципах и объеме этого замечательного курса, на котором воспитывалось молодое поколение 1830-х годов, а также об эстетических принципах и искусствоведческом учении Надеждина. Его курс — не только первая в русском университете философски обоснованная теория искусства, но и первая история искусства, данная на необычайно широкой общеисторической основе. Сам Надеждин в своей «Автобиографии» указывал, что он поставил перед собой

Н. И. НАДЕЖДИН
Литография П. Бореля 1859 г. с гравюры 1841 г.
Исторический музей, Москва

труднейшую задачу — органического соединения теории и истории изящных искусств. «Цель моего преподавания археологии,— вспоминал он,— есть историческое оправдание той теории изящных искусств, которую я должен был читать моим слушателям, а потому буду излагать ⟨...⟩ археологию, как историю искусств по памятникам ⟨...⟩ Это было одобрено, и оттого моя археология распространилась в объеме значительно против прежних пределов. До тех пор, в круг ее допускались только памятники двух классических народов: Греков и Римлян. Я предположил касаться памятников искусств у всех древних народов...» [145]. Но Надеждин не остановился на этом. Он анализировал не только памятники искусств древних народов, но и новейшего времени. Кроме того, он впервые ввел в этот круг историю музыки и театра. Надеждин создал, таким образом, своеобразную энциклопедию искусствознания. Больше того, он намеревался

включить в свой курс эстетики также историю словесности, которую до него нигде не читали. В примечании к своему «Предначертанию» Надеждин предлагал Совету университета ввести в состав истории изящных искусств «археологию изящной словесности, возведенную на степень полной истории литературы». Он был готов присоединить «систематически-историческое изложение судьбы и хода изящной словесности» по «идее, плану и методе» его докторской диссертации о романтизме. Но это предложение не нашло отклика и сочувствия среди членов Совета. И только в 1834 г. Шевырев начал лекции по всеобщей литературе, о которых мечтал Надеждин.

Рукопись Надеждина начинается разделом «Общие понятия о систематическом совмещении теории изящных искусств и археологии». В этом разделе Надеждин развивает методологические основы своего курса [146].

Надеждин являлся представителем идеалистической эстетики. Однако его эстетической концепции было присуще противоречие, заключающее в себе зерно отрицания идеалистической формулы: искусство — воплощение вечной, абсолютной идеи. Основа искусства,— утверждает Надеждин,— не только идея — «стихия жизни духовной», но в равной мере реальность, «вещественная жизнь». В дальнейшем, в изложении истории эстетических учений, Надеждин с особым пристрастием разоблачает у Канта и ряда других представителей идеалистической философии пренебрежение к «вещественности», к реально-чувственному миру.

В своих лекциях Надеждин еще более отчетливо, нежели в своих ранних статьях, развил отрицание теоретических понятий об искусстве, лежавших в основе поэтики классицизма, в частности отрицание принципа приукрашивания действительности, «приятности» художественного произведения. С другой стороны, Надеждин выступил в своих лекциях и против тех принципов романтической эстетики, которые, требуя от художника изображения прекрасного, запрещали для него критическое отношение к изображаемым явлениям.

«Изучать изящные искусства,— пишет Надеждин,— значит постигать и определять их настоящее значение в органической системе бытия человеческого. Нельзя не признаться, что многочисленные и многоразличные злоупотребления, коим они так часто подвергаются в неумовенных руках непризванного своеволия, заставляют простые души изуверяться в их существенном достоинстве. Многие не видят в них ничего более, кроме игрушек, вымышляемых досужею шаловливостью на забаву ветреной чувственности: и тогда много если оставляют им служебное преимущество — усыпать цветами скорбный путь человеческой жизни: осиявать отрадным веселием чело, осененное мрачными думами, и навевать освежающее умиление сердцу, изнуренному тяжкими заботами».

На первый план Надеждин выдвигает воспитательную, гуманистическую роль искусства. В своей «программе» он указывает: «Идеал эстетического образования человеческого — поэзия жизни». Распространенный взгляд на художественное творчество как на «забаву ветреной чувственности», «вымышление игрушек», по его мнению, не выдерживает критики.

Подчеркивание воспитательной роли искусства имело немалое значение в демократизации эстетических принципов, в приближении литературы к действительности. По существу Надеждин боролся за освобождение искусства от служения трансцендентным целям. Требуя гармонического взаимопроникновения «материи» и «духа», Надеждин рассматривал это взаимопроникновение как действительность. Идеал «творческого духа» — «сама действительность».

Постановка вопроса о связи поэзии с жизнью («где жизнь — там и поэзия»), о гуманистическом и воспитательном значении художественного

Общія Понятія
о систематическомъ совмѣщеніи
Теоріи Изящныхъ Искусствъ
и Археологіи.

Mentis sic
Mens posit opus res et conjungat amice.
HORAT. de Art. Poët.

Искусства, называемыя Изящными, составляютъ особый кругъ человѣческихъ дѣйствій, въ коемъ свободная мысль мыслящаго духа является самобытно и самообразно. Онѣ отличаются и отъ познаній, изъ коихъ состоитъ бытіе ума человѣческаго, и отъ дѣйствій, коими выражается развитіе человѣческой воли. Имъ принадлежитъ особливый характеръ, однимъ только имъ свойственный; и потому онѣ представляютъ собою какой нѣкій отдѣльный міръ, имѣющій собственное самостоятельное значеніе и организмъ бытія человѣческаго.

Если, по древнему мудрому изреченію, ничто человѣческое не должно быть чуждымъ для человѣка: то и міръ Изящныхъ Искусствъ, какъ развитіе человѣческой дѣятельности, имѣетъ полное право на человѣческое вниманіе. Но это не все еще. Изящныя Искусства могутъ называться — и называются законно на языкѣ и образованномъ языкѣ древнихъ — Искусствами преимущественно человѣческими (= humaniores artes): ибо ими явственно и неизмѣнительно выражается наша человѣч-

тина. Школы, Орлова, Воронцовскіе и Кушелевскіе, отъ прежнихъ Университетовъ нѣкія по крайней мѣрѣ до концертовъ Гаутизиевъ, отъ нынѣшнихъ Дерптскихъ Царскосельскіе Лицеи до Императорскихъ благородныхъ Пансіоновъ. Non multa, sed multum!

Ординарный Профессоръ

Прим. По распространенію понятія Археологіи, служащею основаніемъ изложенію предметовъ Исторіи Изящныхъ Искусствъ, въ настоящемъ мѣстѣ и нынѣ принятое мѣсто и Археологіи Изящной словесности, основанной на системѣ нашей Исторіи Литературы. Кому, какъ Почтенному совѣту Императорскаго Московскаго Университета, будетъ благоугодно назвать свое согласіе: то и предназначенной Исторіи Изящныхъ Искусствъ охотно будетъ присовокуплено систематическое-и историческое изложеніе и самой Изящной словесности, по идеѣ, пособу и методѣ, изложеннымъ и читаемымъ нынѣ публично Рассужденіи о происхожденіи, характерѣ и судьбѣ Романтической Поэзіи (de origine, natura et fatis Poëseos, quae Romantica audit).

Дмитрій Давыдовъ
Иванъ Каченовскій
— читалъ Семенъ Родзянко
— читалъ Иванъ Снегиревъ
Сіе сочиненіе читалъ Юрій Арцыбышевъ, 23 дня Іюля 1830 г.
Читалъ П. Окатовъ

РУКОПИСЬ КРАТКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ ЛЕКЦИЙ ПО ЭСТЕТИКЕ И ИСТОРИИ ИСКУССТВ, ЧИТАННЫХ Н. И. НАДЕЖДИНЫМ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1831/32 УЧЕБНОМ ГОДУ. ЭТИ ЛЕКЦИИ СЛУШАЛ БЕЛИНСКИЙ

Автограф Надеждина. Листы первый и последний

Рукопись представлялась на соискание профессорской кафедры и скреплена подписями профессоров словесного отделения университета

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

произведения помогла Надеждину в критике теоретических основ учения о «чистом искусстве» немецкой романтической эстетики. Он указывает, что шеллингианцы полностью разрывают с реальными фактами жизни и искусства: «Ничто не может быть для нее ⟨эстетики⟩ опаснее метафизического исступления. Увлекаясь им, она подвергается опасности упустить из виду вещественность, которая должна составлять главнейший предмет ее изысканий, и затеряться в беспредельных пустынях бесплодного умозрения».

Рассматривая эстетические труды школы Шеллинга, Надеждин указывает, что главенствующими качествами этих шеллингианских эстетик являются отвлеченность, умозрительно-схоластический характер, интуитивность и иррациональная окраска теории. Он заявляет, что «мечтательность» употребляет «умозрение в пагубу». Отчуждение от «вещественности», т. е. отрыв искусства от жизни, лишает всякого смысла эстетические разыскания шеллингианцев. Он приводит пример из Аста, который в своей эстетике дошел до геометрического изображения сущности искусства. «Чем страннее, необычайнее, ярче и заястнее,— пишет Надеждин,— были подобные выходки, тем большее возбуждали они удивление». Он приводит поразительные примеры, когда поваренное искусство именовалось «пластикою текучего», а парфюмерия — «музыкою запахов». «Сия мания увиваться фантастическими образами,— замечает он по поводу мистически-метафорической оболочки шеллингианской эстетики,— продолжается и поныне, служа для иных благовидною личиною философического шарлатанизма».

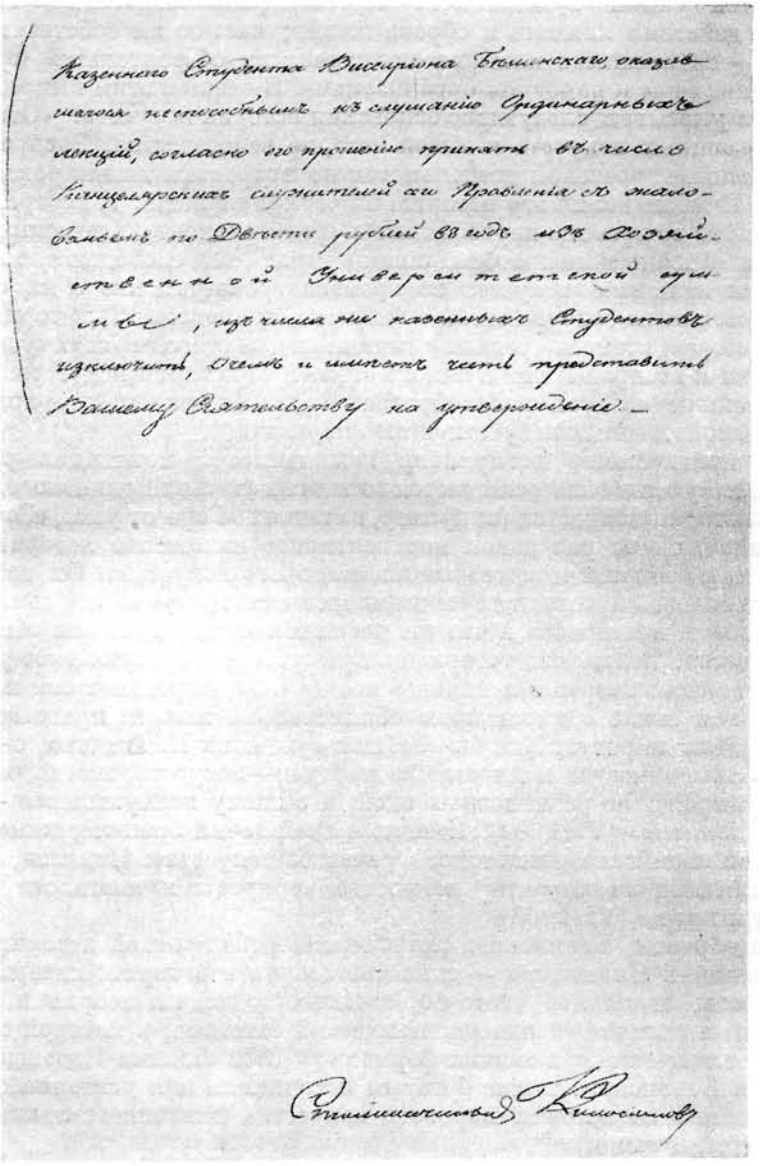
Однако Надеждин не смог притти к последовательным реалистическим и демократическим выводам из правильного представления о гуманистической и воспитательной роли искусства. Говоря об единстве поэзии и жизни, он значительно сужает, вместе с тем, границы искусства. Понятие «безобразного» остается за пределами его эстетической концепции. И хотя в рецензиях 1831—1832 гг. Надеждин утверждает, что «существенное назначение всякого изящного творения» — «воспроизведение действительной жизни», он тут же оговаривает, что искусству необходима эстетическая «светотень», что оно должно охранять гармонию мира, примирять нас с безобразным. «Еще безумнее поэт,— пишет он,— истощающий свою творческую деятельность на представление пороков и преступлений...» [147].

Выход из этих противоречий Надеждин не смог найти. Он найден был позже молодым Белинским, впервые утвердившим право художника на изображение всех сторон действительности: прекрасного и безобразного, и тем создавшим прочную основу для художественного реализма.

Лекции Надеждина содержали также историю эстетики от древних греков до 30-х годов XIX в., а также историю искусства. В своем «Предначертании» Надеждин указывал, что история искусства должна быть конкретным историческим раскрытием законов эстетики. В разделе, озаглавленном «История изящных искусств по памятникам...», Надеждин пишет: «Представить в непрерывной цепи действительных событий степени, по которым многохудожная сила творящего духа развивалась в различные времена, под различными поясами, для проявления единой непреложной идеи изящного в различных искусственных ⟨т. е. художественных⟩ образах — есть задача истории изящных искусств, как аналитической прикладной части их изучения, коей решение должно служить поверкою и оправданием умозрительному их исследованию».

Как уже сказано выше, Белинский-студент слушал не весь курс Надеждина, а именно ту часть его, которая была посвящена истории искусства древних народов. Позже, в 1839 г., Белинский писал, что если перебрать страницы «Телескопа», там найдется немало работ Надеждина, в которых

говорилось о теории искусства «довольно пространно, и, что главное, говорилось с увлекательным одушевлением, живым участием и логическою отчетливостью...» (XIII, 29).



Казеннаго Студента Виссаріона Бѣлинскаго, оказывающагося неспособнымъ къ слушанію Ординарныхъ лекцій, согласно его прошенію принять въ число Канцелярскихъ служителей сей Университетъ съ жалованьемъ по Девяти рублей въ годъ изъ Университетской суммы, изъ числа же казенныхъ Студентовъ исключить, Имѣемъ и имѣетъ честь представить Вашему Сіятельству на утвержденіе. —

Ординарный Профессоръ Кунисмиръ

ОТПУСК ОТНОШЕНИЯ РЕКТОРА УНИВЕРСИТЕТА ПОПЕЧИТЕЛЮ УЧЕБНОГО ОКРУГА С ХОДАТАЙСТВОМ О НАЗНАЧЕНИИ БЕЛИНСКОГО «КАНЦЕЛЯРСКИМ СЛУЖИТЕЛЕМ», 1831 г.

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

Эту характеристику можно применить и к лекциям Надеждина. Бо̀льшая часть теоретических работ в «Тѐлескопе», как это видно из сравнения с конспектом Надеждина, являлась отрывками из его курса. Во II разделе своего «конспекта», посвященном истории изобразительного искусства,

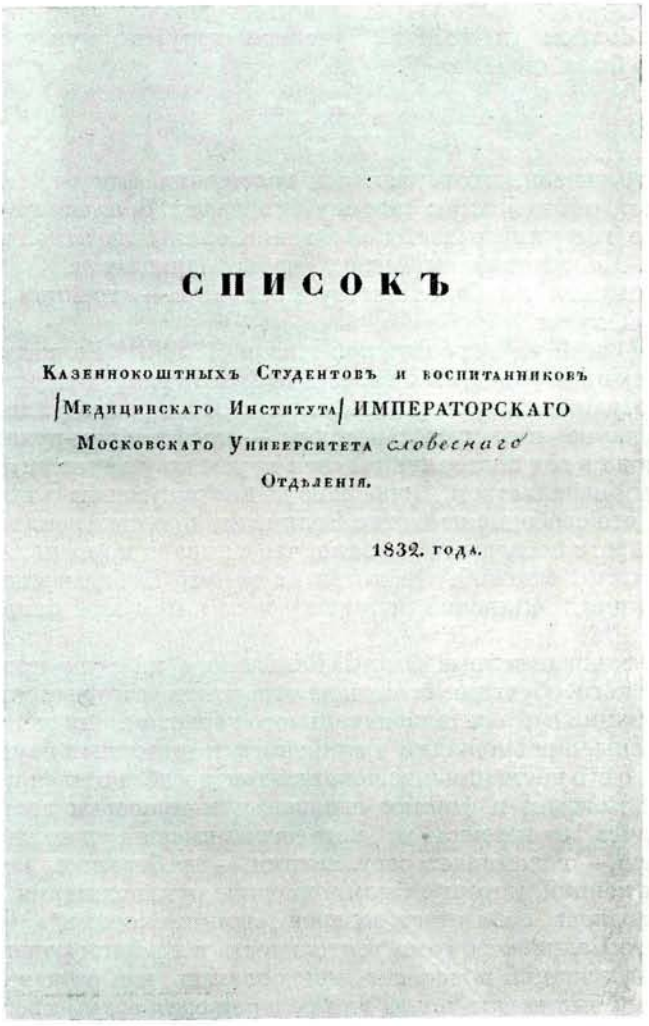
Надеждин указывал, что он ставит целью «определить и представить в непрерывной лествице степени изящного образования человеческого; изъясняя их происхождение и непреложную необходимость частию психологически — из внутренних постоянных условий творческой силы или случайного образования самих художников; частию физиологически — из естественных действий климата и образа жизни; частию же собственно исторически — из внешнего влияния политических обстоятельств, гражданской жизни, веры и народной организации». В связи с этим в «программе» Надеждин указывал следующие основания истории искусств: «Отношение истории изящных искусств к общей истории человечества. Распределение главных эпох творческой деятельности по возрастам жизни рода человеческого». И далее делил эту историю на четыре периода: 1) история изящных искусств во времена первобытные с «религиозно-политическим назначением» и «физическим преобладанием природы над свободою творящего»; 2) история изящных искусств во времена греко-римские с их «искренним и постоянным содружеством с внешнею природою»; 3) история изящных искусств во времена средние с типичным для этого периода «удалением от природы и возвращением в самого себя» и 4) история искусства во времена новейшие со всем разнообразием художественных направлений и исканий, свойственных искусству этого периода.

Следы критического восприятия надеждинской концепции развития мирового искусства обнаруживаются во многих статьях Белинского. В своих обзорах истории искусства (например, в статьях «Горе от ума», «Сочинения Державина») он не раз давал конспективное изложение истории «классического» и «романтического» этапов мирового искусства. Он доказывал здесь, что человек проходит периоды младенчества, отрочества, юношества, возмужалости и старости и что тот же закон существует для общества и для искусства. Белинский утверждал при этом, что историческое развитие художественного творчества народов всегда следует рассматривать в непосредственной связи с характером общественной жизни, нравственности, религии этих народов. Как бы обобщая суждения Надеждина, он писал: «В эпоху младенчества и юношества народов—искусство всегда, более или менее,— выражение религиозных идей, а в эпоху возмужалости — философских понятий» (VIII, 62). Именно с этой точки зрения рассматривает Белинский индийское, египетское, греческое искусство. Наконец, он заявляет о влиянии на характер искусства «природы и местности страны, климата и проч.» (VIII, 63).

Таким образом, Белинского привлекало в конкретной истории искусства в лекциях Надеждина — единство теории и истории, интерес к современности, отрицание чисто-формального подхода к теории и истории искусства, в отличие от классицистической эстетики, в которой все «вертится на отвлеченных, внешних формах» (V, 32). Лекции Надеждина служили для Белинского также богатым источником для усвоения фактических сведений из истории мирового искусства (живописи, архитектуры, скульптуры, музыки) [148].

В заключение нашего обзора университетских курсов, которые слушал Белинский, необходимо упомянуть лекции протоиерея П. М. Терновского (1797—1874) — профессора по кафедре богословия и церковной истории. Университетское начальство придавало особое значение отношению студентов к лекциям Терновского; отметками по его курсу определялись не только академическая успешность усвоения слушателями богословских «наук», но также политическая «благонамеренность» и «нравственность» студентов. Соученик Белинского по второму году, Гончаров писал о Терновском в своих воспоминаниях: «Слушание его лекций 〈...〉 было обязательно для студентов юридического факультета во весь трехгодичный курс. Для прочих факультетов положено было слушать его только первый год.

⟨...⟩ Отметкам его придавался особый вес. Получивший у него единицу не переводился на следующий курс»[149]. Другой мемуарист прямо говорит, что «в том же году панический страх навел почти на всех студентов 3 отделений (кроме медицинского) назначенный профессором богословия протоиерей П. Терновский». Белинский, разумеется, все это знал, что не



СПИСОКЪ

Казеннокоштныхъ Студентовъ и воспитанниковъ
/Медицинскаго Института/ ИМПЕРАТОРСКАГО
Московскаго Университета словеснаго
Отдѣленія.

1832. года.

СПИСОК КАЗЕННОКОШТНЫХ СТУДЕНТОВ СЛОВЕСНОГО ОТДЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, В ЧИСЛЕ КОТОРЫХ УКАЗАН БЕЛИНСКИЙ, 1832 г.

Обложка

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

помешало ему на протяжении всего периода пребывания в университете манкировать посещением нимало не интересовавших его лекций Терновского. Религиозные настроения были чужды юноше Белинскому, богословские «науки» находились совершенно вне круга его интересов.

В первый год пребывания Белинского в университете лекции Терновского начались во втором семестре, а именно 7 января 1830 г. И как раз в первой половине января этого года Белинский писал матери, что ему

некогда «шататься» по московским церквам, а необходимо ходить в театр [150]. Человек грубый и мстительный, соглядатай в рясе на университетской кафедре, Терновский пристально следил за «нерадивыми» студентами, не останавливаясь перед доносами на них начальству. Так, в 1828 г., по его доносу, был исключен из университета сын известного русского актера и драматурга Николай Плавильщиков, «неприлично отвечавший священнику»[151].

Итоговым баллом (в 1831/32 учебном году) по курсу Терновского у Белинского была «двойка»[152].

* * *

После всего сказанного вернемся к изложению фактов, характеризующих внешнюю, официальную сторону биографии Белинского-студента.

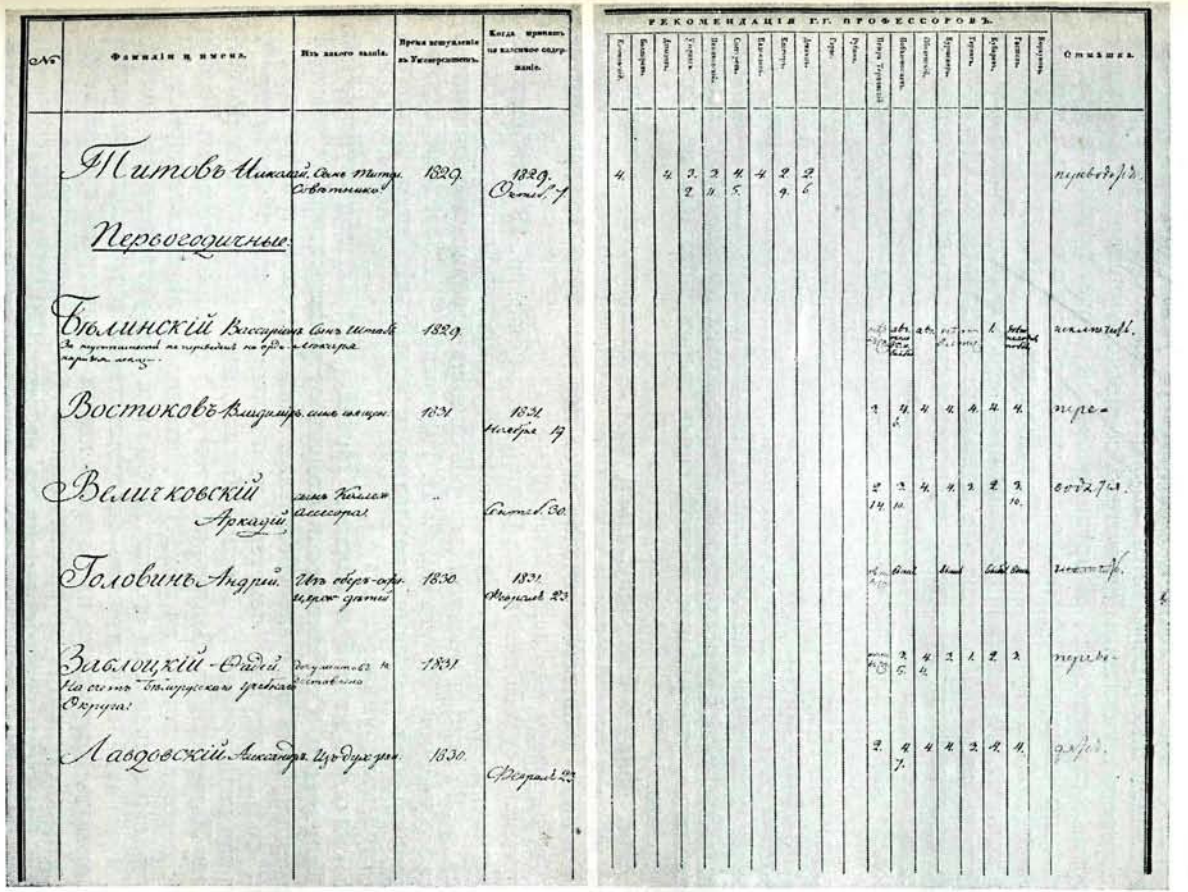
Первый же год университетской жизни Белинского закончился неудачно для него. На годовых экзаменах, происходивших с 9 по 21 июня 1830 г., он получил по большинству предметов — «двойки» и был оставлен на первом курсе.

Второй год своей университетской жизни (1830/31) Белинский начинал, чуждый иллюзий и радостных надежд первого года. «Ведомости» посещения лекций отражают картину дальнейшего роста равнодушия Белинского к «казенной науке» и ее представителям — профессорам-рутинерам, механически из года в год повторявшим свои курсы по устаревшим конспектам, утвержденным начальством. Дошедшие до нас документы свидетельствуют, в частности, что особенно неохотно Белинский посещал лекции Победоносцева. В ведомости последнего указано, что с января по июнь 1831 г. Белинский пропустил 8 занятий. Несмотря на то, что Победоносцев в точности повторял лекции, Белинский получил у него в итоговой отметке по курсу «двойку».

Низкие экзаменационные баллы Белинского на всем протяжении его университетского обучения отнюдь не отражают, разумеется, подлинного уровня его знаний и его интеллектуального развития. Они свидетельствуют, с одной стороны, о равнодушии Белинского к «казенным наукам» и, с другой стороны, о его неумении и нежелании приспосабливаться к тем рутинно-школярским методам и формам внедрения и проверки знаний, которые практиковались большинством педагогов высшей школы той эпохи. «От студентов,— вспоминает современник,— требовалось заучивание тех учебников и лекций, которые были признаны руководящими. Свободомыслием признавалось, если ответ давался „своими словами“»[153]. Столь отличавшая юного Белинского самостоятельность в идейном развитии и накоплении научных знаний позволяет предполагать, что он чаще других студентов должен был давать повод для раздражения этим «свободомыслием» своих профессоров-чиновников, что и отразилось на его экзаменационных отметках.

В 1830/31 академическом году занятия в Московском университете прерывались из-за распространения холеры. В конце ноября — начале декабря эпидемия затихла, и 12 января 1831 г. занятия возобновились, но Министерство народного просвещения распорядилось оставить всех студентов на повторительный курс [154]. В отношении же студентов-второгодников, в их числе и Белинского, правление университета приняло 15 сентября 1831 г. решение подвергнуть их внеочередному экзамену в отделении словесных наук с целью определить: «окажутся ли они по знаниям своим достойными к слушанию ординарных профессорских лекций» [155].

Экзамен состоялся 19 сентября. Результаты его зафиксированы в документе под названием «Одобрение экзаменуемых на ординарные лекции



№	Фамилія и имена.	Изъ какого званія.	Время вступленія въ Университетъ.	Когда принятъ на казенное содержаніе.	Рекомендація г.г. профессоровъ.																					Отмѣтка.
					Законоуч.	Словесн.	Древн.	Русскаго	Всеобщ.	Сист. филос.	Математ.	Физики	Химіи	Гражд.	Нравств.	Исторіи Россійск.	Всеобщ. исторіи	Статистики	Политич.	Кабинетъ.	Гражд.	Нравств.		
	Титовъ Николай.	Сынъ Титул. Совѣтника.	1829.	1829. Октяб. 1-го	4.		4.	3. 2.	3. 4.	4. 5.	4.	2. 4.	2. 6.													перворазр.
	Первогодичные:																									
	Бѣлинскій Виссаріонъ. За неуспѣшность не переведенъ на курсъ второго разряда.	Сынъ Штабъ-лекаря.	1829.																							исключенъ.
	Востоковъ Владиміръ.	сынъ солдат.	1831	1831 Ноября 17												2.	4. 6.	4.	4.	4.	4.	4.				пре-
	Величковскій Аркадій.	сынъ Коллеж. ассесора.	–	Сентяб. 30.												2. 14.	3. 11.	4.	4.	3.	2.	3. 10.				воспитан.
	Головинъ Андрей.	Изъ сверх-сроч. изрѣш. дѣтей	1830.	1831 Февраля 23												[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]				исключ.
	Заблоцкій-Ойдей. На семъ Витебскомъ третьемъ округѣ.	документовъ не доставлено	1831													[illegible]	3. 5.	4. 4.	2.	1.	2.	3.				перево-
	Лавровскій Александръ.	Изъ дух. зван.	1830.	Февраля 2-го												2.	4. 7.	4.	4.	2.	4.	4.				разр.

СПИСОК КАЗЕННОКОШТНЫХ СТУДЕНТОВ СЛОВЕСНОГО ОТДЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СВЕДЕНИЯ ОБ УСПЕВАЕМОСТИ БЕЛИНСКОГО И ПОМЕТКА О ЕГО ИСКЛЮЧЕНИИ ИЗ УНИВЕРСИТЕТА, 1832 г.

Разворот третьего и четвертого листов

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

студентов и слушателей университета 1831 года сентября 19 дня» (приложение к протоколам словесного отделения)[156].

Белинский получил, в общей сумме, 9 баллов и, таким образом, вновь, т. е. на третий год, был оставлен на первом курсе, о чем отделение словесных наук сообщило правлению университета 24 сентября.

Белинский принял решение о прекращении университетских занятий и о поступлении на службу. 15 октября он подал в правление прошение о своем переводе в училищный комитет Московского университета «в число канцелярских служителей». В мотивировочной части прошения Белинский заявлял: «теперь ⟨...⟩ по особым обстоятельствам, не могу продолжать курса наук» ⟨Разрядка моя.— *М. П.*⟩.

Какие конкретные факты и причины имел здесь в виду Белинский, мы в точности не знаем. Но можно предполагать, что эти «особые обстоятельства» заключались, прежде всего, в том откровенно враждебном отношении администрации и реакционной части профессуры университета к Белинскому, которое весьма реально препятствовало его академическим занятиям.

О наличии этой враждебности свидетельствуют показания ряда осведомленных современников. Головачев пишет о «разных притеснениях» Белинского университетским начальством [157], Одоевский говорит о «нелепых преследованиях», «ожесточивших Белинского»[158], Иванисов, вспоминая, что Белинский «посещал лекции только тех профессоров, которые ему нравились», употребляет в этой связи выражение: «Он не ужился в университете...» [159].

Белинский должен был задуматься над причинами, по которым он, несмотря на свои способности и усиленные самостоятельные занятия, не был в состоянии добиться в течение двух лет минимума баллов, необходимого для перевода на следующий курс.

Но вернемся к судьбе поданного Белинским прошения. 19 октября правление рассматривало просьбу Белинского [160] и выразило согласие удовлетворить ее, а 26 октября послало свое решение на утверждение попечителя Московского учебного округа кн. С. М. Голицына [161]. Последний, однако, не санкционировал решения правления, в результате чего Белинский остался студентом университета [162].

Так закончился второй и начался третий (1831/32) год студенческой жизни Белинского. Он фактически отошел от университетских занятий. Этому в сильнейшей мере способствовали также болезнь, трижды на протяжении только первого семестра укладывавшая его в больницу [163], и цензурная катастрофа с «Дмитрием Калининым» в январе 1831 г. По свидетельству Лажечникова, Белинский «стал ⟨...⟩ нерадиво посещать лекции и вскоре перестал ходить на них...» [164], именно после тяжело пережитого им цензурного запрещения его пьесы. Об этом самоустранении от университетских занятий выразительно свидетельствуют и официальные данные (точнее сказать, отсутствие их) против имени Белинского в «Списке казеннокоштных студентов и воспитанников ⟨...⟩ словесного отделения» за 1832 г (см. воспроизведение списка на стр. 353).

Отметка «исключить» в последней графе документа являлась для университетского начальства, желавшего избавиться от Белинского, формально обоснованным и потому удобным выходом из фактического положения вещей: в 1831/32 академическом году Белинский лишь номинально был студентом университета. Официально он был исключен 27 сентября 1832 г. Ниже мы специально вернемся к вопросу об исключении Белинского и к выяснению подлинных, а не формальных причин этого исключения, а теперь подведем некоторые итоги предшествующему изложению.

Что же мог дать Московский университет начала 1830-х годов гениальному юноше? Принес ли он ему какую-либо пользу в отношении общего ин-

МОСКВА. ВИД НА КРЕМЛЬ
Литография К. Брауна, 1825 г.
Исторический музей, Москва

теллектуального развития, накопления запаса фактических знаний, овладения научными методами и навыками?

Сам Белинский порой был склонен впоследствии вспоминать только темные стороны университетской жизни — чуждые научного содержания и связи с живой действительностью лекции таких профессоров-схоластов, как Победоносцев, Ульрихс, Кубарев, Терновский, которые не могли ничему научить. В этих ретроспективных отзывах Белинского не было преувеличений.

По словам историка университетского образования в России, «многих тогдашних профессоров, отчасти даже знаменитостей, не сделали бы теперь учителями в порядочных гимназиях. На три-четыре человека даровитых и знающих приходилось 20, 30 преподавателей, не имеющих ни знания, ни призвания к профессуре 〈...〉 Оставляя университет, студенты и кандидаты выходили с самым ничтожным запасом сведений; об источниках и литературе предмета не было и помину; преподавание не шло далее элементарных фактов» [165].

Следует, однако, принять во внимание и другое суждение, исходящее от такого авторитетного современника, как Герцен. Дав на страницах «Былого и дум» ряд беспощадных отрицательных характеристик «допожарных профессоров» Московского университета 1830-х годов, Герцен тем не менее на вопрос: «Учились ли мы при всем этом чему-нибудь? Могли ли научиться?» — отвечал: «Полагаю, что „да“... Московский университет свое дело делал; профессора, способствовавшие своими лекциями развитию Лермонтова, Белинского, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могут спокойно играть в бостон и еще спокойнее лежать под землею» [166].

И как ни скудны внешние «академические» итоги «годов учения» Белинского, проведенных в сугубо усиленной обстановке полицейско-николаевского режима, крайне снизившего уровень научной подготовки, все же

здесь, в Московском университете, почерпнул великий критик богатый материал для своего идейного развития. Но этим он был обязан не только и не столько тем немногим даровитым профессорам — Каченовскому, Надеждину, отчасти Погодину,— чьи лекции имели большое образовательное и общественно-прогрессивное значение, сколько всей умственной жизни, которой жило большинство студентов Московского университета 1830-х годов.

К характеристике этой неофициальной идейной стороны студенческой жизни Белинского мы и переходим.

Глава II

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАЩИХСЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.— РОСТ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.— «ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО 11 НУМЕРА» И ЕГО СОСТАВ. — ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КРУЖКА. — ЦЕНЗУРНАЯ ИСТОРИЯ «ДМИТРИЯ КАЛИНИНА».— ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ БЕЛИНСКОГО-СТУДЕНТА.— БЕЛИНСКИЙ И «ТАЙНОЕ ПОЛЬСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО» САВИНИЧА — ЗАБЛОЦКОГО. — СЕКРЕТНЫЙ ОТЗЫВ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕБЛАГОНАДЕЖНОСТИ БЕЛИНСКОГО

Все мемуаристы сходятся на признании высокого уровня и выдающегося значения неофициальной умственной жизни студенчества в Московском университете 1830-х годов. Герцен, Пирогов, Гончаров, К. Аксаков, Костенецкий, Прозоров в один голос говорят об «образовательном влиянии» различных студенческих кружков и объединений[167].

Прогрессивные тенденции в идейной жизни воспитанников Московского университета 1830-х годов определялись, в первую очередь, разносословным составом студенчества. «До 1848 года,— писал Герцен в «Былом и думах»,— устройство наших университетов было чисто демократическое. Двери их были открыты всякому, кто мог выдержать экзамен» [168]. Социальный состав студентов был поэтому чрезвычайно пестрым, явно преобладали дети чиновников и притом главным образом чиновничьей мелкоты — сыновья коллежских и губернских регистраторов, секретарей, ассесоров, титулярных советников.

Так, из 194 студентов, учившихся одновременно с Белинским в 1829—1832 гг. на словесном отделении, 16 были детьми титулярных советников, тогда как дворян, большей частью мелкопоместных (не считая чиновников), училось 19 человек. 86 студентов происходили из семей мелких чиновников, из детей же тайных, статских и действительных статских советников в университете было только 8 человек. Белинский, сын штаб-лекаря, поступал в университет как разночинец, потому что его отец, Григорий Никифорович, получил чин коллежского ассесора лишь 7 августа 1830 г.[169] (потомственное дворянство приобреталось чиновниками из разночинцев только по получении звания коллежского ассесора). По данным архива Московского университета, вместе с Белинским учились 25 человек из духовного звания, 20 — из купцов, 12 мещан и 2 вольноотпущенника [170].

Еще в пору своего студенчества, в пьесе «Дмитрий Калинин», Белинский объяснял злобное отношение дворянских реакционных кругов к Московскому университету именно тем, что тот являлся своеобразной «ученой республикой», в которой уничтожались границы между сословиями. «Прилично ли дворянину,— восклицает одно из действующих лиц пьесы, гостья Лесинской,— учиться в этих школах, которые набиты и разночинцами, и семинаристами, и мещанами, и отпущенниками, и всяким сбродом и всякой сволочью?» — «Да и не низость ли,— отвечает другая,— учиться дворянину в каком-нибудь университетишке, где какой-нибудь

профессор мещанского происхождения будет обходиться с ним без должного уважения?» (I, 94).

Впоследствии, говоря о Московском университете 1830-х годов, Белинский продолжал подчеркивать его роль в демократизации научного образования русской молодежи, его значение как воспитательного центра для всех сословий. «Самое главнейшее улучшение,— писал он об университете эпохи своего пребывания в нем,— состоит в том, что студент, с именем которого прежде соединялось понятие о чем-то антиобщественном и беспорядочном, получил среди общества свое настоящее место и значение, всеми

ЛЕВОЕ КРЫЛО СТАРОГО ЗДАНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ЗДЕСЬ НА 4-м ЭТАЖЕ НАХОДИЛСЯ «11-й НУМЕР» ОБЩЕЖИТИЯ КАЗЕННОКОШТНЫХ СТУДЕНТОВ, В КОТОРОМ ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография А. А. Сергеева, 1950 г.

признаваемое и уважаемое, а университет сделался воспитателем молодых людей всех классов и сословий общества — от самых низших до самых высших» (XIII, 8).

В другой статье (1839 г.) Белинский писал о Московском университете — как «единственном высшем учебном заведении в России», не знающем «себе соперников» (IV, 324).

Студенческая разносословная «шумная семья в семьсот голов» (Герцен) была уже в значительной мере проникнута духом критического отношения к окружающей действительности. Первым шагом этой молодежи, по словам Огарева, было «столкновение с действительным обществом».

Не искание «абстракта», а необходимость «пальцем дотронуться до действительного общества и указать ложь, указать рану, указать страдание» [171]— таковы побудительные мотивы идейно-общественных исканий поколения Белинского, Герцена, Огарева, знаменовавших мощный подъем русской демократической мысли и определявшихся всем ходом исторического развития страны.

М. В. Нечкина пишет: «Вокруг была уже не старая декабристская Россия. Когда Белинскому было три года, в России насчитывалось 3371 фабрика, а через несколько лет после его смерти, в начале 50-х годов, их было уже 9994. В 1804 г. в России 27,5 проц. рабочих были вольноотпущенниками, а к половине XIX века их было уже свыше 80 процентов. ⟨...⟩ Судьба многих сыновей перестала повторять судьбу отцов: разрывался круг патриархальной сословной замкнутости, происходили глубокие подспудные перемены, сын не хотел пахать то же самое поле, которое пахали на барина под крепостным бичом его отцы, деды и прадеды. Немало крестьянских сыновей, не желая повторять в своей биографии отцовскую и дедовскую жизнь, законно иль незаконно, с паспортом или без паспорта, стремились в город на заработки. Возрастало число вольнонаемных людей, пробивавшихся к новой жизни через щели трещавшего крепостнического здания ⟨...⟩ Разночинцы вступали в историю. Они численно возрастали, множились, вызванные к жизни развитием капиталистических форм хозяйства, разлагавших феодально-крепостнический строй сословной России» [172].

Вот в каких исторических условиях формировалось мировоззрение молодых разночинцев, заполнявших аудитории университетов, технологических институтов и медико-хирургических академий. Среди этого поколения «молодой России» особая и огромная роль выпала на долю гениального разночинца Белинского. Ленин писал о нем: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский» [173].

Идейная жизнь московского студенчества находила, естественно, прямое и непосредственное отражение в деятельности Белинского и его студенческого кружка. Нарастание антикрепостнического протеста в массах русского народа, живые следы только что разгромленного декабристского движения, усиление правительственного гнета способствовали развитию политических интересов в студенческой среде. Особое развитие получают многочисленные неофициальные студенческие кружки. «Возбужденная мысль,— писала двоюродная сестра Герцена, Т. Пассек,— требовала исхода, пробудившиеся вопросы — разрешения. Разрешение разнообразных вопросов мучило молодое поколение, и оно распадалось на кружки, соответственно своему направлению» [174]. По рассказу Я. Костенецкого, в кружке студентов университета — сунгуровцев часто заводили «разговоры о деспотизме, о взяточничестве нашего чиновничества, о казнокрадстве наших министров, их глупости и подлости, о бедствиях народа, несправедливости судей и прочих возмутительных предметах» [175].

Оппозиционно-критические настроения в идейной жизни студенчества 1830-х годов не составляли, разумеется, тайны для властей. Официальный наблюдатель М. фон-Фок писал Бенкендорфу: «Я напал на след нескольких дурных сборищ ⟨...⟩ Молодежь ужасно дурно воспитана и заражена идеями новаторов нынешнего века...» И добавлял: «Воспитание юношества направлено ложно: молодежь р а с с у ж д а е т, тогда как могла бы гораздо полезнее употреблять свое время» [176].

Для восприимчивого гениального юноши эта среда, насыщенная духом протеста против гнета и насилия самодержавно-крепостнического общества, являлась подлинной школой идейного развития. Герцен рассказывал, что он вошел в аудиторию с намерением возродить традиции декабристов и основать в студенческой среде общество по их «образу и подобию». Среди учащейся в Московском университете молодежи, по свидетельству Герцена, распространены были «ненависть ко всякому насилию, ко всякому правительственному произволу» [177].

Общественно-политическая атмосфера 1830—1831 гг., университетская жизнь, товарищеское окружение способствовали бурному развитию поли-

тического свободомыслия и антикрепостнических устремлений в идейной жизни Белинского-студента.

Известно, что 1830 г. ознаменовался рядом событий, глубоко взволновавших русское общество и нашедших прямое отражение в нашей литературе. «Холерные бунты», восстания на Кавказе, в Севастополе, июльская революция во Франции, восстание в Польше не только произвели сильнейшее впечатление на передовых представителей общества, но и вызвали серию правительственных мер, направленных на пресечение «вольномыслия» в литературе и, особенно, в университетах. Даже Погодин с горечью записал в дневнике 12 марта 1830 г. о посещении Москвы Николаем I: «Университет назвал он хаосом. Господи боже, когда прекратится эта незаслуженная опала» [178].

Немалую роль в росте оппозиционных настроений студенческой молодежи играли и события в самом университете. Влияние последних почти не учтено в идейном росте Белинского. Между тем, летопись развития освободительных идей в стенах университета необычайно ярка, и она в первую очередь останавливала внимание демократически настроенного студента.

Сведения о жизни университета Белинский получал, надо думать, еще в Пензе. По свидетельству Д. П. Иванова, пензенские знакомые—студенты университета рассказывали о нем Белинскому. Среди этих знакомых отметим людей, поступивших в университет еще в 1826 г. (Каширин, Шагаров,— см. Биографический словарь — приложение к настоящей статье). Таким образом, еще задолго до своего приезда в Москву Белинский мог слышать о двух наиболее громких университетских «историях» — о расправе, учиненной Николаем I с Полежаевым, и о «деле» братьев Критских. Став студентом Московского университета, Белинский оказался в среде, где живо помнили и горячо обсуждали эти события недавнего прошлого. Так, по показаниям участника сунгуровского кружка — Гурова, он получил в 1824 г. от Полежаева «стихи содержания самого отвратительного и богохульного» и переписывал их для студентов [179]. Об интересе студентов к стихам Полежаева, послужившим причиной разразившейся над ним катастрофы, свидетельствует, в частности, одна из записей в неизданном дневнике Я. М. Неверова, учившегося в одно время с Белинским. Отметив в записи от 10 марта 1831 г. о только что состоявшемся знакомстве с бывшим студентом Н. С. Селивановским, Неверов следующим образом определил ценность этого знакомства: оно «выгодно еще и тем, что от него ⟨Селивановского⟩ можно доставать запрещенные стихи Полежаева»[180]. О популярности запрещенных стихотворений Полежаева в 1830-х годах свидетельствовал впоследствии по личным воспоминаниям и сам Белинский. В статье «Стихотворения Полежаева» 1842 г. критик писал: «Стихи Полежаева ходили по рукам в тетрадках, журналисты печатали их без спросу у автора, который был далеко ⟨...⟩ Еще в Москве Полежаев пользовался громкою известностью; там и доселе не забыт он» (VII, 169). Приводя в этой статье перечень стихотворений Полежаева, которые должны, по мнению критика, войти в будущее «дельное издание» сочинений поэта, Белинский, между прочим, указывал, вспоминая свои студенческие годы: «Сверх того, в одном московском журнале, чуть ли не в „Галатее" 1830 года, был напечатан замечательный по своему поэтическому достоинству отрывок из какого-то большого стихотворения Полежаева; мы не помним его названия, но помним стихи, которыми он начинается:

... И я в тюрьме...
Передо мной едва горит
Фитиль в разбитом черепке,
С ружьем в ослабленной руке,
У двери дремлет часовой...»

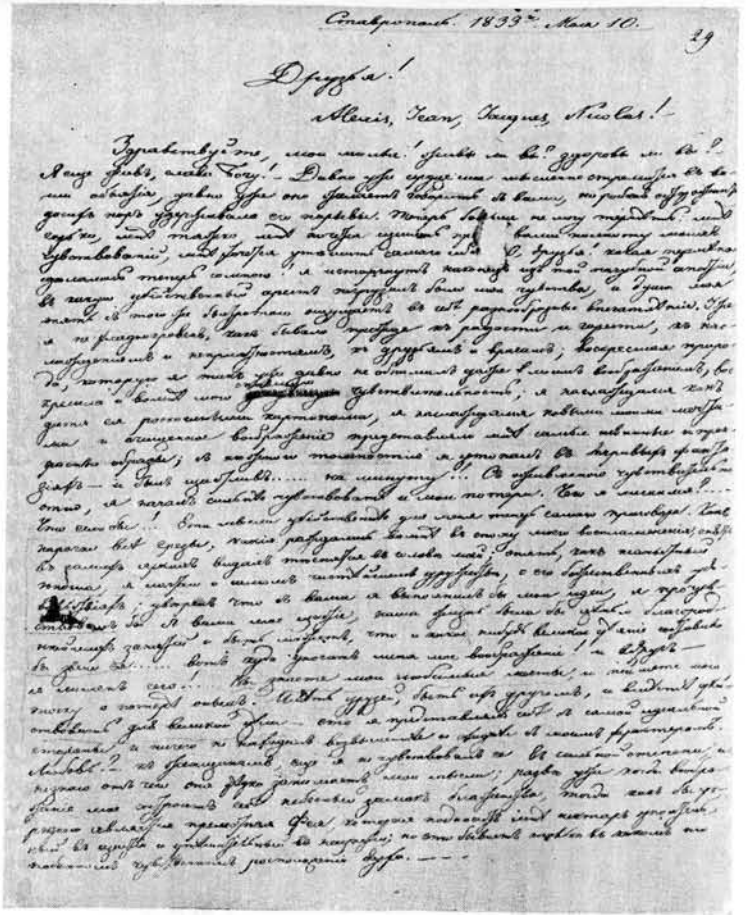
Действительно, эти стихи из поэмы 1828 г. «Узник» (в новейших изданиях «Арестант») были помещены в 1830 г. в «Галатее» (ч. XII, № 11) и не перепечатывались в изданиях 1840-х годов. Стихи запомнились Белинскому со времени его студенчества.

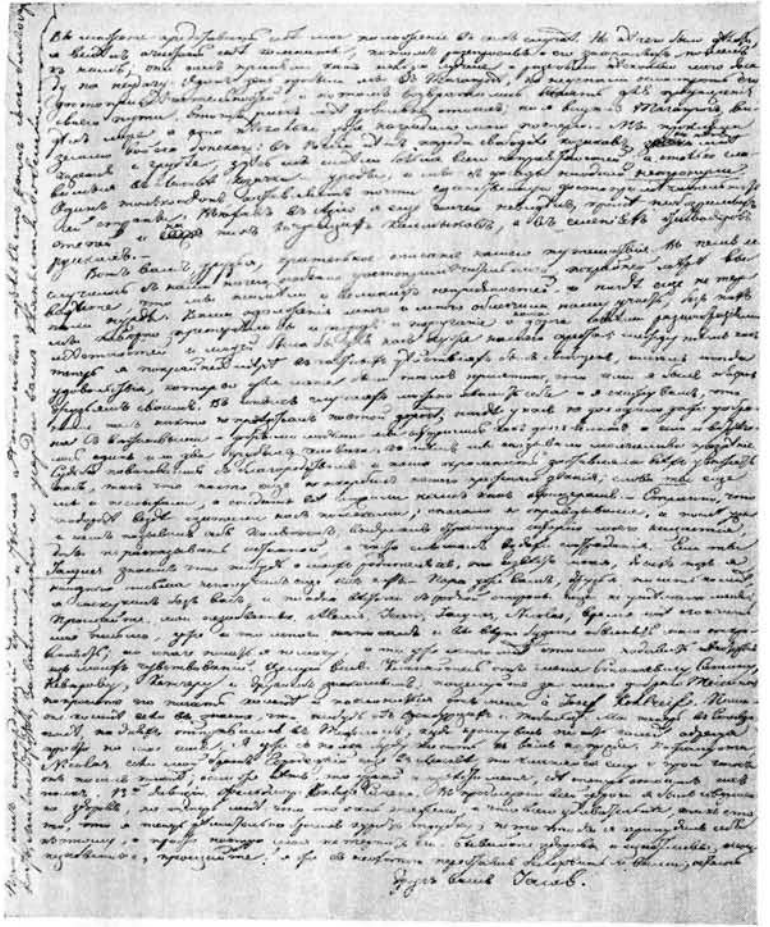
С неменьшей политической остротой воспринимались в студенческой среде рассказы и воспоминания о деятельности возникшего в стенах университета кружка братьев Критских и о суровой судьбе, постигшей участников этого «тайного общества», задумавших через год после разгрома декабристов продолжить их борьбу за освобождение народа и преобразование социального и политического строя в России [181]. Расправа, учиненная Николаем I в 1827 г. над участниками кружка братьев Критских, не была единичным фактом проявления особого внимания политической полиции самодержавия к идейной жизни студентов Московского университета. Почти в то же время, когда началось «дело о тайном обществе братьев Критских», возникло следствие над юнкером Зубовым, сочинявшим противоправительственные стихи, поэтом Шишковым и другими. Шишков, посылая свои антиправительственные стихи студенту А. Г. Ротчеву, тем самым содействовал распространению декабристских идей. Ротчев читал своим друзьям-студентам эти стихи, и они вскоре распространились по Москве. По словам жандармского доклада,— Ротчев и сам «навлекает на себя большое подозрение в сочинении стихотворений преступного содержания на 14 декабря 1825 года» [182].

Осенью 1827 г. началось следствие над А. А. Шишковым. Особое внимание было уделено его «пасквильным стихам», и в частности стихотворению «Когда мятежные народы...». 24 января 1828 г., по высочайшему повелению, Шишков был предан суду, но приговор над ним был конфирмован только 15 декабря 1829 г., когда Белинский уже находился в Москве. Разумеется, и этот приговор вызвал толки среди москвичей [183].

Творчество Шишкова привлекало внимание Белинского в первые годы его критической деятельности. Он называл его «талантливым переводчиком Шиллера» (III, 320). В 1840 г., вспоминая начало 1830-х годов, Белинский упоминал, что в то время «беспрестанно появлялись лирические произведения Козлова, Баратынского, Веневитинова, Полежаева, Вронченко, Подолинского, Языкова, Хомякова, Дельвига, Глинки (Ф. Н.), Тепловой, Теплякова, Ознобишина, Туманского, Шевырева⟨...⟩, Шишкова 2-го...» А в примечании он указывал, кроме того, что «достойны внимания переводы и некоторые оригинальные произведения г. Ротчева» (VII, 516). Интерес Белинского к литературной деятельности упомянутых в приведенном перечне второстепенных поэтов — Шишкова, Ротчева, Тепловой, бесспорно, связан с антиправительственными настроениями названных поэтов. Именно поэтому Белинский переписал в свою тетрадь стихотворение Тепловой «К ***», принятое жандармами за послание к Рылееву и наделавшее много шуму [184]. С Тепловой Белинский был связан и личным знакомством [185].

В июне 1830 г. возникло следственное дело по поводу надписей на дверях заезжего дома по пути в Троицкую Лавру. Надписи громили «гнусных сластолюбцев» и «тиранов», напоминали имя Рылеева. Производивший следствие чиновник пришел к выводу: «Так как оные ⟨надписи⟩, судя по смыслу их, должны быть сочинены человеком не неученым и к классу дворян не принадлежащим, то, по мнению моему, не написаны ли оные кем-либо из студентов духовной академии или университета, из коих многие, особенно во время вакаций, ездят из Москвы в Сергиевский монастырь...» [186] Приведенные факты и мемуарные показания современников свидетельствуют об устойчивости оппозиционных настроений среди передовой части студентов Московского университета конца 1820-х — начала 1830-х годов и о том, что эти настроения политического протеста





ПИСЬМО СТУДЕНТА Я. И. КОСТЕНЕЦКОГО—ЧЛЕНА ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА СУНГУРОВА К ДРУЗЬЯМ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩЕЕ О БЛИЗОСТИ СУНГУРОВЦЕВ К КРУГУ БЕЛИНСКОГО

Автограф. Листы первый и последний

Послано Костенецким с дороги в ссылку на Кавказ, 10 мая 1833 г.

Центральный исторический архив, Москва

опирались на живую преемственность с декабристским движением, питались традициями декабристской революционной пропаганды.

Политическое свободомыслие, ненависть к самодержавно-бюрократическому гнету, в том числе и к правительственной политике университетского образования, проявлялись и в действиях студентов, занимавших скамьи лекционных аудиторий в одно время с Белинским. Последний с восторгом сообщал родителям о демонстрации студентов против грубого и бездарного профессора Малова. Эта демонстрация красочно описана Герценом в «Былом и думах»[187]. 16 марта 1831 г. студенты словесного, этико-политического и физико-математического отделений (Герцен, Я. Почека, И. Оболенский, Лермонтов, Я. Костенецкий и др.) с шумом и скандалом выгнали профессора Малова из аудитории и университета [188]. Попечитель учебного округа кн. С. М. Голицын постарался замять историю и добился исключения Малова. Студенты восприняли это как одну из немногих своих побед. «Разные несправедливости и нелепости собственного нашего учебного начальства мы приписывали тоже деспотизму» [189],— вспоминал Костенецкий. «Маловская история» вызвала возбужденную реакцию Белинского. Но вскоре в стенах университета разыгралось более драматическое происшествие.

27 мая 1831 г. за ужином, в столовой общежития, произошла ссора между группой студентов и поляком Г. Шанявским. Последний при многих слушателях (в том числе и Белинском) произнес хвалу восставшему польскому народу. Во время своей речи Шанявский, по словам официально-следственного документа. все более «входил в ожесточение» и «с дерзостью поносил священнейших особ России» [190]. 4 июня исправляющий должность начальника II округа корпуса жандармов Шубинский донес об этом Бенкендорфу. 16 июня была арестована группа польских офицеров, связанных с университетом, а 17 июня последовал донос студента Полоника на Сунгурова и его товарищей [191].

Дело, разбиравшееся сразу после июльской революции во Франции, польского восстания, начавшихся холерных бунтов, вызвало особую тревогу властей. Участники «тайного общества Сунгурова» принадлежали к студентам университета, социальный состав его был преимущественно разночинным. Многие из арестованных находились в связи со служившими в Москве польскими офицерами, которые готовились к побегу в восставшую Польшу. С другой стороны, идейное ядро кружка — Костенецкий, Антонович, Кноблох — хотели быть продолжателями дела декабристов, мечтали о введении в России конституции, решили организовать среди студентов пропагандистский философский кружок. Полоник доносил властям и о других, далеко идущих планах сунгуровцев: походе на Тулу, овладении арсеналом, вооруженном восстании [192].

О настроениях и планах участников «тайного общества» были осведомлены и многие студенты, не принадлежавшие к их числу. О тесной товарищеской связи сунгуровцев с другими студентами, в том числе из ближайшего окружения Белинского, свидетельствует, в частности, одно из писем Я. Костенецкого (перехваченное III Отделением), в котором он обращается, как к близким друзьям, к А. Топорнину, И. Оболенскому, Н. Огареву, Н. Станкевичу, И. Колрейфу, Н. Кетчеру, Н. Сатину и Я. Неверову [193].

В июне 1832 г. военный суд приговорил двоих из сунгуровцев к четвертованию, девятерых (в их числе и Костенецкого) — к повешению, одного — к расстрелу. Более полугода пробыли они под страхом смертной казни. Только 6 февраля 1833 г. Николай I изменил этот чудовищный приговор, несомненно, глубоко потрясший студенческую массу.

В мае 1833 г. Белинский писал матери по поводу своего исключения из университета: «Я видел людей в тысячу тысяч раз несчастнее себя, и потому смеюсь над своим несчастием»[194].

В словах этих следует видеть обобщенное отражение впечатлений Белинского от тех суровых расправ, которые обрушивало самодержавие на студентов Московского университета, так или иначе причастных к настроениям политического протеста и борьбы.

Говоря о революционизирующих факторах в идейной жизни московского студенчества начала 1830-х годов, следует учитывать и другие события того времени в социально-политической жизни страны, в которых ярко отражался стихийный протест народа против самодержавно-крепостнического строя. 3 июня 1830 г. в Севастополе вспыхнуло восстание матросов, солдат и «прочих гражданского звания людей». О севастопольском «возмущении» писалось в «Северной пчеле», и оно не могло остаться неизвестным Белинскому. В середине августа 1830 г. в Москву стали доходить слухи о волнениях в городах и селах Саратовской и Тамбовской губерний. Форму вооруженного восстания приобрели «холерные бунты» военных поселян в 1830—1832 гг. [195]. Летом 1830 г. Белинский ездил домой — и дорогой мог наблюдать все усиливающиеся волнения крестьян и холерные восстания, потрясавшие внутренние губернии России.

Сильное впечатление производили на московских студентов и события на Западе. Вслед за июльской революцией 1830 г. во Франции последовали революционные события в Бельгии, Ирландии, Швейцарии, Италии, Испании. Из газет Белинский мог узнать также о восстании негров в штате Виргиния в 1831 г.

Первое известие об июльской революции в Париже дошло до Москвы 2 августа (по старому стилю); первые французские газеты с описанием событий пришли 11 августа [196]. Несколькими днями раньше в русских газетах были напечатаны официальные информации. Как ни тенденциозны были эти правительственные информации, все же в них говорилось о восстании народа, о его вооруженной борьбе против королевской гвардии, которая «принуждена была оставить Париж»[197]. С какой силой воспринимались события июльской революции в среде русского студенчества, свидетельствует известное мемуарное признание В. С. Печерина: «Разразилась гроза июльской революции ⟨...⟩ Воздух освежел, все проснулись, даже и казенные студенты. Да и как еще проснулись!..» [198] В этом пробуждении политического сознания не последнюю роль играли также события польского восстания 1830 г., о чем мы ниже будем говорить подробнее. Но главное, определяющее значение в формировании оппозиционных антикрепостнических и антиправительственных настроений среди передового студенчества Московского университета имела сама русская действительность.

Герцен, подводя итоги своим студенческим впечатлениям, писал: «Но что же это была бы за молодежь, которая могла бы в ожидании теоретических решений спокойно смотреть на то, что делалось вокруг, на сотни поляков, гремевших цепями по владимирской дороге, на крепостное состояние, на солдат, засекаемых на Ходынском поле каким-нибудь генералом Лашкевичем, на студентов-товарищей, пропадавших без вести? В нравственную очистку поколения, в залог будущего они должны были негодовать до безумных опытов, до презрения опасности. Свирепые наказания мальчиков 16—17 лет служили грозным уроком и своего рода закалом...». Определяя роль Московского университета 1830-х годов в общественно-политической жизни страны, Герцен писал: «Опальный университет рос влиянием, в него, как в общий резервуар, вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее»[199].

Лабораториями этой стремительно растущей демократической оппозиционной мысли являлись неофициальные студенческие объединения,

начиная с литературного «дружеского общества» Неверова и кончая политическим кружком Сунгурова. Между членами различных объединений и кружков существовали самые тесные идейные и дружеские связи. Так, например, участник сунгуровского кружка Костенецкий был близок, с одной стороны, с Герценом и Огаревым, с другой — с Неверовым и Станкевичем. Романтической приподнятостью, культом дружбы, стремлением к самоотверженному служению истине проникнуто письмо Костенецкого к членам обоих этих кружков, написанное им по дороге на Кавказ, после решения суда над сунгуровцами. «Опять, как неопытный юноша,— пишет здесь Костенецкий,— я мечтаю о самом чистейшем дружестве, о его божественных удовольствиях; уверен, что с вами я выполнил бы мои идеи, я прочувствовал бы с вами мое счастие, наша жизнь была бы цепью благороднейших занятий, и быть может, что и какое-нибудь великое деяние составило бы звено ее ... вот куда уносит меня мое воображение! и вдруг — я лишен сего!.. Вы знаете мои любимые мечты и поймете мою тоску о потере оных. Иметь друзей, быть их другом и вместе действовать для великой цели — это я представлял себе с самой идеальной стороны и ничего не находил возвышеннее и сходнее с моим характером...»[200]. «Особенные мечты», «великая цель», о которых, по словам Костенецкого, хорошо знали адресаты его письма — Огарев и Станкевич, Неверов и Сатин,— это были мысли о продолжении дела декабристов. «Я знал историю декабристов,— вспоминал впоследствии Костенецкий,— и участь их не только меня не пугала, но я всегда подобно им рад был пострадать за великое дело»[201].

О том, как и в какой атмосфере высоких и по-юношески восторженных идейных устремлений происходил самый процесс зарождения и оформления студенческих кружков, дают представление некоторые записи из неизданного дневника Я. Неверова. В 1831 г. студент И. Оболенский высказал Неверову мысль о желательности основания «дружеского общества». Мысль эта,— записал после разговора с Оболенским Неверов,— «открыла любовь к наукам, стремление к самообразованию и чувство дружеского товарищества в сем молодом человеке». Идея Оболенского пала на подготовленную почву. «Все это,— записал вслед за тем Неверов,— составляло и составляет предмет моих занятий и помышлений»[202]. Неверов действительно организовал «дружеское общество», в которое вошли, помимо его самого и Оболенского, Клюшников и несколько позже — Станкевич, Почека и др. Однако кружок Неверова, еще окончательно не сложившийся, очень скоро попал под полицейский надзор. В ноябре 1831 г., во время пребывания Николая I в Москве, по доносу студента Петрова, были арестованы Оболенский и преподаватель Декамп. Оболенскому и группе товарищей было предъявлено обвинение в «составлении злонамеренного общества». Расследование, правда, не смогло подтвердить обоснованность такого обвинения, содержащегося в доносе. Тем не менее упомянутые в доносе студенты были взяты под полицейский надзор. В феврале 1832 г. Бенкендорф указал, что им «дозволено продолжать учение, с тем, однако, дабы их иметь под надзором» [203].

В том же дневнике Неверова мы находим упоминание о кружке бывшего студента Н. С. Селивановского. Неверов сообщает, что Селивановский распространял «запрещенные стихи» и что у него собиралось «довольно хорошее общество из молодых людей нового поколения»[204].

Общее представление об идейной жизни студенческих кружков Московского университета 1830-х годов дают воспоминания Н. Сазонова. По его словам, в круг бесед и размышлений «мыслящего меньшинства» молодежи входило чтение «запрещенных стихов Рылеева, Пушкина», «книг о французской революции и натурфилософских сочинений Шеллинга». Этих молодых людей, по словам Сазонова, «воодушевляли любовь к родине и свободе» и неутолимое рвение, с каким они «искали выхода, который примирил бы»,

то есть сблизил бы их с народом [205]. «Наука,— свидетельствовал Герцен,— не отвлекала от вмешательства в жизнь, страдавшую вокруг. Это сочувствие с нею необыкновенно поднимало гражданскую нравственность студентов»[206].

С первых дней своего вступления в Московский университет Белинский стал активным участником его неофициальной идейной жизни и явился, вместе со своим товарищем Чистяковым, создателем передового кружка студенческой молодежи, получившего наименование «Литературное общество 11 нумера». В общество это входили, однако, не только обитатели той комнаты, под № 11, в общежитии для казеннокоштных студентов, в которой жили Белинский и его товарищи. Состав общества был шире. Главными членами его являлись, кроме самого Белинского, М. Чистяков, Н. Григорьев, И. Савинич, П. Петров, П. Прозоров, Н. Аргилландер, П. Нечай, Н. Матюшенко, а несколько позже — Ф. Заблоцкий, о котором ниже мы будем говорить особо. Характерную черту «Литературного общества 11 нумера» составляет разночинный состав его участников. Все они выходцы из семей мелких чиновников, сельского духовенства, врачей, учителей. Так, Чистяков, Савинич, Прозоров были родом из духовного звания, Аргилландер — сын коллежского советника, Нечай — коллежского секретаря, Матюшенко — титулярного советника, Петров — учителя [207].

Всех их объединяли — употребляя несколько более поздние слова Белинского — страстные поиски путей служения «для блага ближнего, родины, для пользы человечества» (I, 319) и горячая любовь к родной литературе. Пафос идейных исканий Белинского и его товарищей по «Литературному обществу 11 нумера» был глубоко национален и патриотичен. Любовь к родине, занимавшая важнейшее место в раздумьях Белинского и его студенческих друзей, резко отличалась от казенного, официального

Н. С. СЕЛИВАНОВСКИЙ

Литография А. Скино 1850-х гг. с портрета маслом В. А. Тропинина 1843 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

патриотизма. Белинский писал о своих впечатлениях от памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве в «Журнале моей поездки в Москву» в конце 1829 г.: «Вот, думаю я, вот два вечно сонных исполина веков, обессмертившие имена свои пламенною любовию к милой родине. Они всем жертвовали ей: именем, жизнию, кровию ⟨...⟩ Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности ⟨...⟩ Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!» («Письма», I, 19).

Уже в самом раннем студенческом сочинении будущего критика, в «Рассуждении ⟨о воспитании⟩», тема любви к родине наполняется Белинским свободолюбивым, подлинно демократическим содержанием. В названном сочинении Белинский развивает мысль о том, что «истинные верные сыны отечества» могут развиться только в свободной стране. Любовь к родине он связывает с борьбой против рабства. Древних греков, для которых «с самых юных дней дыханием была свобода; душою — любовь к родине; мыслию — слава», он противопоставляет «подлым, низким рабам своих деспотов» — персам [208].

То же чувство глубокого патриотизма было присуще и другим членам «Литературного общества 11 нумера». Чистяков в предисловии к своему переводу эстетики Бахмана (1830—1832 гг.) восторженно говорил о «святом союзе братства» московского студенчества, который одушевлен «пламенной любовью к своему отечеству» [209].

Среди источников, питавших гражданский, демократический патриотизм молодого Белинского и его друзей, в первую очередь следует назвать великий национальный подъем 1812 г. и события 14 декабря 1825 г. Молодое поколение передовых людей конца 1820-х — начала 1830-х годов хорошо помнило и развивало дальше революционно-патриотические идеи декабристов, поднявших знамя восстания против самовластия [210]. О значении событий Отечественной войны 1812 г. для воспитания чувства патриотизма в людях своего поколения Белинский писал впоследствии неоднократно. Он свидетельствовал, в частности: «Мы — юноши нынешнего века, мы, бывши младенцами, слышали от матерей наших ⟨...⟩ об двенадцатом годе, о Бородинской битве, о сожжении Москвы, о взятии Парижа. Эти события и ближе к нам по времени и поважнее прежних в своей сущности». И добавлял затем: «Поэзия всех этих великих происшествий сама по себе так необъятна, что ее трудно уловить, увековечить в звуках» (II, 339—340).

От темы «России», «Родины» Белинский подошел к важнейшему для его идейного самоопределения вопросу — о трагической судьбе человека в крепостническом обществе. Этой проблеме он посвятил свое первое литературное произведение «Дмитрий Калинин». Студенческая пьеса молодого Белинского с большой силой выразила юношеский революционный, демократический протест не только самого автора, но и антикрепостническую идеологию всего группировавшегося вокруг него кружка передовой разночинной молодежи — членов «Литературного общества 11 нумера».

Белинский сам указывал на острую антикрепостническую направленность своей пьесы. В письме к отцу от 17 февраля 1831 г. он писал: «в этом сочинении, со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, я в картине довольно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных. Герой моей драмы есть человек пылкий, с страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бешены,—и следствием их была его гибель» («Письма», I,31).

Как уже сказано выше, чувство ненависти к самодержавно-крепостническому строю и сословным предрассудкам, пронизывающее «Дмитрия Калинина», было характерно не только для автора трагедии, но и для идейных

позиций его товарищей по университетскому общежитию. Сам Белинский указывал, что его драма была доведена до конца благодаря «литературным вечерам» в «11 нумере», на которых она читалась и горячо обсуждалась. П. Прозоров вспоминал, что чтение Белинским драмы увлекало «слушателей страстным изложением предмета ⟨трагедии крепостного⟩ и либеральными по-тогдашнему идеями...» [211] Воспоминания Прозорова печатались в 1859 г., и определить точнее характер «смелости мыслей» произведения (по его же выражению) было невозможно. Другой член «Литературного общества 11 нумера» —Н. Аргилландер, более определенно свидетельствуя о сочувствии слушателей-студентов к революционным идеям пьесы, писал: «всем, по тому времени весьма резким, монологам мы страшно аплодировали» [212].

В воспоминаниях знаменитого хирурга Н. И. Пирогова, окончившего Московский университет незадолго до поступления в него Белинского и посещавшего «10-й нумер» университетского общежития, содержится весьма примечательная характеристика идейной жизни и политических настроений казеннокоштных студентов-разночинцев, в среду которых вступил будущий критик и в которой вызревал и оформлялся замысел «Дмитрия Калинина». По свидетельству Пирогова, жители «10-го нумера» отличались политическим свободомыслием и превосходным знанием запрещенной литературы. Они вели разговоры о революции, и притом такой «как французская — с гильотиною». «За исключением одного или двух,— вспоминал Пирогов,— обитатели „10-го нумера“ были все из духовного звания, и от них-то, именно, я наслышался таких вещей о попах, богослужении, обрядах, таинствах и вообще о религии, что меня на первых порах, с непривычки, мороз по коже подирал ⟨...⟩ Все запрещенные стихи, вроде „Оды на вольность“, „К временщику“ Рылеева, „Где те, братцы, острова“ и т. п., ходили по рукам, читались с жадностию, переписывались и перечитывались сообща при каждом удобном случае...»[213]

Уже приведенные выше факты обосновывают возможность распространения характеристики, данной Пироговым, за пределы «10-го нумера». Аналогия между идейной жизнью и политическими настроениями обитателей «10-го нумера», описанного Пироговым, и «11-го нумера», в котором жил Белинский и его товарищи, косвенно подкрепляется и некоторыми новыми архивными данными.

Настроения молодых людей, входивших в организованный Белинским студенческий кружок, не ускользнули от внимания университетского начальства. Инспектор казеннокоштных студентов П. С. Щепкин называл «11 нумер» «зверинцем», в котором собрались наиболее дерзкие и неблагонадежные студенты. Преемник Щепкина, инспектор П. С. Нахимов, составляя в 1833/34 учебном году отчет о поведении студентов на основании собственных наблюдений и предшествующих характеристик Щепкина (они неизвестны нам), указывал в числе наиболее сомнительных и опасных студентов Савинича и Прозорова, то есть бывших членов «Литературного общества 11 нумера». При этом они выделены в списке скобками и пометками «NB». Вряд ли приходится сомневаться в том, что если бы в пору составления этого отчета в стенах университета находились и другие участники студенческого кружка Белинского, они оказались бы в этом списке. Приведем в интересующем нас извлечении текст документа:

«Отчет о студентах и слушателях университета за 1834 г.

Г-ну Секретарю совета Имп. Московского университета ординарному профессору Надеждину от инспектора к годовому отчету за 1833—1834 учебный год и 1834 г. гражданский

⟨. . . . . .⟩

Учащиеся дурного поведения

Дать точной и полной отчет по сему вопросу по краткости времени управления моего и по важности самого вопроса, требующего всей справедливости, не могу. Впрочем, сколько мне могло быть известным по отчетам моих предшественников и по моему наблюдению и розысканию, посредственного и довольно сомнительного поведения замечены мною из казенных студентов*:

№ (Савинич Иван)
Леонтьевский Алексей
Боровиков Иван
№ (Величковский Аркадий)
№ (Прозоров Павел)
Евланов Федор
Дмитриев Петр
№ (Дурылин Михаил)
Григорьев Николай
Новак Петр
Шереметьевский Федор.

Из коих многие более или менее исправляются».

Однако в университетский отчет эти материалы не попали. Этому воспрепятствовал Надеждин, зачеркнувший фамилии студентов и пометивший: «Сего не писать»[214].

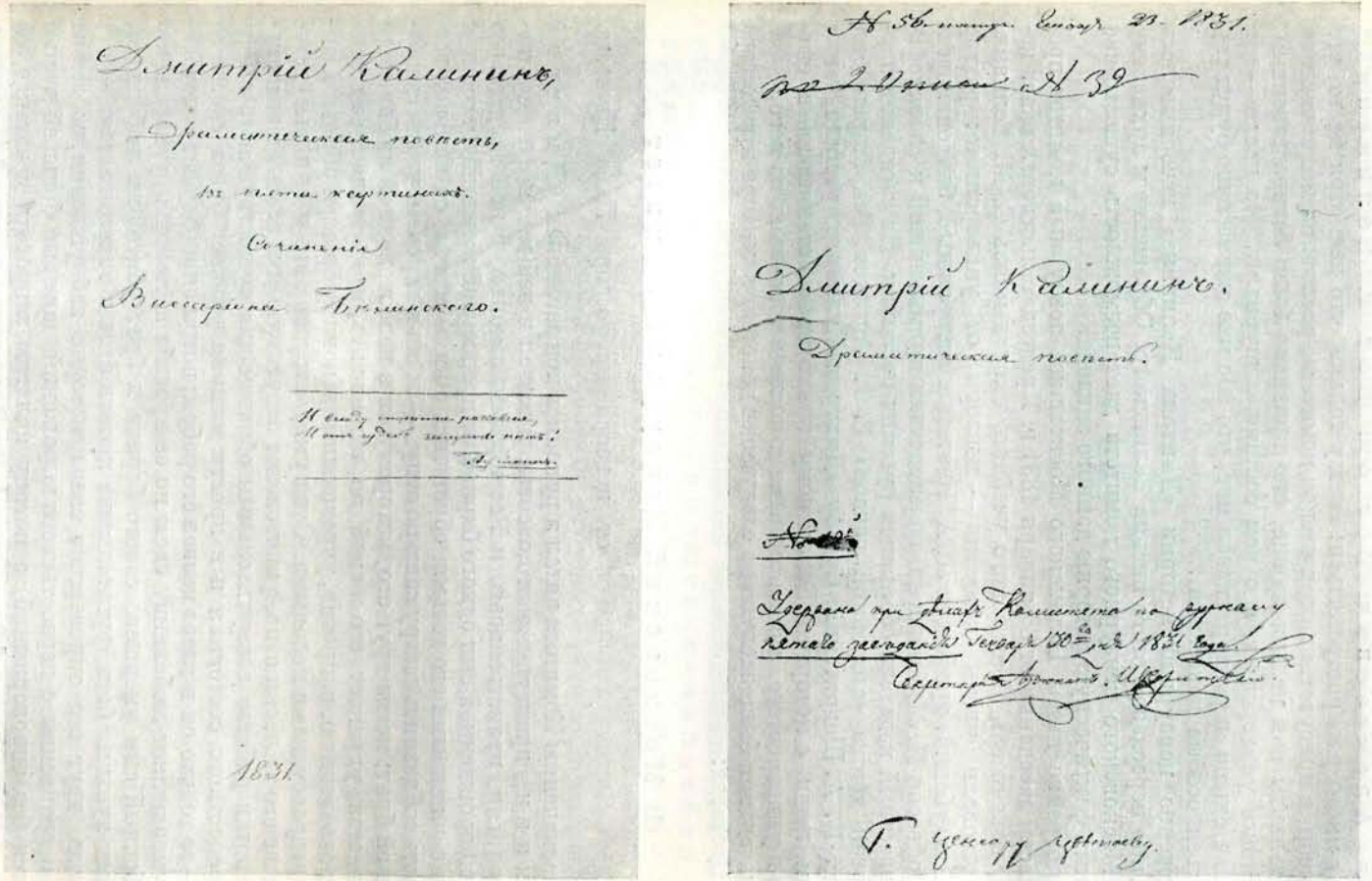
* * *

Закончив в ноябре — декабре 1830 г. работу над «Дмитрием Калининым»[215], Белинский решил представить пьесу в цензурный комитет. Рискованность этого шага была очевидна и самому Белинскому и его товарищам, в частности Аргилландеру [216]. Об опасности, угрожавшей автору, предостерегал его И. И. Лажечников. В своих «Заметках для биографии Белинского» он так вспоминал об этом: «В 1832 ⟨следует: 1830⟩ году, бывши уже на втором университетском курсе ⟨следует: второй год на первом курсе⟩, он ⟨Белинский⟩ написал драму, в которой живо затронул крепостной вопрос. Я предсказал ему судьбу его: действительность оправдала мое предсказание» [217]. Тем не менее Белинский не побоялся добиваться обнародования своей опасной пьесы. При помощи товарищей и писаря он переписал «Дмитрия Калинина» и представил рукопись в Цензурный комитет [218].

Цензурный комитет в заседании от 23 января 1831 г. постановил поручить рассмотрение представленного произведения члену Комитета профессору Л. А. Цветаеву, автору ряда учебников по праву. Цветаев самым внимательным образом изучил пьесу Белинского. Своими карандашными пометками на рукописи он выделил в ее тексте все наиболее одиозные, с его точки зрения, места: рассуждения Дмитрия Калинина о правах человека, о боге, о браке, о рабстве и т. п., а также сцены, реалистически изображающие быт крепостной деревни. Отмечен цензором и ряд мест из бесед Лесинской с лицемером и ханжей Сидором Андреевичем, оправдывающим крепостной строй цитатами из Евангелия[219].

В письме к родителям от 17 февраля 1831 г. Белинский так рассказывает историю цензурования его пьесы: «Подаю его ⟨«Дмитрия Калинина»⟩ в цензуру и что же вышло?.. Прихожу через неделю в цензурный кабинет и узнаю, что мое сочинение цензоровал Л. А. Цветаев (заслуженный профессор, статский советник и кавалер). Прошу секретаря, чтобы он

* *Далее текст зачеркнут и написано*: «в дурном поведении замечены из казенных студентов сверх поступивших в военную службу по распоряжению начальства:».



Дмитрій Калининъ,

Драматическая повѣсть,

въ пяти картинахъ.

Сочиненіе

Виссаріона Бѣлинскаго.

Я вижу стрѣлы разящія,
Мои грудь пронзить хотятъ!

1831.

№ 56 Цензур. Комит. 23 1831.

№ 39

Дмитрій Калининъ.

Драматическая повѣсть.

Дозволено при Цензурномъ Комитетѣ по журналу печатать дозволяется. Февраля 30 дня 1831 года.

Секретарь Щедритскій.

Г. Цензору Надеждину.

ЦЕНЗУРНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР РУКОПИСИ «ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ» БЕЛИНСКОГО «ДМИТРИЙ КАЛИНИН», 1831 г.

Титульный лист и шмуцтитул

Автограф Белинского. На шмуцтитуле пометы секретаря Цензурного комитета И. А. Щедритского

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

выдал мне мою тетрадь, и секретарь, вместо ответа, побежал к ректору И. А. Двигубскому>, сидевшему на другом конце стола, и вскричал: „Иван Алексеевич! Вот он! Вот г. Белинский!“ Не буду много распространяться; скажу только, что несмотря на то, что мой цензор, в присутствии всех членов комитета, расхвалил мое сочинение и мои таланты как нельзя лучше, оно признано было безнравственным, бесчестящим университет, и о нем составили журнал!.. Но после — это дело уничтожено, и ректор сказал мне, что обо мне ежемесячно будут ему подаваться особые донесения...»[220]

Изложение цензурной истории «Дмитрия Калинина» исчерпывалось до сих пор пересказом этого письма Белинского. Обращение к архивному фонду Московского цензурного комитета дает возможность существенно дополнить фактическую историю данного эпизода.

Рассмотрение пьесы Белинского Московский цензурный комитет провел в своем заседании от 30 января 1831 г. Председательствовал глава комитета, попечитель Московского учебного округа князь С. М. Голицын, присутствовали члены комитета — цензоры от университета: ректор И. А. Двигубский, профессор Л. А. Цветаев и осторожный, благонамеренный профессор И. М. Снегирев, впоследствии примыкавший к славянофилам, известный издатель сборников русских пословиц. На заседании присутствовал также «сторонний цензор» С. Т. Аксаков. Секретарем был адъюнкт И. А. Щедритский. Судьбу «Дмитрия Калинина» решили, таким образом, люди, с которыми Белинскому приходилось сталкиваться ежедневно в университете, а с некоторыми и после исключения из него.

На заседании было заслушано следующее донесение цензора профессора Л. А. Цветаева:

«В Московский Цензурный Комитет

от цензора профессора Льва Цветаева.

По назначению Комитета читал я рукопись под заглавием «Дмитрий Калинин, драматическая повесть», и нашел в ней множество противного религии, нравственности и Российским законам, в ней представлен незаконнорожденной сын одного барина от крепостной женщины; воспитан будучи с законными его детьми, обращаясь с ними всегда, он находил возможность соблазнить сестру свою по отцу, — не зная впрочем, что он сын барина и ей брат; когда друг его, которому он в непозволенной любви своей открывается, упрекает его в оной, он, защищаясь, представляет ее невинною и позволенною, напротив, учрежденные законные браки и обряды называет предрассудками нелепыми. Отец умирает; жена его и сыновья, ненавидевшие его за ласки отца, уничтожают отпускную его; здесь он декламирует против рабства возмутительным образом для существующего в России крепостного состояния и в ярости мщения убивает брата своего по отце — за то, что он в глаза назвал его рабом; потом оправдывает самоубийство, умерщвляет любовницу свою по ее просьбе и, наконец, узнавши, что он побочный сын умершего своего барина и брат убитой им любовницы, изрыгает хулы на бога, ругательства против отца и закалывается.

Правда, друг его опровергает его некоторые заблуждения, но весьма слабо в сравнении с дерзостью его выражений, которые большей частью остаются без опровержений, а потому полагаю запретить печатание сей рукописи на основании § 3 пунктов: 1, 2 и 3, а притом по силе § 45 оставить оную при делах Комитета.

Января 30 дня 1831 года.

Лев Цветаев»[221].

Выслушав отзыв Цветаева и рассмотрев рукопись произведения, Цензурный комитет постановил: пьесу запретить и рукопись ее удержать в делах комитета.

Соответствующая запись в «журнале» гласила:

⟨Слушали:⟩ «... 3) Донесение г. Цензора Цветаева, в коем прописывает, что по назначению Комитета рассматривал он рукопись, под заглавием Дмитрий Калинин драматическая повесть, и нашел, что в ней заключаются многие места, противные религии, нравственности и Российским законам, а потому полагает печатание сей рукописи запретить на основании § 3-го, пунктов 1-го, 2-го и 3-го устава о Цензуре; причем рассматриваема была и сама рукопись.

Определено: Согласно с донесениями г. Цензора Цветаева и на основании § 45-го устава о Цензуре, сочинение Дмитрий Калинин романтическая повесть удержана при делах Комитета, а представившему оное выдать узаконенное свидетельство...»[222]

Разбирательство антикрепостнической пьесы Белинского в Цензурном комитете и те политические обвинения, которые были предъявлены ее содержанию, не сулили ничего хорошего автору.

В соответствии с «высочайше» утвержденным 25 апреля 1828 г. мнением Государственного совета цензоры в своей практике должны были руководствоваться следующим правилом: «когда бы представлены были кем-либо на рассмотрение цензуры книги или художественное произведение, клонящиеся к распространению безбожия или обнаруживающие в сочинителе или художнике нарушителя обязанностей верноподданного, то о сем немедленно извещать высшее начальство для учреждения за виновным надзора, или же предания его суду по законам»[223]. «Дмитрий Калинин» давал цензорам основание для приведения в действие этой инструкции, поскольку в пьесе были усмотрены «многие места, противные религии, нравственности и Российским законам».

Тем не менее вопрос о Белинском как авторе запрещенной пьесы не был перенесен Цензурным комитетом ни в политическую полицию, ни в судебную инстанцию. Произошло это, вероятно, по следующим причинам. Николай I и без того ненавидел Московский университет. Он называл его, по воспоминаниям Ф. Буслаева, «волчьим гнездом», и, когда ему случалось проезжать мимо него, «долго оставался в дурном расположении духа»[224].

Назначая весной 1830 г. кн. С. М. Голицына попечителем Московского учебного округа, Николай I и его правительство надеялись найти в нем человека, способного положить предел росту общественного возбуждения и свободомыслия в Московском университете. Дело Сунгурова, также связанное с московским студенчеством, весьма встревожившее Николая I, показало, что эти возлагавшиеся на Голицына надежды он не оправдывает. В этих условиях Голицын, более всего дороживший своей служебной карьерой, не был заинтересован в том, чтобы привлекать внимание высших властей к новым политическим «историям» в подведомственном ему Московском университете. Видимо, теми же соображениями руководилась и университетская администрация, когда она решила «сор из избы не выносить». Но в глазах самого университетского начальства Белинский, заявивший себя в своей пьесе резким противником самодержавно-крепостнического строя, был серьезно скомпрометирован в политическом отношении. Не возбуждая перед высшими властями вопроса об «учреждении за виновным надзора», университетская администрация решила сама установить за Белинским особый надзор. Об этом свидетельствуют приводимые в письме Белинского к родным от 17 февраля 1831 г. слова Двигубского, сказавшего, что о нем, Белинском, «ежемесячно будут ему

⟨ректору⟩ подаваться особые донесения...» Спустя несколько месяцев, 24 мая 1831 г., т. е. перед самыми экзаменами, Белинский заявлял родным: «Начальство обо мне забыло и думать», но тут же многозначительно добавлял: «правда при первом же случае оно не умедлит напомнить мне, что знает меня. Но и этого я скоро не буду опасаться: ректор и Щепкин подали в отставку» ⟨подчеркнуто Белинским.— *М. П.*⟩[225]

Надежды Белинского, однако, не оправдались: Двигубский и Щепкин не ушли в отставку, и ему во все время пребывания в университете пришлось ощущать тяжелый гнет особого надзора, как это будет показано ниже.

* * *

Вопрос о политических связях Белинского-студента еще не ставился в литературе. Это объясняется, в первую очередь, малой изученностью биографии Белинского рассматриваемого периода (1829—1832 гг.). Опираясь на скудные свидетельства современников, которые, к тому же, не могли, по цензурным условиям, в своих воспоминаниях, предназначенных для печати, раскрыть все стороны студенческой общественной жизни, основываясь на отрывках из юношеских писем Белинского, биографы изображали первый период его московской жизни, в лучшем случае, эпохой «ученичества» у богатых друзей из среды либерального дворянства, типа Станкевича, увлекавшихся чисто умозрительными, оторванными от действительности идеями. Буржуазно-либеральное литературоведение не раскрыло и не могло раскрыть всего многообразия связей Белинского с жизнью и оторвало его политические убеждения от философских, тогда как на самом деле характернейшая черта первого периода московской жизни Белинского — преимущественный интерес к общественно-политическим вопросам. «Дмитрий Калинин» и сам по себе свидетельствует о таком именно направлении в идейном развитии молодого Белинского.

Обращение к архивным материалам, еще не привлекавшимся к изучению, позволяет, хотя бы частично, осветить следующие вопросы биографии молодого Белинского: 1) каковы были его политические связи в университетский период и 2) каково было его отношение к польскому восстанию 1830—1831 гг., игравшему роль своеобразного «катализатора» революционных настроений среди передовых русских людей.

Материалы, о которых идет речь, извлечены нами из «дела № 183» I экспедиции III Отделения, 1833 г., под названием: «О песне возмутительного содержания, найденной в доме Чаусовского городничего Силина, и известной оной гимназисту Гирш Браму, помещику Пржесицкому и другим». Содержание этого обширного дела, занимающего 266 лл., образуют, в основном, документы, связанные с казеннокоштным студентом Московского университета Ф. Заблоцким и участниками «тайного польского литературного общества» — И. Савиничем, К. Коссовичем, Л. Макса и А. Белецким. Дополнением к «делу № 183» являются материалы за 1833 г. из секретного фонда канцелярии московского военного генерал-губернатора (дела №№ 53, 65 и 69), представляющие для нашей темы особенный интерес, поскольку они относятся непосредственно к Белинскому. В нашем изложении использованы, кроме того, дела архива Московского университета, комментирующие документы следствия над Заблоцким.

* * *

В июне 1833 г. в Витебске началось следствие по политическому делу «О песне возмутительного содержания, найденной в доме Чаусовского городничего Силина...» В донесении шефу жандармов и начальнику

К. А. КОССОВИЧ
Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг.
Третьяковская галлерея, Москва

III Отделения графу А. Х. Бенкендорфу от 27 июня 1833 г. генерал-губернатор Смоленской, Витебской и Могилевской губерний, князь Н. Н. Хованский сообщал, что найденная песня — «самое возмутительное воззвание поляков против государя-императора и России». Расследование установило, что текст песни известен воспитаннику Витебской гимназии Гирш Браму, учителю Шепелевичу и дворянину Михаловскому. Привлеченный к допросу Михаловский показал, что он получил список песни «от студента Московского университета Ф. Заблоцкого».

Так, в поле зрения сначала провинциальной администрации, а затем и высшей политической полиции империи попал казеннокоштный студент второго курса словесного отделения Московского университета Ф. Заблоцкий. Следствие началось в тревожное для польских подданных российского императора время.

Обвинение было серьезно. Заблоцкий уличался в распространении повстанческо-революционной песни, призывавшей к борьбе с царизмом. О содержании песни дает представление ее заключительное четверостишие [226]:

Piekłem dla nas carów tron,
Na nim dzisiaj siedzi czart,
Szubienicy ledwie wart.
Zemsta, bracie, albo zgon! *

---

* *Перевод*:

Адом для нас является царский трон,
На нем нынче восседает чорт,
Едва ли не заслуживающий виселицы.
Месть, братья, либо смерть!

Производство следствия генерал-губернатор Н. Н. Хованский поручил специально учрежденной им 27 июня 1833 г. Комиссии «для открытия возмутительных сочинений и возмутителей» под председательством витебского гражданского губернатора Шредера. Кроме него, в комиссию входили главные губернские чиновники, директор витебских училищ и адъютант генерал-губернатора[227].

Еще до учреждения следственной комиссии, а именно 19 июня 1833 г., кн. Н. Н. Хованский отправил московскому военному генерал-губернатору кн. Д. В. Голицыну секретное отношение, содержавшее указание на необходимость произвести арест Ф. Заблоцкого и осмотреть его бумаги. Резолюция Д. В. Голицына от 29 июня гласила: «Сие исполнить вместе гг. оберполицеймейстеру и кн. Голицыну ⟨полковнику, адъютанту губернатора⟩. Вечером с бумагами ко мне доставить». В тот же день Заблоцкий и его бумаги были «взяты из университета»[228]. Арест произошел в казеннокоштных номерах и, разумеется, не остался тайной для студентов и породил разговоры не только в стенах университета, но и в более широких кругах московского общества. В деле 1839 г. секретной части Канцелярии московского военного генерал-губернатора «Об учреждении по высочайшему повелению за Мазуром, Коллантаем и Заблоцким секретного надзора» (№ 65) хранится расписка Павла Парфеновича Заблоцкого-Десятовского (известного врача и брата государственного деятеля и писателя А. П. Заблоцкого-Десятовского), что он не является родственником студента Ф. Заблоцкого и не знает «никого из прикосновенных» к нему. «Но,— добавляет автор расписки,— по слухам известно мне, что около времени польской кампании, был взят полициею в университете Фадей Заблоцкий и исключен из университета»[229].

Таким образом, арест 1833 г. в университете не изгладился из памяти московского общества и через шесть лет. А еще позже, в середине 1850-х годов, об этом же событии вспомнил Герцен и занес его на страницы «Былого и дум», хотя и без имени Заблоцкого и с некоторыми неточностями: «Сеть шпионства, обведенная около университета с начала царствования, стала затягиваться. В 1832 году пропал поляк, студент нашего отделения. Присланный на казенный счет, не по своей воле, он был помещен в наш курс; мы познакомились с ним; он вел себя скромно и печально; никогда мы не слыхали от него ни одного резкого слова; но никогда не слыхали и ни одного слабого. Одним утром его не было на лекциях, на другой день тоже нет. Мы стали спрашивать; казеннокоштные студенты сказали нам по секрету, что за ним приходили ночью, что его позвали в правление, потом являлись какие-то люди за его бумагами и пожитками и не велели об этом говорить. Так и кончилось, мы никогда не слыхали ничего о судьбе этого несчастного молодого человека»[230].

Рассказ Герцена, несомненно, имеет в виду историю Заблоцкого. Герцен ошибся только в датировке событий и в обозначении отделения, на котором учился Заблоцкий. Характерно, что приведенная выше расписка П. П. Заблоцкого-Десятовского также относит арест Заблоцкого ко времени польских событий 1831—1832 гг.

Какова же была судьба «этого несчастного молодого человека», вызвавшего сочувствие Герцена?

4 июля Заблоцкий был допрошен в Москве. Он признал, что вместе с Зеноном Михаловским принимал «участие в судьбе Польши и находился в связи с различными лицами», в том числе и «неблагомыслящими против России». Особое внимание властей привлекло его знакомство с военнопленными польскими офицерами, возвращенными из Сибири и находившимися проездом в Москве. «...Поляки ему сказывали, — доносил оберполицеймейстер,— что у них в Сибири были все запрещенные журналы

и газеты, что особенно им благодетельствовал Александр Муравьев и что в Сибири дух очень хорош и все готовы к восстанию против правительства»[231].

13 июля 1833 г. Д. В. Голицын распорядился отправить Заблоцкого в Витебск и в тот же день сообщил об этом Бенкендорфу и другим заинтересованным официальным лицам. 14 июля Заблоцкий был увезен «надежным жандармским офицером» и доставлен в Витебск 19 июля [232]. Там продолжением следствия по делу Заблоцкого занялась упомянутая выше «комиссия» под председательством Шредера. В рапорте на имя Н. Н. Хованского от 24 июля 1833 г. за № 42 Комиссия, излагая показания Заблоцкого, сообщала, в частности, о знакомстве его по приезде в Москву в 1831 г. с казеннокоштными студентами университета: Михайлою Чистяковым, Иваном Савиничем и Виссарионом Белинским. Таким образом, уже в первом показании Заблоцкий назвал в числе своих знакомых главных членов «Литературного общества 11 нумера». Соответствующее место показаний Заблоцкого изложено в рапорте следующим образом: «по прибытии его ⟨Заблоцкого⟩ в Москву сделал знакомство с казенными студентами Московского университета Михайлою Чистяковым, Иваном Савиничем и Виссарионом Белинским, а через сего последнего с повивальною бабкою Бордеглио, у которой бывал вместе с кандидатами университета Гомалицким и Зенкевичем, видел там ⟨у Бордеглио⟩ иногда поляков, бывших удаленными за возмущение ⟨и⟩ возвращающихся на свою родину...»

У Бордеглио,— показывал далее Заблоцкий,— ему доводилось слышать рассказы очевидцев о польском восстании 1830—1831 гг. и о «сражениях, бывших противу российских войск»; здесь обсуждались судьбы Польши в связи с политическими событиями во Франции, говорилось также и о настроениях русского народа. Заблоцкий запомнил, в частности, слова возвращавшихся из ссылки поляков о том, что жители Сибири имеют хороший «дух», то есть, что они «при удобном случае готовы к возмущению»[233].

Отсылая 31 июля рапорт Комиссии в Москву, Хованский обратился к Д. В. Голицыну с просьбой произвести полицейский розыск о названных Заблоцким его московских знакомых. На копии рапорта Д. В. Голицын написал: «Справиться через Голохвастова, находятся ли еще в Москве здесь упомянутые студенты и кандидаты, и какого поведения. Буде они жительствуют в университете, рассмотреть их сундуки, дабы открыть непозволительные бумаги»[234]. Но в университете в 1833 г. уже не было ни Белинского, ни Чистякова, у которых должен был быть в первую очередь произведен обыск. Оставался Савинич, который, как увидим, действительно был подвергнут обыску, хотя и не полицейскому, но он имел возможность в течение месяца после ареста Заблоцкого уничтожить свои бумаги.

Между тем, Комиссия в рапорте Хованскому от 29 июля 1833 г. за № 56 сообщила о новых показаниях Заблоцкого. Из них выяснилось, что Савинич познакомил Заблоцкого с Шанявским, Ежовским, Звержановским и другими поляками, находящимися в Москве. Но наиболее важным результатом допроса Заблоцкого от 29 июля 1833 г. было открытие существования в Москве «Тайного польского литературного общества», основанного Савиничем.

Дело приобретало все более серьезный характер. Только что, в феврале 1833 г., был утвержден Николаем I окончательный приговор по делу «тайного общества Сунгурова», как через несколько месяцев было открыто существование нового «тайного общества». 23 августа 1833 г. Д. В. Голицын получил отношение Хованского за № 235 и копию рапорта Комиссии от 29 июля за № 56. В своем отношении Хованский указывал

на серьезность вновь обнаруженных обстоятельств и просил произвести розыски в отношении московских друзей Заблоцкого. Интерес Хованского к расследованию московских связей Заблоцкого был понятен. Но тем удивительнее отношение московского военного генерал-губернатора к этому политическому следствию. Как только стало ясным, что следствие расширяет круг привлеченных к делу лиц, вовлекая московских студентов, Голицын «потерял» к нему интерес. На упомянутом выше отношении Хованского за № 235 он написал: «М⟨осква⟩ 23 авгу⟨ста⟩ 1833. В сем новом показании ⟨Заблоцкого⟩ я ничего не вижу — это пустословие и что поляки, когда они между собою поговорят о России не похвально, то проследить и запретить трудно»[235].

2 сентября 1833 г. Голицын направляет Хованскому отношение за № 397, в котором почти открыто говорит об отсутствии серьезных фактов и оснований для преследования Заблоцкого. «Рассмотрев присланные ко мне при отзыве Вашего сиятельства от 31 июля за № 221 и сего августа за № 235 донесение Комиссии, учрежденной в Витебске для открытия возмутительных сочинений и возмутителей, я нахожу в них изложение показанных студентом Заблоцким разговоров, происходящих между разными лицами. Хотя мнения людей сих о России вольны и неблаговидны, но не открыто еще в них таких замыслов, которые надлежало бы предупредить строгими мерами, и притом действуя по рассказам совершенно неясным и неопределенным, особенно тогда, когда некоторые из поименованных Заблоцким лиц в Москве уже не находятся...»

Д. В. Голицын заканчивал свой ответ категорическим отказом от продолжения следствия в Москве [236]. Тем не менее, отправив 2 сентября свое отношение, он через два дня, 4 сентября, затребовал от попечителя Московского учебного округа С. М. Голицына сведений о всех лицах, причастных к производимому следствию [237]. В ответном отношении, датированном 11 сентября, С. М. Голицын сообщил отзыв о студентах, упомянутых в запросе губернатора (ниже мы публикуем текст документа полностью).

13 октября Хованский и витебская комиссия вновь обратились к Д. В. Голицыну с просьбой доставить сведения о Савиниче и прочих лицах. Ответ Д. В. Голицына, известный нам по черновому «отпуску», содержал на этот раз совершенно недвусмысленный отказ в дальнейшей помощи следственной комиссии в Витебске. Д. В. Голицын писал Н. Н. Хованскому:

Секретно

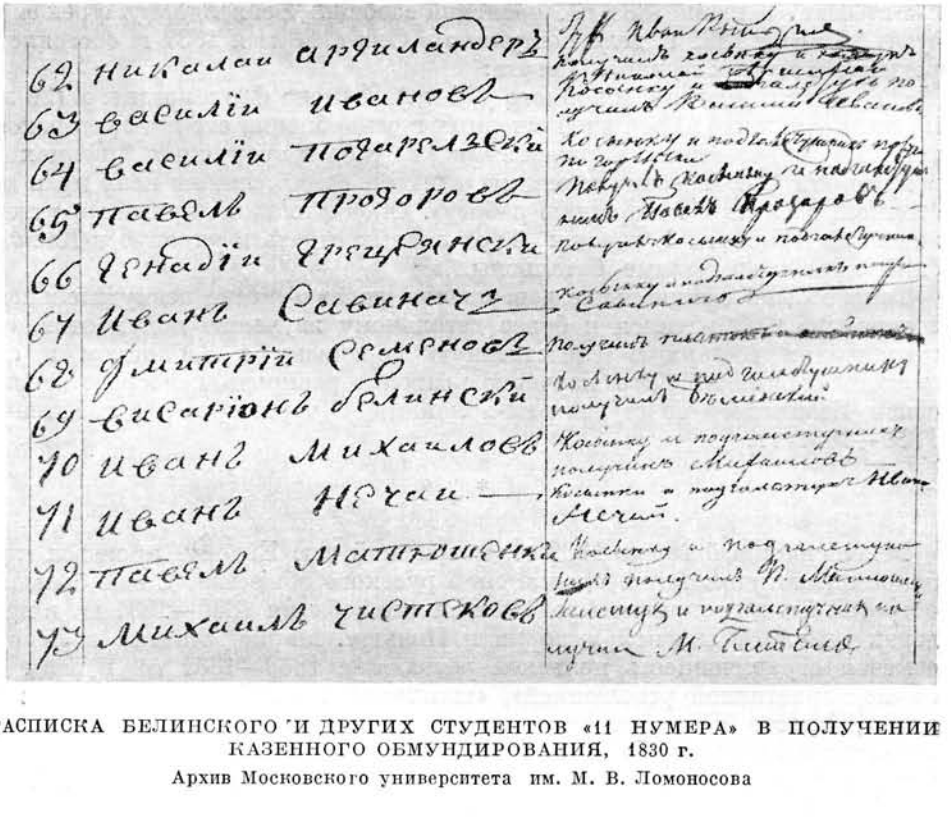
Милостивый государь князь Ник⟨олай⟩ Ник⟨олаевич⟩. Вследствие отношения Вашего сиятельства от 13 сего октября № 345-й честь имею препроводить при сем список с отзыва ко мне попечителя московского университета о студентах [Савиниче, как равно и других], прикосновенных к следствию Витебской комиссии. Из коего Ваше с⟨иятельст⟩во усмотреть изволите [усмотреть, что Савинич был уже осматриван инспектором, но ничего предосудительного у него не оказалось. Следовательно] как о поведении сих студентов, так равно и об образе их мыслей. Причем имею честь Вас, милостивый государь, уведомить, что таковые сведения, как сообщенные важнейшим над сими лицами начальником, по мнению моему должны быть достаточны к удовлетворению требований следственной комиссии и повторение ⟨требования⟩ собирать вновь таковые будет излишним.

С совершенным почтением ⟨...⟩

№ 472
Октября 22 дня
1833 [238].

Как видим, Д. В. Голицын счел нужным энергично подчеркнуть, что сведений, доставленных попечителем, достаточно для следствия и что собирать их вновь излишний труд. Тем самым он лишал витебскую следственную комиссию возможности сколько-нибудь полно расследовать все «корни и нити» «тайного польского литературного общества» Савинича, да и многие другие связи Заблоцкого, в том числе и отношения с Белинским. Хованский вынужден был ответить (8 ноября 1833 г.), что Комиссия согласна прекратить дело о московских студентах [239].

С этой минуты ход следствия упростился, и расследование касалось только Заблоцкого и его витебских друзей. Все следствие было проведено


62 Николай Александръ
63 Василій Ивановъ
64 Василій Подгорзовскій
65 Павелъ Продоровъ
66 Геннадій Грегорьевскій
67 Иванъ Савиничъ
68 Дмитрій Сомоновъ
69 Виссаріонъ Белинскій
70 Иванъ Михайловъ
71 Иванъ Нечаи
72 Павелъ Матвушенко
73 Михаилъ Чистяковъ

РАСПИСКА БЕЛИНСКОГО И ДРУГИХ СТУДЕНТОВ «11 НУМЕРА» В ПОЛУЧЕНИИ КАЗЕННОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ, 1830 г.

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

и закончено в кратчайший срок, заочно, только на основании донесений университетских властей, без уточнения и проверки, без привлечения к допросам Белинского, Чистякова, Бордеглио и других причастных к следствию лиц. Голицын вполне удовлетворился отпиской, что ряд студентов выбыл из университета, и никаких мер к розыску их не предпринял.

Позиция Д. В. Голицына объясняется, нужно думать, не тем, что он действительно убедился в необоснованности обвинений. Повидимому, она была вызвана (как и у его однофамильца С. М. Голицына, в случае с цензурным рассмотрением «Дмитрия Калинина») желанием скрыть от Николая I, и без того раздраженного на Москву и ее университет, новое политическое дело, к тому же раскрытое не московскими властями, а витебским генерал-губернатором.

27 ноября 1833 г. в рапорте под № 157 витебская комиссия известила Хованского об окончании порученного ей следствия. 24 декабря 1833 г. Хованский отправил Бенкендорфу свое заключительное донесение по

делу и обширную записку Комиссии. Хованский запрашивал, в частности, о «высочайших» указаниях в отношении дальнейшей судьбы лиц, привлеченных к дознанию. 14 января 1834 г. Бенкендорф сообщил министру юстиции Дашкову повеление царя доложить соображения о мерах наказания виновных. 26 февраля Дашков представил эти соображения. Наконец, 20 мая 1834 г. состоялся «всеподданнейший доклад» Бенкендорфа «о лицах, прикосновенных к делу о возмутительных сочинениях»[240]. Затем дело было передано Санкт-Петербургскому комитету, учрежденному для рассмотрения дел западных губерний. 4 октября 1834 г. последовало решение этого комитета об отдаче под суд Заблоцкого, Михаловского, Верниковского и некоторых других причастных лиц. Суд происходил в Витебске. 6 июня 1835 г. Хованский сообщил Бенкендорфу о решении суда. 22 июня 1835 г. дело поступило в Сенат. 28 мая 1837 г. состоялось решение государственного Совета:

«1) Дворян: Фадея Заблоцкого (24 л.), Зенона Михаловского (26 л.) и Егора Смолича (20 л.), изобличенных в оскорблении его императорского величества дерзкими выражениями в собственноручных письмах и в хранении у себя возмутительных стихотворений, лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу». Окончательный приговор, утвержденный Николаем I, гласил: «Трех первых отдать в рядовые в Кавказский корпус, в разные батальоны...»[241]

Таково было официальное завершение «дела» о «песне возмутительного содержания». Обратимся к более детальному изучению документов, составляющих обширную следственную переписку о Заблоцком и его единомышленниках. Это изучение позволит раскрыть непосредственные связи Белинского со студентами-поляками, а через них и с событиями 1830—1831 гг.

* * *

Революционный взрыв 1830 г., потрясший всю Европу, произвел глубокое впечатление на передовые слои русского общества. С еще большей остротой были восприняты революционные события 1830—1831 гг. в пределах самой Российской империи и Польши. Маркс, Энгельс и Ленин, отмечая ограниченность польской революции 1830—1831 гг. и называя ее «консервативной революцией», «шляхетским освободительным движением», вместе с тем неоднократно признавали большое историческое значение польского восстания для пробуждения и укрепления демократически-оппозиционных сил в России и особенно в западных славянских странах, томившихся под чужеземным феодальным игом.

«...Клич: „Да здравствует Польша!“, — писал К. Маркс, — означает сам по себе: смерть Священному союзу, смерть военному деспотизму России, Пруссии и Австрии...»[242]

«Известно,— писал Ленин,— что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требования независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи „крестьянской реформы“ в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных массовых демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»[243].

В результате ленинской оценки становятся ясны роль и значение польского восстания в процессе формирования политической идеологии Белинского, Герцена и их современников. Первое же печатное известие о восстании, появившееся 28 ноября 1830 г. в официальных газетах, произвело ошеломляющее впечатление на общество. Значительность и важность происшедших событий признавались, хотя и с различных позиций, как реакционными, так и прогрессивными кругами русского общества. Николай I и Бенкендорф недаром видели в польском восстании прежде всего выступление против самодержавия. Бенкендорф говорил Ф. Вылежинскому, что это попытка «уничтожить монархический принцип» и «война негодяев против честных людей: всякие оборванцы, завидующие богатым, желают сесть на их место»[244].

С другой стороны, декабристы, томившиеся в крепостных казематах Сибири, справедливо отмечали, когда до них дошли вести о событиях в Польше, что восстание направлено не против русского народа, а против русского царя.

Декабрист М. С. Лунин указывал, что «варшавские высшие общества, увлекая массы, неспособные рассуждать, восстали не против народа ⟨русского⟩, но против русского правительства»[245]. Сами повстанцы обращались к русским солдатам и русскому народу с листовками, в которых писали, что «вооружаются не против России, которая происходит от одного племени ⟨...⟩, но против строгого угнетения, которое ⟨...⟩ наравне к вам и нам относится»[246].

Представители передовых демократических кружков московского студенчества отнеслись к известиям о польском восстании с юношеским восторгом и энтузиазмом. В их восприятии польские повстанцы выступали в одном ряду с декабристами. О повышенном интересе московских студентов к польской революции подробно рассказал Герцен[247]. Я. Костенецкий вспоминал: «студенты ⟨...⟩ руководясь то состраданием к угнетенным, то внушениями товарищей поляков и немцев, считали войну эту ⟨Николая I с Польшей⟩ несправедливою, варварскою и жестокою: в поляках видели страдальцев за родину, а в правительстве нашем — жестоких тиранов, деспотов» [248].

Польские события внушили чрезвычайную тревогу университетской администрации. Когда Погодин предложил чтение курса истории Польши, это вызвало, по рассказу Костенецкого, восторг студенчества и резкое недовольство властей. Погодин записал в дневнике 31 марта 1831 г.: «Писал статью о Польше ⟨...⟩ Снегирев называет меня революционером и говорит, что студенты почитают меня Лелевелем, и это написано в коридорах...» [249]

Конечно, вскоре после выхода статьи Погодина о Польше для студентов стала ясной охранительная позиция профессора, но в разгар событий они восприняли его намерение прочесть курс истории Польши как смелый и дерзкий шаг. Герцен писал неизвестному польскому публицисту о глубоком волнении, охватившем московское студенчество, и вспоминал о тесном общении с поляками-студентами: «Представьте себе то чувство, с которым иногда в аудитории Московского университета мы слушали рассказы ваших соотечественников и видели затаенный упрек, а иногда хуже— снисходительное сожаление, и мы молчали, как дети какого-нибудь злодея, стыдясь имени своего отца» [250].

Н. Сазонов, учившийся в одно время с Белинским, в письме к участнику революции 1830—1831 гг., Кристину Островскому, также выражал свое искреннее сочувствие польскому революционно-освободительному движению: «Я помню, что в 1830 г. ваши знамена имели девиз: za waszą i naszą wolnoščc,* я помню, что в том же году, едва выйдя из детского

* За вашу и нашу свободу.

возраста, я хотел научиться говорить по-польски, чтобы знать язык этого героического народа, энергичные сыны которого открывали нам будущее, призывая революцию, столь же необходимую для рабской России, сколько и для порабощенной Польши» [251].

Приведенные высказывания современников свидетельствуют о глубоком следе, оставленном польским восстанием в сознании демократически настроенных студентов Московского университета. Особенно нужно отметить указания Костенецкого, Сазонова и Герцена на то, что известия о восстании доходили до них не только из официальных источников, но в первую очередь от студентов-поляков. Нет сомнений, что современник этих событий, Белинский, переживал их не менее остро и ярко, чем его товарищи. Знаменательно, что кровавую историю подавления восстания он хорошо помнил много лет спустя. При этом он вспоминал не официальную историю польской революции, а рассказы очевидцев. 10—11 декабря 1840 г. он писал Боткину: «Более всего печалит меня теперь выходка против Мицкевича, в гадкой статье о Менцеле: как! отнимать у великого поэта священное право оплакивать падение того, что дороже ему всего в мире и в вечности — его родины, его отечества, и проклинать палачей, и каких же палачей?» И далее, рассказав о жестокостях усмирения восстания, с горечью восклицал: «Это факты европейской войны нашей с Польшею, факты, о которых я слышал от очевидцев» («Письма», II, 185—186). Таким образом, десятимесячная эпопея восстания польских патриотов против николаевского самодержавия оставила глубокий след в душе Белинского.

Изучение следственных показаний Ф. Заблоцкого и других относящихся к его делу материалов позволяет не просто расширить существующее представление о студенческом окружении Белинского, но вскрыть его связи с группой революционно-настроенных польских студентов Московского университета. Материалы «дела № 183», в первую очередь, устанавливают факт дружеского общения Белинского с самим Заблоцким. Об этом знакомом Белинского мы до сих пор ничего не знали.

Фаддей (или Тадеуш-Лада) Заблоцкий был незаурядным человеком, выделявшимся серьезностью своих духовных запросов. Он обладал, к тому же, поэтическим талантом.

Заблоцкий родился в 1813 г., в семье обедневших шляхтичей. По окончании Витебской гимназии он был отправлен в Московский университет. О его принятии (как поляку ему нужно было получить разрешение министра просвещения) хлопотал сам попечитель Белорусского учебного округа Г. И. Карташевский, родственник Аксаковых. Этот факт, так же как и дружественная связь с лучшими учителями Витебской гимназии, свидетельствует о том, что Заблоцкий заметно выделялся уже в школе. Г. И. Карташевский просил разрешения послать его учиться на счет Белорусского учебного округа, указывая, что по окончании университета Заблоцкий прослужит шесть лет в Белоруссии. Разрешение было дано, и попечитель Московского учебного округа кн. С. М. Голицын предложил ректору Двигубскому принять его на казенный кошт Витебской гимназии. В студенческом общежитии университета Фаддей Заблоцкий поселился 20 октября 1831 г. Через несколько дней, а именно 26 октября, он был зачислен на первый курс словесного отделения казеннокоштным студентом [252]. В это время и состоялось, несомненно, знакомство Заблоцкого с Белинским и другими членами «Литературного общества 11 нумера». В 1831/32 учебном году Белинский посещал одновременно с Заблоцким первогодичные лекции Победоносцева [253], занятия по латинскому языку Кубарева [254] и др.

Напомним, что в своем первом показании, данном 4 июля 1833 г., Заблоцкий назвал из многочисленного круга московских знакомых в первую

Экспедиция № 1835

АРХИВЪ

III^го ОТДѢЛЕНІЯ

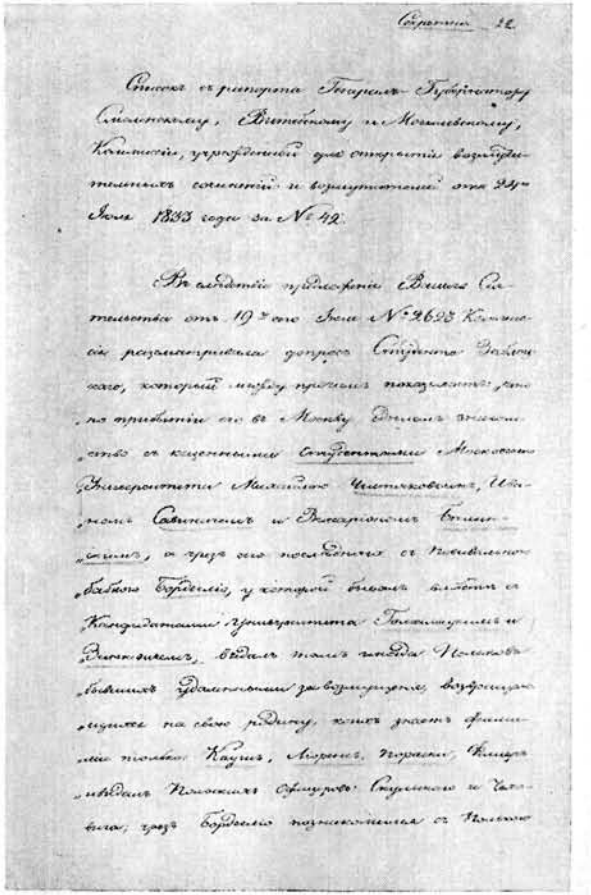
СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ

О пѣснѣ возмутительнаго содержанія, найденной въ домѣ Чаадаевскаго родственника Белина и объ извѣстномъ чиновнику Гирсу Бриму, помѣщику Пречесцкому и другимъ

1833 ГОДА.



Страница 12.

Выписка съ рапорта Генералъ Губернатора Смоленскаго, Витебскаго и Могилевскаго, Комиссіи, учрежденной для открытія возмутительныхъ сочиненій и возмутителей отъ 24го Іюля 1833 года за № 42.

Въ слѣдствіе предложенія Вашего Сіятельства отъ 19го сего Іюля № 2693 Комиссія разсматривала допросъ Студента Заблоцкаго, который между прочимъ показываетъ, что по прибытіи его въ Москву, Декабря знакомъ онъ съ коренными Студентами Московскаго Университета Александромъ Чистяковымъ, Иваномъ Сапожниковымъ и Александромъ Бѣлинскимъ, и чрезъ сихъ послѣднихъ съ Полякомъ Бабкою Бордеемъ, у которой вмѣстѣ съ Кандидатами Университета Гроссгеймомъ и Дмитріевымъ, видалъ тамъ тогда Поляковъ бывшихъ Адъютантомъ за возмущеніе, возбуждающіе на свою родину, какъ знаетъ фамиліи тѣхъ: Кацкій, Лорнеръ, Пораски, Кнеръ и видалъ Поляковъ Офицеровъ Сеймовъ и Чаплицкаго, чрезъ Бордею познакомился съ Поляковъ

очередь Чистякова, Савинича и Белинского, т. е. главных членов «Литературного общества 11 нумера». Показание Заблоцкого документально подтверждает мемуарное свидетельство Прозорова о том, что участие в литературно-общественных интересах обитателей «11 нумера» принимали «и некоторые студенты из других нумеров, находившиеся с нашим обществом в сношениях» [255].

Вероятно, при посредстве членов кружка Белинского Заблоцкий скоро установил связь с более широкими передовыми кругами студенчества и московского общества. В своих показаниях он свидетельствовал, что общение с демократически-разночинной средой студенчества ускорило рост его оппозиционных и антиправительственных настроений. В бумагах Заблоцкого, взятых при его аресте жандармами, находился альбом с запрещенными антиправительственными стихотворениями. Были обнаружены и сочинения, непосредственно относящиеся к восстанию 1830—1831 гг. Как доносил Д. В. Голицыну исполняющий должность московского обер-полицеймейстера Муханов, в числе этих последних находилась тетрадь со списками «речей возмутительных, говоренных в Париже Лелевелем, Платером, Лафайетом и другими по случаю годовщины польской революции». Как уточнено в донесении витебской комиссии, тетрадь заключала речи, произнесенные в Париже 29 ноября 1831 г. [256] Напомним, что выступления И. Лелевеля — главы демократической партии в польском освободительном движении — имели революционный характер. «...в недрах этой консервативной революции ⟨...⟩ нашелся человек,— говорил Энгельс о Лелевеле,— который резко нападал на узость взглядов господствующего класса» [257]. Небезинтересно указать, что идейный соратник и товарищ Заблоцкого, витебский дворянин Зенон Михаловский, в своем показании следственной комиссии говорил, что антиправительственные взгляды сложились у него под влиянием «Всеобщей истории» Лелевеля [258]. «Речи» Лелевеля, Лафайета и других Заблоцкий не только читал сам, но и давал читать другим студентам, в том числе К. Коссовичу [259].

Значительный интерес для нашей темы представляет показание Заблоцкого на первом допросе о том, что именно Белинский ввел его в один из центров оппозиционной польской общественности в Москве — в дом акушерки Бордеглио. Однако в дальнейших своих показаниях, при последующих допросах, Заблоцкий уже называл в данной связи имя Савинича, а не Белинского и добавлял, что Савинич «после этого прервал с нею всякие сношения и рассорился».

Мы не располагаем никакими документальными материалами для того, чтобы разъяснить причину этого противоречия в следственных показаниях Заблоцкого. Была ли допущена вольная или невольная ошибка в первом показании или замена имени Белинского именем Савинича при последующих допросах явилась следствием того, что Заблоцкий стал более осмотрительным в своих ответах, а так как Савинич все равно был вовлечен в дело взятыми бумагами, то на него можно было переложить и ответственность за знакомство с Бордеглио? На эти вопросы имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают ответа. Это обстоятельство ограничивает, разумеется, возможность ответственных выводов из показания Заблоцкого о том, что в дом Бордеглио он был введен Белинским. Но поскольку такое показание существует, хотя и не поддается пока проверке, следует выяснить, что же за общество собиралось в доме Бордеглио.

Заблоцкий показывал, что в этом доме он бывал вместе с кандидатами Московского университета Гомалицким и Зенкевичем и встречался там с военнопленными польскими повстанцами—Кушом, Льоренсом, Пораскою, Фишером и офицерами-поляками расквартированной в Москве пехотной дивизии — Скульским и Дворжецким [260]. В секретной части Канцелярии

московского генерал-губернатора сохранилось следующее донесение секретного агента о Бордеглио и посетителях ее дома в 1831—1832 гг. «29 ноября 1832 г. № 316. Повивальная бабка из полячек Франциска Иванова Бордеглио приехала в Москву в самом бедном состоянии и, не имея особенной выгоды по званию акушерки, вдруг приобрела себе значительный капитал (заметно вскоре после польского возмущения), купила дом в Садовой улице у г⟨оспож⟩и Плоховой, в котором живет в любовной связи с отставным майором Гавилием, к ней съезжаются по вечерам все живущие в Москве поляки, особенно офицеры, посредством которых ⟨она⟩ щедро награждает и проходящих пленных своих соотечественников» [261].

Беседы в доме Бордеглио, несомненно, выходили за рамки обсуждения собственно польских революционных событий. Напомним показание Заблоцкого о том, что именно здесь он услышал от возвращающихся из ссылки поляков о «хорошем духе» жителей Сибири и разъяснил, по требованию следственной комиссии, что эти слова «относились к тому, что жители Сибири при удобном случае готовы к возмущению» [262]. Отметим в этой связи, что и участники общества Сунгурова возлагали надежды на возможность революционного восстания именно в Сибири. Не исключено, что эти надежды сунгуровцев восходили, как к своему источнику, к той же информации возвращавшихся из сибирской ссылки поляков.

Следственные показания Заблоцкого документально устанавливают наличие связей Белинского со студентами-поляками. Эти показания вводят, прежде всего, в ближайшее окружение молодого Белинского самого Заблоцкого. Необходимо дополнить сведения о нем, сообщенные выше, чтобы общий облик этого не известного ранее товарища студенческих лет Белинского стал яснее [263].

Заблоцкий с юных лет отличался горячей любовью к литературе и был одаренным польским поэтом. Сосланный в 1837 г. Николаем I в рядовые на Кавказ, Заблоцкий и там, в суровых условиях солдатской службы, участвуя в боевых походах, сумел продолжить свои занятия литературой и поэтическое творчество. В эту пору он печатал свои стихотворения в «Atheneum» Крашевского, в «Литературной хронике» («Rocznik literacki») Подберезского (1844 г.) и в других польских журналах. В 1845 г. Подберезский, издатель польской газеты в Петербурге, выпустил книгу стихов Заблоцкого («Poezje T. Ł. Zabłockiego, wydaw Podbereski»).

Около 1846—1847 гг. Заблоцкий был освобожден из армии и стал управляющим Кульпинскими соляными промыслами в Грузии. Вероятно, именно в это время он работал над своими сочинениями, оставшимися в рукописях: «Опыты поэтические», «Материалы к истории славянской цивилизации и литературы» и «Взгляд на историю грузинской литературы» [264]. Таким образом, круг интересов Заблоцкого был обширен и разнообразен. Умер он во время холеры в Кульпах в первой половине августа 1847 г. [265].

Несмотря на суровую жизненную судьбу и раннюю смерть, Заблоцкий сумел занять заметное место в польской поэзии. По словам Юлиана Бартошевича, «между молодежью польскою, живущею на Кавказе, выросло определенное литературное движение. В особенности процветала поэзия, а среди молодежи кратковременно выделился Тадеуш-Лада Заблоцкий, родом из Белоруссии» [266]. Собещанский писал в польской «Всеобщей энциклопедии», что Заблоцкий «отличался поэтическим талантом, выделяясь среди поэтов, так называемой, „белорусской школы“. Замечательные его стихи исполнены страсти и воображения» [267]. Даже в скупой заметке о смерти Заблоцкого в газете «Кавказ» отмечено, что он обладал «замечательным поэтическим талантом» [268]. Книга стихов Заблоцкого подтверждает эти отзывы. В ней помещено 74 оригинальных стихотворения и 21 переведенное с английского, немецкого, грузинского и других языков.

Особенно интересны для нашей темы стихотворения первого студенческого периода (1831—1833 гг.). Они показывают, что в формировании Заблоцкого как поэта большое значение имели традиции русского революционного романтизма, близкие и членам «Литературного общества 11 нумера». Особо следует отметить характерные для юношеской лирики Заблоцкого мотивы богоборчества. Так, в стихотворении «К богу», написанном уже в витебской тюрьме, Заблоцкий со своей «невольничьей постели» обращается к богу со следующими знаменательными словами, напоминающими размышления Дмитрия Калинина:

О я, что ежеминутно возрождаюсь и погибаю,
Я жаждал тебя увидеть земными очами,
И, поняв пустых софизмов сферы,
В бешенстве я восклицал: нет тебя, боже![269]

Ознакомление с поэтической деятельностью Заблоцкого периода его пребывания в Московском университете позволяет констатировать общность литературных и общественно-политических интересов между ним и Белинским, что и послужило поводом для их сближения. Оно произошло, повидимому, при посредстве участника «Литературного общества 11 нумера» — Савинича, другого студента-поляка, чье место и роль в биографии Белинского университетского периода устанавливаются с большей определенностью.

Иван (Ян) Савинич был ровесником Белинского [270]. Происходил он из духовного звания. Отец его, Симон Савинич, родом из мелких шляхтичей, служил вначале прелатом униатской церкви в Петербурге, где прошли детские годы Ивана Савинича [271]. Впоследствии отец его перешел на должность преподавателя Полоцкой греко-униатской семинарии. 17 августа 1819 г. Савинич был отдан в эту семинарию и пробыл в ней до 13 сентября 1828 г. 14 августа 1829 г. он подал прошение о принятии его на словесное отделение Московского университета и 26 августа экзаменовался и был признан «способным к слушанию профессорских лекций» [272].

Подобно Белинскому, Савинич не отличался блестящими академическими успехами в первый год своего пребывания в университете [273]. Но уже в то время он выступает сотрудником различных московских журналов. Он печатается в тех же изданиях, что и Белинский: в «Листке», «Молве» и «Телескопе». Здесь он помещает заметки о польской литературе и переводы с польского [274]. Собещанский, со слов самого Савинича, сообщает, что последний «много сотрудничал в журналах русских, в которых поместил, кроме беллетристических статей, „Письма“ профессора Ю. Ковалевского („Телескоп“ и „Молва“, 1832—1833), „Обычаи сербов“ („Телескоп“, 1832), „Обзор трудов Мацеевского“ („Журнал министерства народного просвещения“, 1834), „Дневник Сапеги“ („Сын отечества“)»[275]. Для литературных и политических интересов Савинича характерны также переводы им трудов Лелевеля и Мацеевского, которые остались в рукописи [276]. Не исключена возможность, что Савиничу принадлежит заметка в «Галатее» о переводах Мицкевича, в период редактирования этого журнала П. И. Артемовым [277].

В студенческие годы Савинич много работает над популяризацией польского языка и литературы. В 1833 г. он издает в Петербурге «Польскую грамматику» для русских [278]. В предисловии к своему труду Савинич писал: «Не нужно доказывать пользы и необходимости взаимного сближения русской литературы с польскою: довольно указать на сродство обоих языков, взаимно объясняющих друг друга, и на важность польской литературы, богатой произведениями собственно изящными и отличными сочинениями по части наук. Необходимость этого сближения особенно

проявилась в наше время, что видно из усилий многих русских литераторов знакомить русскую публику с произведениями польской словесности и из общего явственно обнаруживающегося стремления изучать оную». «Я решился,— продолжает автор,— вследствие современных требований и всеобщей наклонности составить польскую грамматику, надеясь этим облегчить труд учащихся» [279]. Это предисловие весьма показательно для направления литературных занятий Савинича, которые он энергично и с увлечением посвящал практической разработке воодушевлявшей его идеи. Примечательно, что предисловие к «Польской грамматике» Савинича писалось в период самого близкого общения автора с членами «Литературного общества 11 нумера», почти одновременно с предисловием Чистякова к теории искусства Бахмана. Возможно даже, что издание грамматики Савинича было осуществлено при некотором содействии членов литературного кружка Белинского. Основанием для такого предположения служат следующие факты. В предисловии к «грамматике» Савинич извещал читателей о предстоящем завершении им своего нового труда — «Карманного польско-русского словаря», с напечатанием которого он обещал не замедлить, если у него найдутся для этого средства [280]. Этот словарь не вышел в свет. В начале июля 1834 г., в не дошедшем до нас письме к Петрову, Белинский просил его вернуть Савиничу рукопись словаря. 12 июля ⟨1834 г.⟩ Петров отвечал Белинскому: «Словарь Савинича не пришлю до случая — дорогà пересылка, а я стал рассчетлив». По мнению комментаторов, речь идет о грамматике Савинича [281], между тем, грамматика вышла из печати в 1833 г., в ней нет никакого словаря, и назвать ее «словарем» Петров, сам лингвист, разумеется, не мог. Речь шла бесспорно о рукописи словаря Савинича, которая была послана либо с Петровым, либо к Петрову в Петербург и, вероятно, именно для устройства ее напечатания в одной из петербургских типографий. Это предположение можно распространить и на историю издания грамматики. Она вышла в начале 1833 г., как раз во время пребывания в Петербурге Петрова.

Впоследствии Савинич много работал над популяризацией польской литературы в России и русской литературы в Польше. Ему принадлежат заметки о русских писателях во «Всеобщей энциклопедии», статьи о русских писателях, в том числе о Пушкине и Гоголе, в различных журналах [282].

Несмотря на свою одаренность, Савинич, как и Белинский, был на плохом счету у администрации университета. В опубликованном выше отчете инспектора казеннокоштных студентов Савинич отнесен к числу лиц, замеченных в «дурном поведении». Среди провинностей, которые числило за Савиничем университетское начальство, имелась одна, связанная с именем Белинского. В 1830 г., во время холерной эпидемии, Савинич совершил самовольную отлучку из университетского общежития, за что был посажен в карцер. На выручку Савинича пришли товарищи. «Чистяков и Белинский,— рассказывает П. Прозоров,— собрали бóльшую часть студентов в круглую залу и потребовали инспектора. Инспектор, извещенный о волнении студентов, признал за лучшее прийти ⟨...⟩ Опальный студент ⟨Савинич⟩ был освобожден из карцера. Студенты успокоились» [283].

Как и Белинскому, Савиничу не удалось закончить университетского курса. В 1835 г. он покинул университет, якобы по своему желанию, но в действительности, вероятно, вынужденно, вследствие своего открывшегося властям руководящего участия в организации «тайного польского литературного общества» (см. ниже). О характере и разнообразии связей Савинича в период его пребывания в университете дают представление следственные показания Заблоцкого. Савинич был дружен со студентом-медиком Гаспаром Шанявским. Шанявский открыто пропагандировал идеи польского революционно-освободительного движения [284]. Он был

арестован, и ему было предъявлено обвинение «в намерении учинить побег в Польшу для присоединения к мятежникам и в подговоре к тому офицеров». «Дело» о Шанявском было начато 19 июня 1831 г. и окончено 13 июня 1832 г. Вместе с ним к суду был привлечен библиотекарь Петрашкевич, бывший член виленского «общества филаретов», как явствует из данных следствия, также близкий Савиничу.

На одном из допросов Заблоцкий показал, что был знаком с Шанявским и что знакомство это произошло при посредничестве Савинича. «Сей Шанявский,— показывал Заблоцкий,— неизвестно мне за какое политическое дело, содержался тогда на гауптвахте и однажды прислал к Савиничу записку, чтобы ему принесть что-то, но Савинич, находившийся тогда у Кигна, человека порочных правил, как после оказалось, где и я тогда был, по недостатку времени просил меня, чтобы я потрудился сходить к Шанявскому на гауптвахту и отнести ему прошенные им вещи». Далее Заблоцкий рассказал о том, что Шанявский, к которому он стал часто ходить, воспитывал в нем ненависть к самодержавию, полицейскому произволу и насилию: «Сей-то Шанявский более всего возбудил во мне противные ⟨т. е. антиправительственные⟩ чувства, представляя жестокость правительства в наказании возмутившихся поляков» [285].

Был, вероятно, знаком с Шанявским и Белинский. Познакомить их мог тот же Савинич, столь охотно, как это видно из показаний Заблоцкого, сводивший между собой своих друзей и знакомых. Независимо от того Белинский не мог не встречаться с Шанявским и в столовой казеннокоштных студентов и в общежитии. Следует при этом иметь в виду, что Шанявский учился на одном курсе с некоторыми земляками Белинского, в том числе с В. И. Терентьевым, с которым Белинский часто встречался [286]. Во время холерной эпидемии 1830 г. Шанявский и Терентьев были назначены в особо устроенную холерную больницу в Ботаническом саду [287]. Из воспоминаний Н. Аргилландера известно, что он и Белинский «от нечего делать ходили неоднократно ⟨...⟩ по этим холерным больницам к студентам-медикам и пили с ними постоянно прямо из бочек чуть ли не ковшами больничное красное вино...» [288] Вполне естественно предположить, что Белинский посещал прежде всего людей, так или иначе ему знакомых. Терентьев же, по свидетельству Д. П. Иванова, принадлежал к числу еще пензенских друзей Белинского[289]. Но, бывая у Терентьева, нельзя было не встретиться с Шанявским. Таким образом, вероятность знакомства Белинского с этим польским революционером весьма велика.

Материалы следствия по делу Сунгурова, Заблоцкого и самого Шанявского рисуют последнего человеком, безгранично преданным делу польского революционно-освободительного движения. Его убеждения и страстная пропаганда лозунгов этого движения, в частности лозунга свержения царского самодержавия, подвергавшего Польшу тяжелому национальному гнету, равно увлекала польских и русских студентов Московского университета Шанявский не ограничивался только пропагандой. Как упоминалось выше, он готовил побег из Москвы группы военнопленных польских офицеров. Вместе с бывшим «филаретом» Петрашкевичем он собирал для них деньги и оружие и добывал подложные документы.

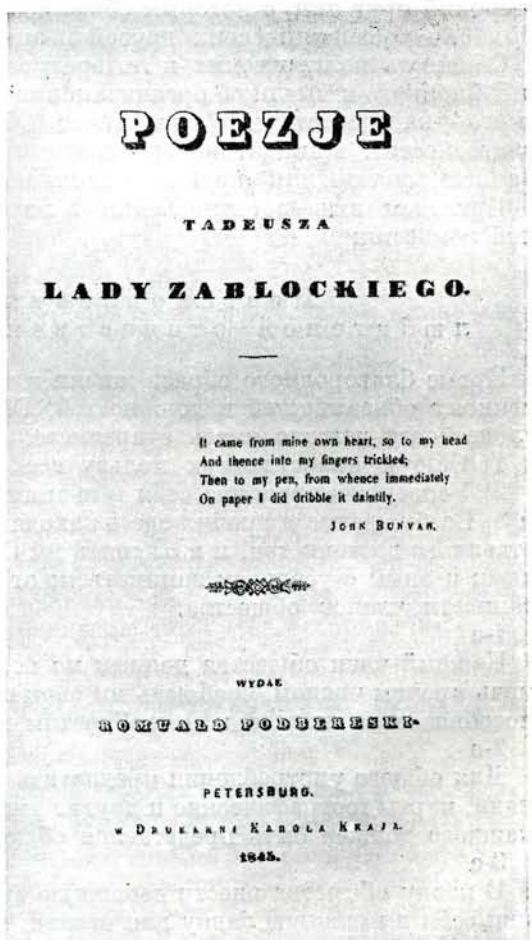
Шанявский был связан с кружком Сунгурова. Один из членов этого кружка, студент П. А. Кашевский, человек «замечательного ума» (по характеристике Костенецкого), показал, отвечая на соответствующий вопрос следственной комиссии, что именно Шанявский толкнул его на путь революционного протеста. Побочный брат Сунгурова, студент Ф. Гуров, в своей «исповеди» «следственной комиссии» писал, что Петрашкевич с Седлецким намечали план восстания, а «Шанявский говорил, что русские им ⟨полякам-заговорщикам в Москве⟩ оказывают помощь денежную и они собрали до сколько-то тысяч, хотя каждый жертвовал мало» [290]. По-

казания самого Сунгурова также свидетельствовали, хотя и косвенно, о роли Шанявского в распространении революционных идей в среде московского студенчества [291].

Таков был человек, весьма близко стоявший к друзьям Белинского — Савиничу и Заблоцкому — и имевший на них большое влияние. Мы можем поэтому утверждать, что если даже между Шанявским и Белинским не возникли личные отношения, то все же Белинский был осведомлен об идейно-политических взглядах и деятельности польского революционера.

Уже в студенческие годы Савинич был вхож не только в центры польской общественности в Москве, но и в разнообразные литературные объединения. Так, Заблоцкий показывал, что Савинич познакомил его с профессором Ежевским и кандидатом Московского университета Звержановским и «прочими поляками, бывшими тогда в Москве». Ежевский, в свою очередь, ввел Заблоцкого к Н. А. Полевому, который поручил тому ряд переводов [292]. В другом месте Заблоцкий утверждал, что Савинич «был знаком со всеми почти русскими литераторами, а следовательно мог иметь всегда новейшие русские книги» [293]. Знакомства Савинича, действительно, были разнообразны и в высшей степени любопытны.

Среди других литературно-научных связей Савинича и Заблоцкого отметим их знакомство с профессором арабского языка Казанского



POEZJE

TADEUSZA

LADY ZABLOCKIEGO.

It came from mine own heart, so to my head
And thence into my fingers trickled;
Then to my pen, from whence immediately
On paper I did dribble it daintily.

JOHN BUNYAN.

WYDAŁ

ROMUALD PODBERESKI.

PETERSBURG.

W DRUKARNI KAROLA KRAJA.

1845.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ СТИХОТВОРЕНИЙ ТАДЕУША-ЛАДА ЗАБЛОЦКОГО, ИЗДАННОЙ В ПЕТЕРБУРГЕ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ, 1845 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Ленинград

университета, польским поэтом и членом общества «филаретов» Яном Верниковским (1800—1877) [294]. Познакомил их казеннокоштный студент словесного отделения Павел Гостев, перешедший в мае 1832 г. из Казанского в Московский университет [295]. Следовательно, знакомство Савинича и Заблоцкого с Верниковским следует отнести к концу 1832 г. «Так как г. Верниковский,— показывал Заблоцкий,— известен в польской литературе как ученый ориенталист, эллинист и прекрасный поэт, то я его просил о стихотворении для альманаха ⟨задуманного Савиничем и Заблоцким⟩ и по этому-то случаю завел с ним переписку» [296]. Верниковский в своих показаниях рисует Заблоцкого обаятельным и благородным юношей, отличающимся «пылкостью, горячностью, живостью темперамента». «Знакомство мое,— пишет он,— с Заблоцким было кратковременно: признаюсь чистосердечно, я любил этого человека: кроме его услужливости быть мне предводителем в Москве, а именно в различные книжные лавки ⟨...⟩ во время моего переезда через оную, я в нем видел молодого человека, преданного наукам: он мне доставил драгоценное знакомство со знаменитым российским археологом и литератором проф. Каченовским, снабдил меня в Казань новейшими сочинениями ⟨...⟩ Это привязало меня к Заблоцкому...» [297]

Итак, с одной стороны, участники польского восстания 1830—1831 гг., польские офицеры, студенты, с другой,— русские ученые и литераторы— Н. Полевой, М. Каченовский, Н. Надеждин, М. Погодин — входят в широкий круг лиц, с которым общались Заблоцкий и Савинич и в который они вовлекали своих друзей и знакомых.

Общность политических и литературных интересов привела Савинича и Заблоцкого к мысли об организации в среде польских студентов Московского университета неофициального «Общества любителей отечественной словесности». Инициатива организации принадлежала Савиничу. Им же написан «устав» или «постановления» общества.

Приведем эти «постановления» в переводе, сделанном для следственной комиссии:

Постановления общества любителей отечественной словесности

Кроме благородного образа жизни и точного исполнения свойственных всякому обязанностей и должностей, Общество любителей отечественной словесности должно иметь в предмете:

1) Общую нравственную пользу всех членов общества;

2) Усовершенствование себя в знании польского языка;

и 3) Возбуждение в прочих здесь находящихся единоземцах чувства нравственного достоинства, и изъяснять им необходимость полюбить польский язык и оным с усердием заниматься; от сего происходят следующие обязанности членов общества.

1-е

Каждый член общества должен по возможности и обстоятельствам помочь прочим членам, сообщать им свои советы, предостережения и делать пособия, относящиеся к потребностям нравственным и физическим.

2-е

Для общего употребления предлагать находящиеся у себя книжки, тетради, карты географические и другие училищные пособия, коих список от каждого должен быть представлен обществу.

3-е

В казну общества внести денежную сумму, по возможности для вписания себя в книжную лавку для чтения, и увеличивать сию казну согласно издержкам общества.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ «ПОЛЬСКОЙ ГРАММАТИКИ» И. А. САВИНИЧА, ИЗДАННОЙ ИМ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, 1833 г.

Библиотека при Московском университете им. М. В. Ломоносова

ПОЛЬСКАЯ

ГРАММАТИКА.

ИЗДАННАЯ

И. САВИНИЧЕМЪ.

Obciążamy pamięć kilku językami a dyalekt pobratymców miałby dla nas być nadto trudnym?

A. Strzelecki.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРДА КРАЙЯ.

1833.

4-е

Для упражнения и усовершенствования в отечественном языке назначается один раз в две недели собрание, на коем каждый из членов общества обязан дать отчет: чем в продолжение сего времени занимался; что именно написал на польском языке или перевел из иностранных языков на польский.

5-е

Предметы упражнения могут быть по склонности каждого из членов: учебные, изящных наук и словесности, не касаясь, однако (под опасением выключки из общества), политики, правления и мнений, противных христианской религии,— в переводах из всех иностранных языков (кроме известного каждому русского) надлежит больше обращать внимания на важнейшие предметы, каковые между прочим суть: История, Филология, Эстетика, Естествознание и прочие.

6-е

Каждый член общества обязан хранить в тайне как то, что делается в собрании, так и само общество.

7-е

Число членов общества не имеет настоящего определения. оно зависит от выбора определяющихся в общество, какой делается тщательно и требует от определяющихся: 1) дабы он всем вообще или большей части членов был известен по своему примерному поведению и 2) по хорошему образу мыслей — не обладающий сими качествами не может быть принят в общество.

8-е

Управление сим обществом поручается председателю, большинством голосов избранному на три месяца, коего обязанностью смотреть за благоустройством во время собраний; предназначение рецензий о сочинениях членов общества, сохранение казны и записывание из оной издержек, а также журнальные книги, в коих вписываются предметы, читанные в собрании, и двухнедельные занятия общества. После окончания трех месяцев управляющий обществом в присутствии всех членов должен дать отчет в своем управлении.

9-е

Каждый член общества в собрании при рассмотрении дела, относящегося к обществу, имеет по одному голосу или баллу, а предводитель имеет три балла.

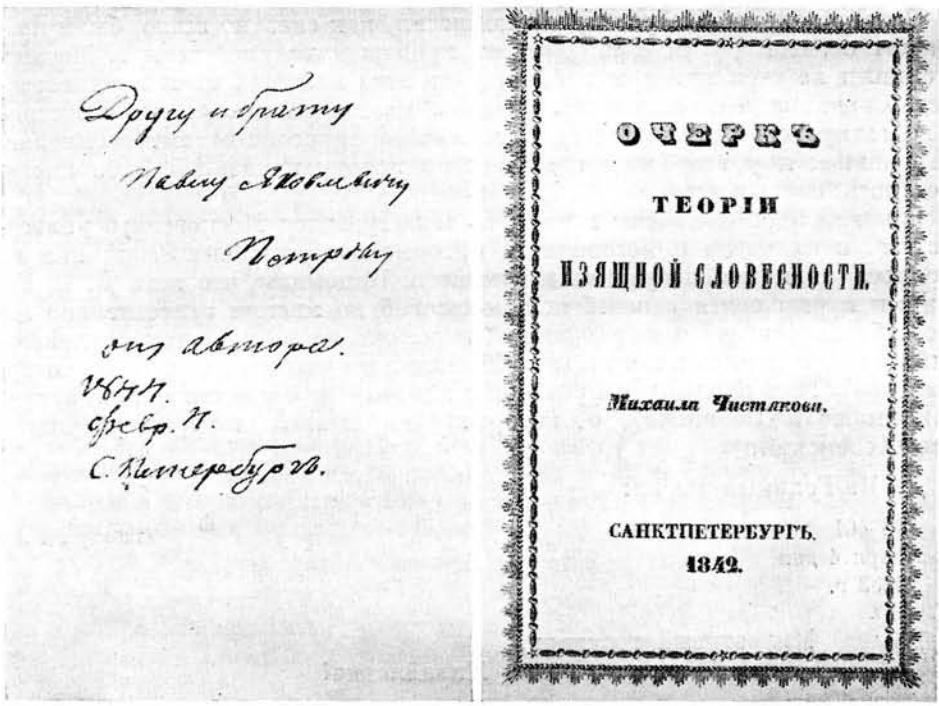
Таковые пункты подписаны и за исполнение оных поручились сотоварищи

⟨Савинич, Заблоцкий, Белецкий, Макса, Коссович⟩. [298]

Приведем теперь соответствующий раздел из показаний Заблоцкого следственной комиссии. Спрошенный по вопросу об истории возникновения, характере и участниках Литературного общества, основанного Савиничем в Москве, Заблоцкий показал: «Сие общество составилось следующим образом: я однажды предложил Савиничу издать в Москве альманах на польском языке. Здесь, кроме спекуляции, была еще цель показать соотечественникам, что мы в Москве не забываем польского языка. Савинич отвечал, что это без общих усилий нельзя исполнить, что для этого нужно составить общество литературное. Я сказал, чтобы он написал условия сего общества, и он это сделал; они находятся в моих бумагах. Сии условия предъявлены были Савиничем Белецкому, Каетану Коссовичу и Людвигу Максе, и они все согласились на них с большой радостью. Мы, однако же, долго не могли найти места, где бы могли собраться. Наконец, Белецкий уступил нам свою комнату, и мы в первый и в последний раз собрались 8 или 9 апреля сего года. Савинич, избранный нами предводителем (presus), во-первых, потому, что он долго жил в Москве и был более нас опытен, и во-вторых, что был знаком почти со всеми русскими литераторами, а следовательно, мог иметь всегда новейшие русские книги, прочел вступительную речь, в которой говорил о любви к отечественному языку и о том, что нужно, по возможности, каждому принесть какую-нибудь пользу своей литературе. Белецкий читал отрывок из Гетева Фауста, Макса — следствие царствования Сигизмунда III, а я — стихотворение, находящееся в моих бумагах под заглавием „Мечта“ („Mara“). Это только было одно собрание у нас, и после единодушно мы оставили его, во-первых, потому, что не надеялись в таком малом числе издать что-нибудь хорошее, во-вторых, потому, что каждое тайное общество, хотя самое невинное, строго запрещено правительством. Кроме условий выраженных мы еще обязывались по возможности знакомить русских с польскою литературою, а это произошло оттого, что студенты Московского университета, не зная польской литературы, худо о ней отзывались. А вследствие того Савинич издал польскую грамматику и приготовил к печати польско-российский карманный словарь, кроме сего перевел сочинение Мациевского о законодательстве славянском. Этот последний перевод он предпринял по просьбе Погодина, профессора университета, а я помещал разные извлечения из польских журналов в „Телескопе“ и „Телеграфе“»[299].

Изучение документальных данных, которыми мы располагаем, не дает повода для возможного при анализе следственных показаний предположения, будто Заблоцкий на допросе и Савинич в написанном им уставе,

говоря о литературно-самообразовательном характере созданного ими студенческого кружка, искусно маскировали его подлинные утаенные цели. Ни подпольной организацией польских революционеров, ни тайным политическим обществом созданный Савиничем и Заблоцким студенческий кружок не являлся. При всем том оппозиционные настроения организаторов и участников «Общества любителей отечественной словесности», их личные связи с польскими революционерами таили в себе возможности определенного политического развития кружка, а самый факт его неофициального возникновения воспринимался участниками как нечто такое, что требовало конспирации от властей.


Другу и брату
Павлу Яковлевичу
Петрову
отъ автора.
1844.
Февр. 11.
С. Петербургъ.

ОЧЕРКЪ
ТЕОРІИ
ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.
Михаила Чистякова.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1842.

ФОРЗАЦ И ОБЛОЖКА КНИГИ М. Б. ЧИСТЯКОВА «ОЧЕРК ТЕОРИИ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА П. Я. ПЕТРОВУ

Историческая библиотека, Москва

Естественно, что в своих следственных показаниях Заблоцкий избегал говорить о политических настроениях участников общества и ограничился характеристикой их вполне легальных литературных планов и намерений. Характерно, что Заблоцкий уклонялся и от разъяснения следствию единственно уязвимого пункта в тексте устава общества — требования хранить его существование в тайне, что резко противоречило невинности изложенных задач кружка и специально прокламированному отказу в его деятельности от политики.

В своем «рапорте» кн. Хованскому следственная комиссия отметила это противоречие в уставе общества и выразила сомнение в искренности и полноте показаний Заблоцкого. «К сему Комиссия долгом считает присовокупить, что хотя в одном из пунктов вышеупомянутого Литературного общества сказано, что всякий член оного, коснувшийся предметов политики, должен быть удален из общества, и хотя сам Заблоцкий утверждает, что целию упомянутого общества было единственно поддержание

польской литературы и издание альманаха, но поелику существование сего общества сохранялось в тайне и сам Заблоцкий сознался, что он питал неблагорасположение к Русскому Правительству, имел связи с людьми неблагонадежными, в бумагах, у него отобранных, встречаются разные таинственные выражения, которые говорят о жребии поляков, о каком-то тайном предприятии, которое должно скрывать, и собственно его Заблоцкого сочинения стихи и известные уже Вашему сиятельству письма его содержат политические, до Польши относящиеся предметы; то Комиссия по сим причинам и продолжает расспрашивать его Заблоцкого: не было ли тогда целию сказанного Польского литературного общества распространение каких-либо возмутительных мнений и составление заговора против правительства»[300].

Однако дальнейшие расспросы комиссии, как сказано выше, были прерваны отказом Д. В. Голицына от производства следствия в Москве. Голицын не счел нужным ни допросить еще находившихся в университете Савинича, Коссовича, Белецкого и Максы, ни произвести следствие с целью проверки и уточнения показаний Заблоцкого. Тем самым сомнение, зародившееся у витебской комиссии по поводу показаний Заблоцкого, осталось неразрешенным.

В какой мере следствие коснулось тех студентов Московского университета, в их числе и Белинского, которые были названы Заблоцким на допросе, видно из следующих документов. Напомним, что хотя Д. В. Голицын и разошелся с витебской комиссией во мнении относительно целесообразности распространения следствия на московских студентов, он все же обратился к попечителю Московского учебного округа и университета С. М. Голицыну с просьбой доставить те сведения о Белинском, Чистякове и Савиниче, о которых запрашивал генерал-губернатор кн. Хованский.

Д. В. Голицын писал:

№ 401 Секретно
Сентября 4 дня
1833 г.

Милостивый государь,
князь Сергий Михайлович!

По производству следствия, учрежденного в Витебске комиссиею для открытия возмутительных сочинений и возмутителей, обнаруживается, что доставленный туда студент Московского университета Ф. Заблоцкий имел знакомства с казенными студентами: Михайлою Чистяковым, Иваном Савиничем и Виссарионом Белинским; кандидатами Ежевским, Гомалицким и Зенкевичем.

К удовлетворению требования тамошнего генерал-губернатора нужно дознать образ мыслей и поведение сих лиц. Посему обращаюсь к Вашему с⟨иятельств⟩у с покорнейшею просьбою сообщить мне об них таковые сведения, и ежели они имеют помещение в самом университете, приказать пересмотреть бумаги их, буде можно, и если окажутся в числе их подозрительные и неприличные, то доставить оные ко мне.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть Вашего сиятельства⟨...⟩ ⟨кн. Д. В. Голицын⟩[301].

С. М. Голицын, собрав необходимые сведения, ответил через неделю, 11 сентября 1833 г. Ответ его сообщал, в частности, отрицательный отзыв университетского начальства о поведении Белинского, которое квалифицировалось как «неодобрительное».

С. М. Голицын писал Московскому генерал-губернатору:

Секретно

№ 510-й
⟨11 сентября 1833 г.⟩

Милостивый государь,
князь Дмитрий Владимирович!

На секретное отношение Вашего сиятельства от 4-го сего сентября за № 410 о доставлении сведения об образе мыслей и поведении студентов: Михаила Чистякова, Ивана Савинича, Виссариона Белинского и кандидатов: Ежевского, Гомалицкого и Зенкевича, имею честь ответствовать, что ректор здешнего университета донес мне, что Михаил Чистяков, сделавшись кандидатом в 1832 году, поступил вскоре в старшие учителя в Белорусский учебный округ; во время пребывания своего в университете, по свидетельству инспектора, был весьма хорошего поведения и отличных успехов; Виссарион Белинский в сентябре 1832 года уволен с казенного кошта по причине болезни и безуспешности в науках, поведения был неодобрительного; Иван Савинич посредственных успехов, в рассуждении поведения значительным взысканиям не подвергался, но ведет себя, впрочем, рассеянно, он был осматриваем инспектором, причем не нашлось никаких книг, ни бумаг; кандидат Ежевский никогда не жил в университете, и потому ничего нельзя сказать об образе его мыслей и о поведении, находится ныне в отпуску; из справок касательно Гомалицкого и Зенкевича оказывается, что они были примерного поведения, успели превосходно в науках, которыми занимались в университете, и по окончании курса в июле месяце сего года отправились в Белоруссию: Гомалицкий в Слоним, а Зенкевич в Полоцк, и уже не возвратятся в Университет.

Доводя о сем до сведения Вашего, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего сиятельства покорнейшим слугою
князь Сергей Голицын

№ 7
11 сентября 1833 г.
Его сиятельству князю Д. В. Голицыну [302].

Содержание этого документа было сообщено Н. Н. Хованскому. Что касается остальных членов кружка Савинича, т. е. Белецкого, Коссовича и Максы, то Д. В. Голицын, как сказано выше, не счел нужным удовлетворить просьбу витебской комиссии о расширении и углублении следствия и никаких новых сведений о причастных к делу студентов Московского университета не сообщил. По прошествии года, а именно 15 сентября 1834 г., ректор Московского университета получил отношение попечителя Московского учебного округа, в котором сообщалось: «Ныне г. действительный тайный советник князь Голицын ⟨генерал-губернатор⟩ по отношению г. Министра просвещения уведомил, что означенное дело ⟨Заблоцкого⟩ Комитетом окончательно уже разрешено и журналом оного, Высочайше утвержденным, между прочим велено: студента Заблоцкого предать суду, для поступления с ним по законам, а прочих, участвовавших в вышесказанном существовавшем при университете тайном литературном обществе, освободить от всякого преследования, со внушением об осмотрительности на будущее время». Это было объявлено студентам Савиничу, Белецкому, Макса и Коссовичу, расписавшимся на отношении [303].

Таков был официальный финал истории тайного литературного общества. Близость Белинского к членам общества определила интерес его к польскому языку и литературе, которыми он специально занимался,

как это явствует из следующего места письма Станкевича к Красову от 21 августа 1834 г.: «Во-первых, попроси Белинского вручить тебе Мицкевича 3 тома и Слов⟨арь⟩ 2 тома — кажется я отдал их ему»[304]. Отметим и следующий факт. Около сентября 1833 г. Белинский входит в кружок Станкевича. А в ноябре 1833 г. Станкевич знакомится с Савиничем и усиленно занимается польским языком. «Я не писал тебе,—рассказывает он в письме к Я. Неверову от 12 ноября 1833 г.,— что я вздумал учиться по-польски, случайно познакомившись с нашим Савиничем, и уже довольно понимаю. Язык так же хорош и литература так же прекрасна...»[305]

Если сопоставить этот факт с перепиской Белинского и Петрова по поводу словаря Савинича [306], то можно предположить, что именно Белинский познакомил Савинича со Станкевичем. Еще более показательно, что в эту же пору в состав кружка Станкевича вошел и Коссович. Во всяком случае, в 1836 г. Станкевич осведомляется о нем как о человеке, близком кружку. «Что Виссарион?..,— запрашивает он из Воронежа,— что Красов?.. Ефремов?.. Что Коссович и Бодянский?»[307] В связи с этим получает разъяснение и сообщение Собещанского о том, что Савинич оставил свой «польско-русский словарь» у Бодянского [308].

Таким образом, связь Белинского с членами польского литературного общества Савинича не прекращалась и после исключения его из университета.

* * *

Изучение «Литературного общества 11 нумера», «дела» Заблоцкого, «тайного польского литературного общества» Савинича и других привлеченных нами материалов раскрывает идейно-политическую атмосферу, в которой жило московское студенчество и в которой складывалось мировоззрение молодого Белинского. Мы видим, что Белинский развивался среди оппозиционно настроенной, демократически-разночинной и прогрессивной дворянской молодежи, ненавидящей крепостное право и самодержавие. Подавление польской революции 1830—1831 гг. показало молодым людям наиболее жестокие и откровенные формы самодержавного гнета и насилия. В кругах московского демократически настроенного студенчества, и прежде всего в кружке Белинского, складывается собственное мнение о философии, эстетике, истории и других науках, отличное от казенного направления в преподавании этих предметов. Все это приводит их к конфликту с официальной наукой, к столкновениям с учебным начальством и даже с представителями власти. В страстных спорах ищут они путей к «истине», к справедливому общественному устройству. В этих спорах у них беспрестанно возникает тема нравственного достоинства человека. В этой идейной среде, где были живы традиции декабристов и звучало эхо крестьянских бунтов, рождались страстные думы Белинского о величайшем зле крепостного права, запечатленные в речах героев «Дмитрия Калинина».

Глава III

ОТНОШЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО НАЧАЛЬСТВА К БЕЛИНСКОМУ.— НАЗНАЧЕНИЕ Д. П. ГОЛОХВАСТОВА И РАСПРАВА НИКОЛАЯ I С УНИВЕРСИТЕТОМ. — РЕВИЗИЯ С. С. УВАРОВА.— ИСКЛЮЧЕНИЕ БЕЛИНСКОГО.— ИТОГИ

В свете приведенных выше фактов становятся более ясными причины, обусловившие настороженно-враждебное отношение университетского начальства к Белинскому. Напомним, что решающее значение имело здесь цензурное рассмотрение «Дмитрия Калинина», вскрывшее перед адми-

нистрацией университета политически-оппозиционные настроения автора пьесы.

Однако в изгнании Белинского из Московского университета сыграли свою роль и другие, также политические, причины и обстоятельства, как это будет видно из материалов, к изложению которых мы и переходим.

Исследователи жизни Белинского неоднократно отмечали крайнюю скудость документальных данных, относящихся к последнему периоду студенческой биографии будущего критика.

«История Белинского за это время очень темна и хронологически спутана,— констатировал А. Н. Пыпин,— не знаем, как проводил он 1831—1832 годы, когда именно и как расстался с университетом; верно одно, что это время было для него очень тяжкое». Он же указывал, что «обстоятельства исключения Белинского из университета остаются еще не вполне известны» и что в архиве университета он не нашел бумаг, которые бы разъяснили эти обстоятельства[309]. Даже точной даты исключения Белинского не знали его биографы и вели спор о том, произошло ли оно в 1831 или в 1832 г.[310]

Восстановить полностью и документально историю исключения Белинского невозможно, поскольку «дело» об исключении уничтожено как в университетском архиве, так и в архиве Совета университета[311]. Таким образом, мы, повидимому, навсегда лишены возможности ознакомиться с перепиской по делу Белинского между Д. П. Голохвастовым и правлением университета, с аттестатом, выданным Белинскому при увольнении, и другими важными документами. Тем не менее мы полагаем, что изучение собранных нами официальных и мемуарно-эпистолярных материалов позволяет с достаточной полнотой и авторитетностью

ЗДАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ БОЛЬНИЦЫ НА БОЛЬШОЙ НИКИТСКОЙ (ТЕПЕРЬ УЛИЦА ГЕРЦЕНА) В МОСКВЕ

Фотография 1890-х гг.

В годы студенчества Белинский несколько раз лежал в этой больнице. Здание не сохранилось

восстановить содержание этой важной заключительной главы в студенческой жизни критика.

Исключение Белинского произошло при весьма тяжелой и тревожной для Московского университета ситуации, сложившейся в 1831—1832 гг. в результате жандармского разгрома революционного студенческого кружка Сунгурова и политического следствия по делу Шанявского и Петрашкевича.

Широкое развитие оппозиционных настроений среди московского студенчества вызывало в эти трудные для царизма годы польской революции, крестьянских восстаний и холерных бунтов не только весьма настороженное отношение высших властей к Московскому университету, но и личную ненависть к нему Николая I.

21 ноября 1831 г. Белинский писал родным: «Теперь в Москве гостит государь император с государынею императрицею〈...〉 Государь был везде, кроме университета〈...〉 Даже гимназия удостоилась высокого посещения, а мы его уже и не ждем». Рассказав затем о помощнике попечителя Панине и приказе Николая основать общежитие также и для своекоштных студентов, Белинский заключает: «По всему видно, что Московскому университету настает кончина»[312].

Николай I, хотя и не посетил университета, тем не менее принял по отношению к нему ряд срочных мер административного и идеологического порядка. Сюда относилось и создание общежития для своекоштных студентов (чтоб они состояли «под надзором особого начальника»)[313], и назначение помощником попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастова. Это назначение, состоявшееся 16 ноября 1831 г., преследовало вполне определенную цель — резкое усиление политического контроля самодержавия над университетом и его студенческой «вольницей»[314].

Дмитрий Павлович Голохвастов имел, по словам Герцена, все достоинства, которые высшее бюрократическое начальство ищет в человеке. Он отличался не только отсутствием «завиральных идей», но и вообще всяких «происшествий» в жизни. Холодный формалист, педантически аккуратный чиновник, он ввел в университете множество стеснительных мер, мелочное наблюдение за аудиторией и наглое вмешательство в жизнь студентов. Герцен, бывший в ту пору студентом, почувствовал острую ненависть к этому «усердному слуге Николая»[315].

Голохвастов завел в университете порядки, вызвавшие протест не только со стороны студентов, но и профессоров. Даже благонамереный Погодин оскорбился сановным обращением Голохвастова с профессорами и грубостью его со студентами. В январе 1832 г. он внес в свой дневник запись о возмутившей его сцене, когда Голохвастов в оскорбительной форме потребовал «репетиции», произнося «обидные слова для студентов»[316]. Белинский писал родным: «Московский университет скоро уподобится Казанскому. Чтобы жить безопасно, надобно даже уряднику унтеру льстить, надеть на себя постную харю, скорчиться в три погибели, беспрестанно творить молитвы и всем и каждому кланяться и перед каждым подличать. Нет ничего подлее обхождения Голохвастова со студентами; ругается, как извозчик, обходится с ними хуже, нежели со своими лакеями. Беда, да и только»[317]. П. Вистенгоф, учившийся в то же время, отмечал, что попечитель «почти всецело передал власть свою двум помощникам, графу Панину и Голохвастову〈...〉 Как один, так и другой, необузданные деспоты, видели в каждом студенте как бы своего личного врага, считая нас всех опасною толпою как для них самих, так и для целого общества. Они все добивались что-то сломить, искоренить, дать всем внушительную острастку»[318].

Строгости возрастали с каждым месяцем. В письме к родным от 27 января 1832 г. Белинский писал, что казенное «житье-бытье» стало «настоя-

щей каторгой». За малейший проступок студентов вносили в «черную книгу» и причисляли «к числу государственных бунтовщиков». «Можно, — добавлял он, — безо всякой вины, иногда за проступок другого, улететь в солдаты. Прелесть, да и только!»[319]

В этом письме Белинского примечательны два факта: политическая квалификация провинностей студентов («государственные бунтовщики») и политический характер репрессий. Угроза солдатчиной стала реальностью. По отчету инспектора за 1833/34 академический год мы можем судить о порядках, заведенных Голохвастовым. В отчете перечисляются такие новые мероприятия, как введение института «камерных студентов» (т. е. старост), учреждение строгого наблюдения за тем, чтобы студенты «не имели при себе и не читали никаких запрещенных и непозволительных сочинений», а также, чтобы они неукоснительно соблюдали молитвы. В отчете перечисляются затем следующие, находящиеся в употреблении «обыкновенные в университете исправительные меры»: «замечания, выговоры, замечания письменные на табели, голодный стол, арест, содержание в карцере, исключение из университета за неуспешность или дурное поведение»[320].

Нетрудно представить, какой суровый гнет реакции установился в университете. Даже благонамеренный и скромный Буслаев на всю жизнь сохранил ощущение ужаса, который в его студенческие годы вызывали порядки, введенные Голохвастовым. Он вспоминал:

«За большие проступки наказывали тогда студентов солдатчиною. На первый раз, в виде угрозы и для острастки другим виновный только облекался вместо вицмундира в солдатскую сермягу и как бы выставлялся на позор; если же потом снова провинится, ему брили лоб. Само собою разумеется, рассказанный случай мог произойти только в первый год моего пребывания в университете при князе Сергие Михайловиче Голицыне, который был попечителем только для парада; всеми же делами по управлению округа заведывал Д. П. Голохвастов. Тогда зачастую слышалась угроза солдатчиною, и спустя много лет после того мерещилось мне иногда во сне, что мне бреют лоб и я надеваю на себя солдатскую амуницию»[321].

Приведенные факты получают полное подтверждение и в письме Белинского к родителям от 20 апреля 1832 г.: «Университет наш переворотился вверх дном: князь Голицын уезжает за границу; государь император дал его помощнику Голохвастову⟨...⟩ неограниченную власть⟨...⟩ за одно слово, за один малейший поступок Голохвастов выключает из Университета и казенных и своекоштных студентов; казенных же имеет право без всякого суда отдавать в солдаты за всякий сколько-нибудь предосудительный поступок, за который прежде посадили бы дня на три в карцер. Уже многие из казенных выключены; одного он принудил поступить в полк».

Белинский заканчивал описание мрачных новшеств, введенных помощником попечителя, следующими словами: «Если выключат меня, что очень может случиться, ибо выключение для него ⟨Голохвастова⟩ составляет приятнейшее наслаждение, что тогда делать? Куда сунуться?»[322]

Мысль о возможности исключения, разумеется, не случайно пришла в голову Белинскому. Реакционный натиск Николая I против Московского университета, предпринятый в августе — декабре 1832 г., начался прежде всего с чистки студенческого состава. Об этом говорят и цитированные письма Белинского, и воспоминания современников, и данные университетского архива. Савинич в заметке о Лермонтове в польской «Всеобщей энциклопедии» (в 1864 г.), задолго до всяких высказываний на эту тему в русской печати, писал: «В 1832 г. он ⟨Лермонтов⟩ вместе с другими соучениками за нарушение университетского устава был выгнан из

университета...»[323] Из документальных материалов, приведенных в новейшем исследовании Н. Л. Бродского, известно, что Лермонтов действительно ушел из университета не по своей воле [324].

Все эти факты имеют между собой глубокую внутреннюю связь. Начался новый период в истории Московского университета — период крайнего давления на него со стороны самодержавного правительства и реакции. Внесем, прежде всего, в развертывающиеся события некоторые хронологические уточнения. В середине ноября 1831 г. прибыл в Москву Николай I, и сразу же (18 ноября) С. М. Голицын поспешил исключить из университета, под благовидным предлогом, сунгуровцев. 30 ноября назначен Голохвастов, резко изменивший порядки в университете. К апрелю 1832 г. С. М. Голицын, признанный недостаточно решительным и даже заподозренный в либерализме, по существу вообще был отстранен от университета, и Голохвастов получил «неограниченную власть». Наконец, важнейшим событием в истории университета явилась инспекционная поездка С. С. Уварова (тогда еще товарища министра просвещения) в Москву со специальной инструкцией Николая I: «обратить особое внимание на Московский университет и гимназии». 9 августа Уваров выехал из Петербурга, а 15 августа он уже принимал профессоров Московского университета. К концу ноября он закончил ревизию и 4 декабря 1832 г. представил Николаю I свой отчет [325].

В нем он отметил благополучное состояние университета и даже «сунгуровскую историю» приписал коварству «посторонних лиц». Тем самым деятельность Голохвастова с ноября 1831 г. по ноябрь 1832 г. была одобрена и высоко оценена высшими властями.

В этот краткий период в университете произошел ряд событий, важных для изучения поставленной нами темы, хотя, следует оговориться, и в этой области материал дошел до нас не во всей полноте.

Прежде всего бросается в глаза, что увольнения студентов приобрели со времени приезда Уварова массовый характер. Среди других документов сохранилась «Перечневая ведомость о числе учащихся, выбывших из университета до окончания курса в 1832/33 году». Она имеет характерную датировку: «С 17 августа 1832 г. по 1 ноября 1833 г.». Таким образом, исключения начались через несколько дней после приезда Уварова в Москву. Всего исключено, по данным этой ведомости, 53 человека. Наибольшее число исключенных приходилось на словесное (20 чел.) и нравственно-политическое отделения (15 чел.)[326]. Однако это далеко не полные данные. Сюда не вошли все студенты, уволенные до приезда Уварова, с ноября 1831 г., то есть со времени назначения Голохвастова. Нет здесь также полного учета тех, кто уволен «по собственному желанию» с резолюцией: «consilium abeundi» (т. е. посоветовано уйти). А таких было (включая Лермонтова) в 1832 г.—13 человек. Цифры свидетельствуют, что назначение Голохвастова и приезд Уварова имели своей целью политическую чистку университета от «неблагонадежных» лиц. В их число попал и Белинский. К тому же исключение его непосредственно произошло в период осуществления Уваровым ревизии Московского университета.

Это находит полное подтверждение в письме Уварова к Бенкендорфу от 14 октября 1832 г., в котором он говорит, что каждое утро бывает в университете и распоряжается. И далее следует: «Покуда я могу с удовольствием уверить Вас, что самое полное спокойствие не перестает господствовать среди молодежи и что я могу лишь похвалить те чувства, в которых я ее оставлю при моем отъезде. Мне только что подтвердили это местные власти, а под именем местных властей я разумею генерал-губернатора и полицию. Я сочту себя очень счастливым, если результатом моего здесь пребывания будет восстановление в среде молодежи порядка и возможность успокоить в этом отношении нашего августейшего государя»[327].

И. М. СНЕГИРЕВ
Рисунок Н. А. Шохина, 1840-е гг.
Исторический музей, Москва

5 января 1832 г. Белинский тяжело заболел. Из университетской больницы он вышел только 6 мая. «Находясь целые четыре месяца в больнице, я сделал столько упущений по части лекций, а особливо языков, что, для вознаграждения потерянного, должен заниматься день и ночь в продолжении целой вакации»,— сообщал Белинский 20 апреля 1832 г. родителям [328]. Сухой беспрерывный кашель, боли в боку и печени, жестокая одышка мучили его, когда он взбирался по железным ступеням крутых лестниц, ведущих в казеннокоштные номера. Для полного выздоровления, писал он родным 21 июня 1832 г., ему «нужно бы было пролежать в больнице еще месяца четыре», но он знал, что за это время его исключили бы из университета «как такого человека, которого расстроенное здоровье не подавало никакой надежды на успехи»[329].

Выйдя из больницы, Белинский обратился к Голохвастову с просьбой позволить ему «из уважения» к долговременной болезни держать «особенный» экзамен. Помощник попечителя, хотя и не обещал исполнить его просьбу, но и не отказал в ней. Голохвастов «удостоил» Белинского краткого ответа: «хорошо,— посмотрим»[330].

Белинский, обнадеженный репликой Голохвастова, с половины мая до самого сентября 1832 г. «работал и трудился,— говоря его словами,— как чорт, готовясь к экзамену».

«Но экзамена,— рассказывает он далее в письме к родным от 21 мая 1833 г., — не дали, а вместо него уведомили меня о всемилостивейшем увольнении от университета»[331].

Все предшествующее наше изложение и те факты, которые будут сообщены ниже, позволяют сделать вывод, что действительные причины исключения Белинского из университета носили политический характер. Начальство университета использовало подходящий предлог для того, чтобы освободиться от студента, за которым оно числило не только «неодобрительное поведение» и участие в неофициальных студенческих объединениях, но и такое политическое преступление, как пьесу «Дмитрий Калинин».

Белинский «был исключен за написание драмы, трактующей вопросы крепостного права»,— утверждал такой авторитетный свидетель, как Савинич [332]. Также понимали дело и другие студенты. Г. Головачев писал по поводу истории исключения Белинского: «Вот как ее рассказывали тогда: Белинский написал драму и представил ее на рассмотрение университетского совета ‹...› Это и было началом гонений, воздвигнутых на Белинского ‹...› После разных притеснений и долгого пребывания в больнице, он был исключен из университета за неспособность к ученью по распоряжению Д. П. Г‹олохвастова›»[333].

В воспоминаниях современников привлекают внимание два факта: во-первых, указание на Голохвастова как на истинного виновника исключения Белинского; во-вторых, указание на то, что после представления «Дмитрия Калинина» в цензурный комитет начались гонения на Белинского. Что касается последнего, то вернее было бы говорить не о начале, а об усилении этих гонений.

«Строптивость» и независимость Белинского были замечены университетским начальством вскоре же после его поступления в университет.

В письме к родителям от 17 февраля 1831 г. Белинский сообщал, что инспектор казеннокоштных студентов Перевощиков, передавая свою должность в июне 1830 г. П. С. Щепкину [334], «особенным образом» рекомендовал его ректору и новому инспектору. Именно Перевощикову он был «обязан» тем, что ректор встретил его в августе 1830 г. с бранью. Белинский писал о Перевощикове: «‹он› тогда очень помнил меня и отрекомендовал ректору и Щепкину. Когда ректор говорил со мною, то он (Перевощиков) беспрестанно кричал, что меня надобно выгнать из Университета. Наконец, ректор в заключение спектакля сказал: „Заметьте этого молодца; при первом случае его надобно выгнать“». За двухдневную отлучку из общежития Щепкин грубо кричал на Белинского и угрожал отдать его «как какого-нибудь каналью в солдаты»[335].

По словам А. Н. Пыпина, пользовавшегося устными рассказами современников, Белинский раньше «чем-то навлек на себя неудовольствие начальства»[336].

Инспектор казенных студентов П. С. Щепкин (1793—1836) был типичным представителем реакционной профессуры. По словам его биографа и родственника, он отличался искренней преданностью самодержавию («чувством благоговения к нашим монархам») и религиозностью («Очень часто на раннюю лекцию он являлся прямо из церкви»). Составителю благочестивых молитв и высокопарных славословий царствующему дому, «университетскому Талейрану», как его называл Герцен, П. С. Щепкину ненавистны были студенты типа Белинского [337].

Участие Белинского в кружковой студенческой жизни, о которой говорилось в предыдущей главе, и его отрицательное отношение к цензовой науке делают понятной не объяснимую иначе ненависть администрации к юноше-студенту.

После решения цензурного комитета (состоявшего из представителей высшей администрации и профессоров университета) относительно «Дмитрия Калинина» эта враждебность должна была приобрести еще бóльшую остроту. В деле с пьесой Белинского несомненно сказалось нежелание университетской администрации предать огласке высших властей еще одну «политическую историю» в стенах университета. В этом отношении вполне допустима аналогия с знаменитой «маловской историей» (о ней см. выше), разыгравшейся 16 марта 1831 г. Университетское правление изобразило последнее невинной шалостью, лишенной политического характера [338]. Точно так же, вероятно, келейным способом решено было расправиться и с автором «Дмитрия Калинина».

Время исключения Белинского из университета определяется обычно сентябрем 1832 г.[339] Теперь мы можем уточнить дату исключения — 27 сентября — и документально установить, что непосредственным инициатором изгнания Белинского из Московского университета был Д. П. Голохвастов.

27 сентября 1832 г., в ответ на запрос Д. П. Голохвастова, инспектор казеннокоштных студентов П. С. Щепкин донес ему, что не имеет надежды на то, что из Белинского может «образоваться полезный чиновник по учебной службе».

Голохвастов на основе отзыва Щепкина сразу же, не медля ни дня, ни часу, составил и отправил ректору университета официальное предложение, в котором писал: «Не имея надежды, чтобы Сомов и Белинский: первый по совершенно расстроенному здоровью, а второй — тоже по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей, могли образоваться полезными чиновниками по учебной службе, долгом почитаю представить о сем во внимание вашего превосходительства и просить об увольнении их из университета»[340].

В тот же день, 27 сентября 1832 г., правление рассмотрело представление Голохвастова и постановило уволить Белинского из университета. В «журнале правления» это постановление, или «определение» было записано следующим образом: «Согласно предложению г-на помощника попечителя ⟨Голохвастова⟩ означенных в оном, находящихся на казенном содержании, слушателя Сомова и студента Белинского, уволить от университета и снабдить о учении их свидетельствами, с возвращением и представленных ими при поступлении в университет документов. О прекращении же им, Сомову и Белинскому, с 27 числа сентября казенного содержания—кассиру и економу дать указы»[341]. Постановление было принято в присутствии Двигубского, Давыдова, Ульрихса и Щепкина.

Зачем нужна была такая поспешность, совершенно необычная в делопроизводстве того времени? В один и тот же день инспектор составляет донесение помощнику попечителя, последний тут же пишет и посылает свое предложение ректору, которое немедленно и рассматривается правлением университета.

Эта поспешность может быть объяснена только одним: желанием очистить университет от неблагонадежного элемента в связи с приездом Уварова.

Политическая подоплека исключения косвенно подтверждается и позднейшей характеристикой Белинского, данной ректором в ответ на запрос московского генерал-губернатора: «Виссарион Белинский в сентябре 1832 г. уволен с казенного кошта по причине болезни и безуспешности в науках, поведения был неодобрительного». Акцент в этой характеристике, составленной, как мы знаем, для нужд полицейского дознания по политическому делу, стоял на ее заключительных словах. «Неодобрительное поведение» на языке николаевских чиновников являлось синонимом для обозначения политической неблагонадежности.

Сам Белинский считал днем своего выхода из университета 14 сентября 1832 г.[342] В действительности в этот день он, по всей вероятности, был лишь поставлен в известность, что разрешения на экзамен не получит и будет уволен. Свидетельство же об увольнении, состоявшемся как сказано, 27 сентября, Белинский получил только 3 октября[343]. Документ этот не дошел до нас. О содержании его существует позднейшее показание К. Д. Кавелина в неизданном письме его 1874 г. к историку С. М. Соловьеву (в то время ректору Московского университета), к которому он обратился, по просьбе А. Н. Пыпина, с запросом о документах для биографии Белинского из университетского архива. В показание Кавелина, хотя и приведенное якобы со слов самого Белинского, следует, однако

внести существенный корректив. Но прежде надо опубликовать текс письма, предоставленного в распоряжение редакции «Лит. наследства Н. Г. Розенблюмом. Кавелин писал Соловьеву:

⟨10 февраля 1874 г.

Милостивый государь,
многоуважаемый Сергей Михайлович!

Позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой и надеяться что Вы не откажете ее исполнить, насколько исполнение окажетс возможным.

А. Н. Пыпин собирает отовсюду материалы для биографии Виссарион Григорьевича Белинского, которую собирается писать. Много данны у него уже собрано. Каждый из нас, ближайших друзей и знакомы Белинского, делаем, с своей стороны, что можем, чтобы помочь А. Н. Пы пину в его благом намерении. Но при всех стараниях остается в жизн Белинского обстоятельство, которое может быть выяснено не иначе, ка при помощи архива Московского университета. В конце 1832 года ил в начале 1833-го Белинский был исключен из университета с таким атте статом, [с] при котором, как он мне сам говорил, все пути были ему за казаны. За что, почему — это в точности неизвестно. Говорят, что он будт бы продал казенный мундир, (Бел⟨инский⟩ был казеннокоштный сту дент по словесному факультету). Другие рассказывают, что он представи в университетскую цензуру какую-то неистовую драму с враждебным выходками против крепостного права, и это было поводом к его исключе нию. Сделайте великое одолжение, велите навести справку в архив университета, и какие окажутся сведения соблаговолите сообщить мн в засвидетельствованной копии. Если драма сохранилась, то не откажит доставить и с нее копию. Издержки переписки я вышлю немедленно с величайшею благодарностью. Вступил Бел⟨инский⟩ в Московский уни верситет в 1829 году, и если бы за время его учения нашлись об нем какие нибудь сведения, Вы бы меня глубоко обязали, сообщив их. Позвольт надеяться, что Вы примете эту просьбу благосклонно и примите выражени моего отличного уважения и совершенной преданности.

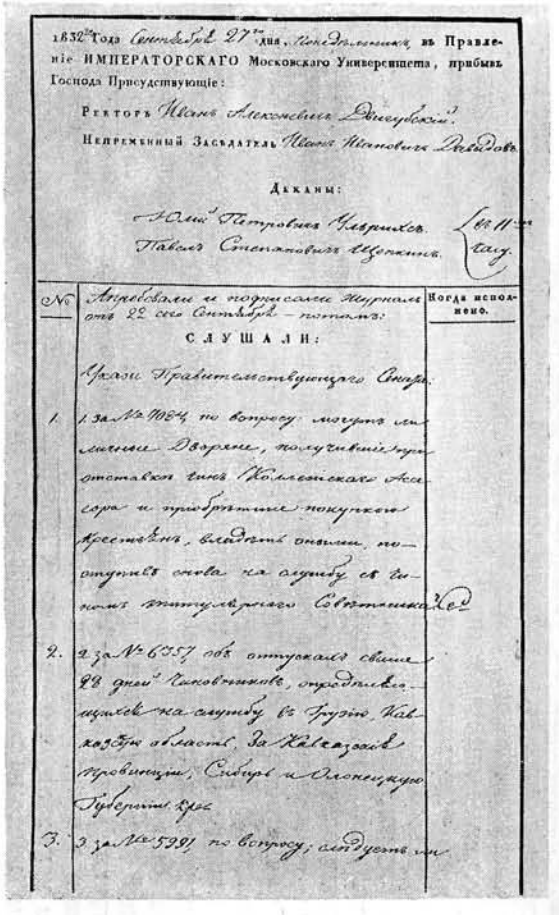
К. Кавелин

С. Петербург
10 февраля 1874 года
Васильевск⟨ий⟩ Остр⟨ов⟩
7 лин⟨ия⟩ д. № 60[344].

Соловьев ничего не смог ответить на вопросы Кавелина, что и отмети Пыпин в своей биографии [345]. Но для нас важно сообщение Кавелин о том, что Белинский «сам говорил» ему о своем исключении с таким атте статом, «при котором ⟨...⟩ все пути были ему заказаны».

Несомненно, однако, что мы имеем здесь дело с ошибкой памяти Кавели на. Белинский говорил ему, конечно, не об «аттестате», который по своем содержанию не мог ничем отличаться от известного нам постановле ния правления университета, а о неофициальной внутриведомственно неблагоприятной характеристике Белинского.

Подтверждением этого является другое дошедшее до нас свидетельств Белинского. Н. Г. Чернышевский, со слов Некрасова, сообщал А. С. Зе леному: «Как студента неблагонамеренного ⟨...⟩ его ⟨Белинского⟩ исклю чили (исключил Голохвастов, помощник попечителя, тогда управлявши округом), сообщив во все университеты, чтобы этого неблагонамеренного студента никуда не при нимали»[346].



1832го Года Сентября 27го дня, Понедельника, въ Правленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, прибыли Господа Присудствующіе:

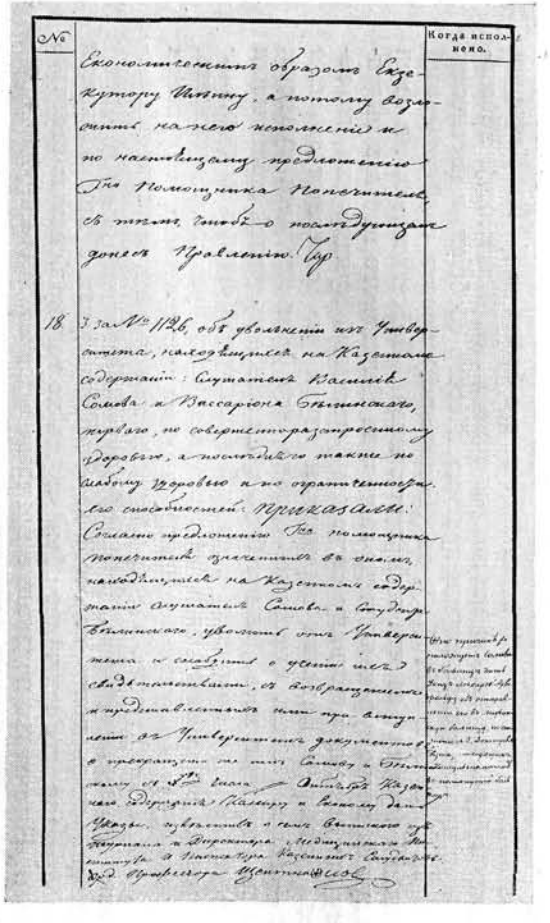
Ректоръ Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій.

Непремѣнный Засѣдатель Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

Деканы:

Юлій Петровичъ Ульрихсъ.
Павелъ Степановичъ Щепкинъ.

№	Апробовали и подписали Журналы отъ 22 сего Сентября — потомъ: СЛУШАЛИ:	Когда исполнено.
	Указы Правительствующаго Сената:	
1.	1. за № 7824 по вопросу: могутъ ли мѣщане Дворяне, получившіе при отставкѣ чинъ Коллежскаго Ассесора и пріобрѣтшіе покупкою крестьянъ, владѣть оными, поступивъ снова на службу съ тѣмъ титулярнаго Совѣтника?	Ред
2.	2 за № 6757 объ отпускѣ свыше 28 дней Чиновниковъ, отправляющихся на службу въ Грузію Кавказскую область, За Кавказскія провинціи, Сибирь и Олонецкую Губерніи. Рес	
3.	3 за № 5981 по вопросу; слѣдуетъ ли	



№		Когда исполнено.
	Экономическимъ образомъ Экзекутору Штиту, а потому возложить на него исполненіе и по настоящему предложенію Г-на Помощника Попечителя, съ тѣмъ, чтобъ о послѣдующемъ донесъ Правленію. Гар	
18.	3 за № 1126, объ увольненіи изъ Университета, находящихся на Казенномъ содержаніи: Студентовъ Василія Соловья и Виссаріона Бѣлинскаго, первого, по совершенно разстроенному здоровью, а послѣдняго также по слабому здоровью и по ограниченнымъ его способностямъ. ПРИКАЗАЛИ: Согласно предложенію Г-на Помощника Попечителя зачислить въ оные, находящіеся на Казенномъ содержаніи Студентовъ Соловья и Студента Бѣлинскаго, уволенныхъ отъ Университета и снабдить о семъ имѣющимися свидѣтельствами, съ возвращеніемъ и предписаніемъ ихъ про отступленіи отъ Университета документовъ и прекращеніи на ихъ Столъ и Топливо съ 8го числа. Библіотекарь Надворный Совѣтникъ Каченовскій и Секретарь Надворный Совѣтникъ Давыдовъ, извѣстивъ о семъ Ректора и Инспектора, Медицинскаго Инспектора и Прокатора, Казенныхъ Студентовъ. Исп. Правителя Дѣлъ Цвѣтковъ	

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ 27 СЕНТЯБРЯ 1832 г. О ИСКЛЮЧЕНИИ БЕЛИНСКОГО

Листы протокола первый и третий с текстом постановления (параграф 18)

Архив Московского университета им. М. В. Ломоносова

Это очень ценное свидетельство, восходящее, несомненно, к самому Белинскому, независимо от того, слышал ли его Некрасов непосредственно из уст критика или от кого-либо из его ближайших друзей.

Необходимо остановиться еще на том месте письма Кавелина, где он передает слух («говорят») о том, что Белинский был исключен якобы за то, что он «продал казенный мундир». Эту версию Кавелин мог слышать, например, от Н. Х. Кетчера. В неизданном дневнике профессора И. К. Бабста записана под датой от 16 июня 1857 г. его беседа с Н. Х. Кетчером о Белинском (публикуется в настоящем томе Н. Л. Бродским). Рассказывая об университетской жизни критика, Кетчер сообщал, в частности: «Живя в крайней бедности ⟨...⟩, он ⟨Белинский⟩ продал свой казенный студенческий мундир, за что и был исключен». Действительно ли имел место случай, когда суровая нужда заставила Белинского продать выданный ему как казеннокоштному студенту форменный мундир или, что вероятнее, Кетчер и Кавелин передавали слухи, не соответствовавшие истине,— мы не знаем. Очевидно, однако, что факт продажи мундира, если он вообще имел место, не мог быть сам по себе причиной исключения Белинского. За этот, вероятно, нередкий в неимущей среде казеннокоштных студентов проступок он нес бы лишь материальную ответственность. Во всяком случае в изученных нами архивных официальных материалах об исключении Белинского мы не нашли никакого намека на этот гипотетический эпизод.

Белинский очень долго не сообщал о происшедшем с ним несчастьи домой. Вероятно, его молчание объяснялось не только боязнью огорчить родителей. Рассказать подлинные причины в письме было трудно и не безопасно. Многочисленные «шпекины» просматривали частную переписку. «Я не буду, — пишет Белинский 21 мая 1833 г., — говорить вам о причинах моего выключения из университета: отчасти собственные промахи и нерадение, а более всего долговременная болезнь и подлость одного толстого превосходительства. Ныне времена мудреные и тяжелые: подобные происшествия очень нередки»[347].

В период реакционного гонения на Московский университет, после разгрома революционного кружка сунгуровцев, подобные происшествия, как мы видели, действительно, были нередки. Белинский знал, что роковую роль в его студенческой жизни сыграла «подлость одного толстого превосходительства», т. е. Д. П. Голохвастова, который, по рассказу Герцена, со времени своего назначения на пост помощника попечителя «начал приметно толстеть, наружность его выражала еще больше важности, он стал как-то больше говорить в нос, чем прежде, и фрак стал носить как-то пошире, без звезды, но, видимо, предчувствуя ее»[348].

Исключение Белинского вызвало большое возмущение среди студентов, которым был очевиден злонамеренный произвол этого решения университетской администрации.

«История Белинского, — вспоминает Головачев,— сильно взволновала студентов, и долго толковали о ней товарищи; на втором курсе мы с изумлением услыхали, что он исключен из университета за неспособностью; конечно, никто из нас не подозревал в нем знаменитого критика, каким он явился впоследствии, но все же мы почитали его одним из самых умных и даровитых студентов и в исключении его видели вопиющую несправедливость»[349].

В высшей степени показательно, что члены кружка Станкевича заинтересовались Белинским именно в связи с его исключением. Я. Неверов в неизданных заметках на книгу П. В. Анненкова о Станкевиче (1857 г.) сообщает: «Белинский, будучи студентом, написал драму, сюжетом которой было злоупотребление владетельного права над крестьянами. Этот труд, плод юношеской восторженности, он [имел неоду⟨манность⟩

представил в цензуру и за это лишен был права посещать университет. Станкевич, услыхавши об этой истории от общего нашего товарища Клюш⟨нико⟩ва, пожелал прочесть драму и ознакомиться с автором»[350]. Сообщение Неверова полностью соответствует тому, что мы знаем о начальном периоде отношений Станкевича и Белинского. Недаром, Станкевич впоследствии писал критику: «Ты должен выменять образ Цветаева, который погубил твою Сироту» ⟨т. е. «Дмитрия Калинина»⟩[351].

Обскуранты и мракобесы, изгнавшие Белинского из стен Московского университета с чудовищной мотивировкой —«за неспособность»,— воздвигли себе тем самым подлинный «monumentum odiosum» — «памятник позора» в потомстве. «Collegium obscurorum virorum ⟨совет темных людей⟩ Московского университета, исключивший студента Белинского „за отсутствием способностей", сделал себя смешным на всю Россию»,— писал, еще при жизни великого критика, обозреватель русской жизни прогрессивного журнала «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft»[352].

Исключение Белинского из Московского университета — один из ярких фактов политического преследования передовых демократических сил молодой России николаевской реакцией 1830-х годов.

* * *

Мы рассмотрели первый период московской жизни Белинского (от 22 августа 1829 г.— до 27 сентября 1832 г.) с точки зрения его идейного развития и связей с передовой общественной мыслью 1830-х годов. После всего изложенного нельзя не признать, что представления биографов Белинского об этом периоде его жизни были до сих пор крайне неточны и упрощены. Факты говорят, что с самых первых дней пребывания в университете Белинский оказался в оппозиции к официальной науке и чиновничьему режиму, с одной стороны, и в самой гуще идейной и политической жизни «молодой России»,—с другой. Зрелища крепостнического рабства родной страны, зверств помещиков и беззакония властей усиливали и обостряли настроения антикрепостнического протеста и стремление Белинского к революционно-освободительным идеям.

Развитию и укреплению демократической идеологии Белинского способствовали также события польского восстания 1830—1831 гг. и непосредственное общение с передовыми студентами-поляками в Московском университете — носителями и пропагандистами революционных идей.

Истоки того миропонимания, которое определило деятельность Белинского в «Телескопе» и «Молве», — становятся теперь для нас яснее. Эти истоки берут свое начало в той почве национальной исторической действительности и в тех изученных нами конкретных условиях ее развития, которые всего лишь через несколько лет после поражения декабристского восстания обусловили в 1830-е годы начало нового подъема русской революционно-демократической мысли. Во главе этого движения суждено было стать в недалеком будущем Белинскому.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АМГУ — Архив Московского государственного университета.

Арг — Н. А. Аргилландер. Виссарион Григорьевич Белинский. (Из моей студенческой с ним жизни).— Впервые: «Русская старина», 1880, № 5, стр. 140—143.

БВС — В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., Гослитиздат, 1948.

БКр — В. Г. Белинский и его корреспонденты. Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948.

БСб — В. Г. Белинский. 1848—1948. Сборник статей и документов. Пенза, 1948.
ГИМ — Гос. исторический музей.
ДР — Докладный реестр.
ЖП — Журнал правления.
ЖС — Журнал совета.
ЖСО — Журнал словесного отделения.
ЛБ — Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве.
МОГИА — Моск. областной гос. исторический архив.
МФ — Медицинский факультет.
П — Правление.
РД — Ректорские дела.
РМС — Российские медицинские списки.
с — Стол.
СУ — Списки об успехах с 1829 по 1832 гг.
ФС— Формулярные списки чиновников Московского учебного округа.
ЦГИА — Центр. гос. исторический архив.
ЦГЛА — Центр. гос. литературный архив.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— «Библиотека для чтения», 1859, № 12; Н. Иванисов. Воспоминания о Белинском.— «Московские ведомости», 1861, № 135, 21 июня; К. Аксаков. Воспоминание студентства 1833—1835 гг.— «День», 1862, № 39—40; Г. Г⟨оловачев⟩. Университетские воспоминания. — «День», 1863, № 42; Н. Аргилландер. В. Г. Белинский.— «Русская старина», 1880, № 4; «Белинский. Новые данные для его биографии». Сообщ. кн. Енгалычевым. — «Русская старина», 1876, № 1—2; С. Щепкин. Увольнение Белинского из Московского университета.— «Русская старина», 1876, № 3; А. Н. Пыпин. Материалы для биографии Белинского.— Сб. «Памяти Белинского», М., 1899 и др.

Из работ на эту тему см.: С. Венгеров. Великое сердце.— «Очерки русской литературы», изд. 2-е, СПб., 1907 и М. Поляков. Белинский в Московском университете, М., изд. МГУ, 1947. Последняя работа ставила своей задачей раскрытие только одной стороны этого периода жизни Белинского, забытой в научной литературе. Поэтому книжка имела подзаголовок: «Литературное общество 11 нумера».

[2] И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском.— БВС, стр. 347. О причинах исключения Белинского из университета см. в III гл. настоящей работы.

[3] Кс. Полевой. Сочинения В. Белинского.— «Северная пчела», 1859, № 229, стр. 917.

[4] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6, СПб., 1892, стр. 81 — 82.

[5] Там же, кн. 9, СПб., 1895, стр. 347 («Некролог Белинскому»).

[6] Ю. Айхенвальд. Спор о Белинском, М., 1914, стр. 19—23.

[7] С. А. Венгеров. Очерки русской литературы, 2-е изд., СПб., 1907, стр. 337; Полн. собр. соч. Белинского, т. I, СПб., 1900, стр. 129.

[8] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 73—74; И. А. Гончаров. Заметки о личности Белинского.— Полн. собр. соч., т. XI, СПб., 1912, стр. 183—187; см. еще в настоящем томе письмо И. А. Гончарова к К. Д. Кавелину, стр. 259—264.

[9] П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— «Библиотека для чтения», 1859, № 12, стр. 1—14; И. И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского.— «Московский вестник», 1859, № 17, стр. 203—212; Ив. Остров⟨ид⟩ов. Несколько слов о г. Белинском. — «Московские ведомости», 1859, № 293, 10 декабря, стр. 2070.

[10] Н. Иванисов. Воспоминания о Белинском.— «Московские ведомости», 1861, № 135, 21 июня, стр. 1089; Г. Г⟨оловачев⟩. Университетские воспоминания.— «День», 1863, № 42, 19 октября, стр. 7.

[11] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1876, т. I, стр. 72, прим. 2; А. Н. Пыпин. Материалы для биографии Белинского. Пребывание в Московском университете.— Сб. «Памяти Белинского», М., 1899, стр. 107.

[12] Н. Енгалычев. В. Г. Белинский. Новые данные для его биографии.— «Русская старина», 1876, № 1, стр. 53.

[13] Н. Мордовченко. Неизданная рукопись студенческого сочинения Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 291—296; «Переписка Белинского с родными» — «Лит. наследство», т. 57.

[14] См. в гл. III настоящей работы впервые публикуемый текст письма К. Д. Кавелина к С. М. Соловьеву от 10 февраля 1874 г.

[15] В. Якушкин. Новые материалы для биографии В. Г. Белинского.— «Русская старина», 1900, № 5, стр. 419; «Памятная книжка Константиновского межевого института за 1901—1902 гг.» М., 1902, стр. 117. В обеих публикациях текст воспроизведен по копии. В третий раз документ был опубликован в кн. «В. Г. Белинский. Сборник статей и документов к биографии великого критика», Пенза, 1948, стр. 241—243.

[16] Н. И. Сазонов. Литература и писатели в России.— «Лит. наследство», т. 41—42, 1941, стр. 196.

[17] БКр, стр. 68. Белинский в это время усиленно занимался греческим и французским языками, которых в гимназии он не изучал. (Д. П. Иванов. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского ‹Пыпина›. — Белинский. «Письма», т. III, СПб., 1914, стр. 417, 433).

[18] «Московские ведомости», 1829, № 56, 13 июля, стр. 2605—2606.

[19] В письме к Г. Н. и М. И. Белинским от 20 апреля 1832 г. Белинский указывает, что на проезд от Чембара до Москвы нужно 10 дней (см. «Лит. наследство», т. 57, стр. 85). Отсюда, в сопоставлении с известной датой приезда Белинского в Москву, определяется время его отъезда из Чембара.

[20] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 7.

[21] АМГУ, ЖП, 1829, т. 3, протокол от 12 сентября; ф. ДР, т. 6 — 1829 г., л. 59 об.

[22] АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 9 «О принятии в студенты Виссариона Белинского», 1829 г. (Ср. А. Н. Пыпин. Материалы для биографии Белинского.— Сб. «Памяти Белинского», М., 1899, стр. 107). См. письма Белинского к родным от первых чисел октября 1829 г. («Лит. наследство», т. 57, стр. 13—18).

[23] Г. Г‹оловачев›. Университетские воспоминания.— «День», 1863, № 42, 19 октября, стр. 7.

[24] Белинский писал Ивановым 13 января 1831 г.: «Чтобы приобресть такие познания, с какими поступил в университет я, ваш брат, и поступают множество других, потребно не более трех месяцев посредственного прилежания» («Письма», I, 26.— Подчеркнуто Белинским).

[25] АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 9 «О принятии в студенты Виссариона Белинского» 1829 г., л. 5 (ныне находится в ЦГЛА).

[26] Там же, л. 6. Подписки были введены еще в 1822 г., но применяться в обязательном порядке стали только после 14 декабря 1825 г.

[27] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 13; «Московские ведомости», 1859, № 293, 10 декабря, стр. 2070; «Русская старина», 1876, № 1, стр. 53; А. Н. Пыпин Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 35. Ср. «Летопись жизни Белинского». Под ред. Н. К. Пиксанова. М., 1924, стр. 13.

[28] АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 9—1829 г.

[29] АМГУ, ЖП, 1829, т. 3. Протокол от 30 сентября; ф. ДР, т. 6—1829 г., л. 104—104 об.

[30] АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 188—1834 г., л. 1. См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 16.

[31] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 16.

[32] АМГУ, ЖП, 1829, т. 3, протокол от 17 октября, пп. 51 — 54; ф. ДР, т. 7 — 1829 г., л. 39—39 об.

[33] «Обозрение публичного преподавания наук в имп. Московском университете», М., 1830, стр. 1. Из «ведомостей» профессоров за этот год явствует, что фактически занятия начались: у Победоносцева — 9 сентября, у Каченовского — с сентября, у Терновского — 7 января, по языкам — с января (АМГУ — СУ).

[34] «Лит. наследство», т. 57, стр. 13. Письмо без даты. Написано между 25 сентября (когда Белинский подал прошение об определении на казенный кошт) и 30 сентября (когда он получил письмо от отца).

[35] АМГУ, ф. Совета, д. № 405—1826 г. Отношение правления Моск. университета от 18 мая 1826 г. за № 1846.

[36] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. XIII, М.—Л., 1937, стр. 315.

[37] И. М. Соловьев. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников, вып. I, Университеты до эпохи 60-х гг., СПб., 1914, стр. 52.

[38] Н. Щедрин. Письма к тетеньке. Письмо пятнадцатое.— Полн. собр. соч., т. XIV, Л., 1936, стр. 514.

[39] «Из бумаг князя В. Ф. Одоевского».— «Русский архив», 1874, кн. 1, № 2, стб. 341.

[40] К. Аксаков. Воспоминание студентства 1832—1835 гг.— «День», 1862, № 40, стр. 3. Отд. изд.— СПб., 1911, стр. 39.

[41] На посещение Белинским лекций Павлова первым указал Пыпин, но указал голословно, не приведя никаких доказательств (А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1876, т. I, стр. 66). Между тем в позднейшей литературе это произвольное указание было воспринято в качестве бесспорного, установленного факта. Так, Н. Л. Бродский, утверждая, что «Теория природы ‹...› усваивалась им ‹Белинским›

на лекциях Павлова», не считает необходимым чем-либо подтвердить это положение, полностью доверяя, видимо, сообщению Пыпина (Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I, М., 1945, стр. 95).

Конечно, статьи Павлова не прошли мимо Белинского, но речь здесь идет не о статьях, а о слушании лекций.

[42] «Отчет о состоянии и действии Моск. имп. университета» 1834 г. Н. С. Тихонравов. Соч., М., 1898, т. III, ч. 1, стр. 595.

[43] АМГУ — СУ.

[44] «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца», М., 1796, ч. I, стр. 19, 69, 70—71. Ср. хрестоматию Победоносцева «Цветник избранных стихотворений в пользу и удовольствие юношеского возраста», М., 1816, ч. 1 и 2.

[45] Д. П. Иванов. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского ⟨Пыпина⟩.—Белинский, «Письма», т. III, стр. 410.

[46] И. С. Тургенев. Соч., т. XII, М.—Л., 1933, стр. 5—6.

[47] АМГУ — СУ, л. 23.

[48] Н. Ф. Кошанский. Общая реторика, СПб., 1818 и Частная реторика, СПб., 1832; Опыт риторики, сочиненный... Иваном Рижским, Харьков, 1805; А. С. Никольский. Логика и риторика, СПб., 1790 (изд. 5-е).

[49] «Конспекты отделения словесных наук при имп. Московском университете», М., 1827, стр. 100, 106.

[50] Там же, стр. 108, 110.

[51] Там же, стр. 110.

[52] «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву», СПб., 1866, стр. 39; П. Макаров. Сочинения и переводы, т. I, ч. II, М., 1817, стр. 24—27.

[53] «Конспекты отделения...», М., 1827, стр. 110.

[54] АМГУ — ЖСО—1833 г., л. 78.

[55] В. Нечаева. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности, М., 1949, стр. 299 и 301. Отметим попутно, что нам кажется совершенно необоснованным предположение В. С. Нечаевой о том, что две нерасшифрованные Н. И. Мордовченко заглавные буквы — «П. Л.», стоящие в подзаголовке «Рассуждения», означают «Посвящено Лажечникову» (стр. 431—432). Странно, зачем бы стал Белинский посвящать Лажечникову учебное сочинение и для чего бы понадобилось ему при этом зашифровывать и в столь необычном виде это посвящение?

[56] «Конспекты отделения словесных наук...», М., 1827, стр. 111.

[57] Н. В. Станкевич. Переписка, М., 1914, стр. 209.

[58] АМГУ — СУ, л. 2.

[59] Там же, л. 3.

[60] «Телескоп», 1831, № 5, стр. 87.

[61] «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. II, стр. 63.

[62] «Письмо из Сибири».— «Труды Общества любителей российской словесности», ч. XI, М., 1818, стр. 68—69.

[63] АМГУ — СУ, л. 1.

[64] «Конспекты отделения словесных наук...», М., 1827, стр. 33—34, 36.

[65] «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. II, стр. 96.

[66] «Конспекты отделения словесных наук...», М., 1827, стр. 8, 10, 13, 17.

[67] Д. П. Иванов. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского ⟨Пыпина⟩—Белинский, «Письма», т. III, стр. 419.

[68] Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 442, 479—480.

[69] «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 294.

[70] П. Прозоров. Белинский и Московский университет...— БВС, стр. 73.

[71] Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 459, 467.

[72] И. И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского.— БВС, стр. 19.

[73] БВС, стр. 75.

[74] К. Аксаков. Воспоминание студентства 1833—1835 гг., СПб., 1911, стр. 12.

[75] Г. Г⟨оловачев⟩. Университетские воспоминания.— «День», 1863, № 42, 19 октября, стр. 8.

[76] Н. Станкевич. Переписка, М., 1914, стр. 209.

[77] АМГУ — СУ, лл. 23, 69.

[78] Новейшую сводку данных о Мерзлякове см. Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I, М., 1945, стр. 74—81.

[79] «День», 1863, № 42, стр. 8.

[80] Там же, стр. 8.

[81] А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе, СПб., 1905, т. I, стр. 134, 147.

[82] Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 481, 483 и др.

[83] «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. I, стр. 294.
[84] АМГУ — СУ, л. 45 об.
[85] Д. П. Иванов. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского ⟨Пыпина⟩.— Белинский, «Письма», т. III, стр. 421.
[86] АМГУ — СУ, л. 49.
[87] Там же, л. 49 об.
[88] Л. Ланский. Библиотека Белинского.—«Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 494, 501, 551—552, 556—557.
[89] АМГУ — СУ, л. 49 об.
[90] Там же, л. 42.
[91] Там же, л. 43.
[92] Там же, л. 36.
[93] «Конспекты отделения словесных наук...», М., 1827, стр. 121—122.
[94] АМГУ — СУ, л. 37.
[95] «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. I, стр. 176.
[96] АМГУ — СУ, л. 53.
[97] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 21.
[98] С. Шевырев. История имп. Московского университета, М., 1855, стр. 350.
[99] АМГУ — СУ, л. 9.
[100] Н. Бродский. Я. М. Неверов и его автобиография.—«Вестник воспитания», 1915, № 6, стр. 103. Конспект лекций Ульрихса опубликован в 1827 г. («Конспекты отделения словесных наук...», стр. 71—97).
[101] «Конспекты отделения...», М., 1827, стр. 71, 74.
[102] Л. Ланский. Библиотека Белинского.— «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 514.
[103] «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 294.
[104] АМГУ — СУ, л. 10.
[105] И. А. Гончаров. Полн. собр. соч., СПб., 1899, т. XII, стр. 21—24. Ср. в настоящем томе, стр. 267.
[106] К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1833—1835 гг., СПб., 1911, стр. 24—25. В архиве МГУ сохранилось его сочинение «О состоянии отечественной словесности древней и средней», написанное в духе скептической теории Каченовского.
[107] С. Скромненко. О недостоверности древней русской истории и сложности мнения касательно древности русских летописей, М., 1834, стр. 1—3, 5.
[108] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, М.—Л., 1931, стр. 648—649.
[109] См. В. Баскаков. Социологические воззрения В. Г. Белинского, М., 1948, стр. 72—73.
[110] С. Скромненко. Критический взгляд на статью под заглавием: Скандинавские саги, помещенную в первом томе «Библиотеки для чтения», М., 1834, стр. 14—15.
[111] «Конспекты отделения словесных наук...», М., 1827, стр. 45. Центр тяжести конкретного изложения Каченовского падал на историю послепетровской России. Главным руководством для этого являлись записки самого преподавателя (там же, стр. 47).
[112] Цит. по книге П. Н. Милюкова. Главные течения русской исторической мысли, М., 1898, т. I, стр. 285.
[113] АМГУ — «Журнал этико-политического отделения» 1829/30 уч. г.; «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. II, стр. 243.
[114] Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Русский архив», 1887, № 1, стр. 230—231.
[115] «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», М., 1855, ч. II, стр. 244.
[116] БКр, стр. 64, 67.
[117] «Урания. Карманная книжка на 1826 г.», М., 1826, стр. 39; Ср. «Повести Михаила Погодина», М., 1832, ч. I, стр. 77.
[118] «Телескоп», 1832, № 17, стр. 107.
[119] ЛБ, архив М. П. Погодина. Сообщено В. П. Гурьяновым.
[120] ГИМ, ф. Забелина. «Русская история, лекции, читанные Адъюнктом Московского университета Михаилом Погодиным. 1833. Принадлежит Виссариону Белинскому». Последние слова: «Сколько было возможно по его обстоятельствам и самым вер...». В правом верхнем углу титульного листа рукой Н. Х. Кетчера (чернилами): «Забелину от Кетчера». В левом углу штемпель: «Библиотека Ивана Егоровича Забелина». Тот же штемпель на л. 1. Пагинация автора (постраничная, чернилами): 1—94. Две самодельные тетрадки из грубой серой и синеватой бумаги (вперемежку). Шифр: ф. 440, ед. хр. 1059.

[121] «Русский архив», 1887, № 1, стр. 230.

[122] Н. Барсуков. Письма М. П. Погодина к С. П. Шевыреву.— «Русский архив», 1882, № 5, стр. 117.

[123] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 4, СПб., 1891, стр. 60. Кроме того, следует отметить, что адъюнктом Погодин был с 1828 г. до 28 марта 1833 г. С этого времени он утвержден ординарным профессором всеобщей истории (АМГУ — ФС).

[124] «Московский вестник», 1828, № 4, стр. 482—490.

[125] «Московский вестник», 1828, № 19—20, стр. 285—318; № 23—24, стр. 254—285.

[126] «Древняя и новая всеобщая история Шрекка», ч. I, СПб., 1827, стр. VIII, IX.

[127] Н. Рубинштейн. Русская историография, М., 1941, стр. 258.

[128] Здесь и ниже цитаты даны по конспекту Белинского, хранящемуся в ГИМ, ф. Забелина (см. прим. 120).

[129] Погодин в этих воспоминаниях дал резкую и несправедливую оценку Белинского с позиций сторонника самодержавного строя: «В статьях его не примечалось никакого таланта, одни общие места. Первая статья его „Литературные мечтания" показалась нам докучною сказкой, повторявшею старые зады и не заключавшею ничего нового. Но Пушкин, долг справедливости требует сказать, обратил на нее внимание и прислал, кажется, экземпляр только что напечатанного „Бориса" ⟨номер „Современника". Погодин ошибся.— *М. П.*⟩ Белинскому чрез Соболевского, „потихоньку", писал он, „от наблюдателей", то есть от издателей „Московского наблюдателя", в котором заведывал литературною частью Шевырев, уже выразивший свое нерасположение к Белинскому. Тогда же прислал он ко мне экземпляр „Бориса" и для Надеждина, который в „Вестнике Европы" Каченовского начал свое литературное поприще бранными выходками против Пушкина и долго ратовал против него. Должен заметить, что Пушкин, так как и Гоголь, имели малодушие смущаться журнальною бранью и газетными отзывами, несмотря на все к ним презрение. И Пушкин и Гоголь видели в Белинском выгодного глашатая, содействующего в необразованной публике к выгоднейшему сбыту.

„Телескоп" и „Молва" после известной катастрофы из-за письма Чаадаева погибли, Андросов едва мог тянуть „Наблюдатель" и решился передать его компании тогдашних прогрессистов, в коей участвовал Бакунин, Белинский, Кудрявцев. Андросов был очень резок и остер. Я помню, как он смеялся над первыми книжками. „Прежних сотрудников,— говорил он,— я едва мог с места двигать, а с новыми удержу нет"» (ЛБ, архив Погодина).

Извлекая из этих воспоминаний крупицы фактических данных для биографии Белинского, нет нужды опровергать явные клеветнические измышления Погодина об отношении к критику Пушкина и Гоголя. Следует, кроме того, отметить, что в «Дневнике» Погодина указано несколько встреч с Белинским:

⟨27 января 1835 г.⟩ «Был у меня Белинс⟨кий⟩. Мал⟨ый⟩ с чувством, какие попадаются редко. Обращал его к умеренности» (л. 125).

⟨31 мая 1835 г.⟩ «У Белинс⟨кого⟩.— Встрет⟨ился⟩ с Станк⟨евичем⟩, Бодян⟨ским⟩ и проч.— С Бел⟨инским⟩ о Б⟨неразобрано⟩ переводе» (л. 128).

⟨19 июня 1835 г.⟩ «Со Станк⟨евичем⟩ и Белинс⟨ким⟩ о литературе» (л. 128 об.).

(ЛБ. Арх. Погодина. М. 3492).

[130] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 4, СПб., 1891, стр. 208—212, 309—311, 347.

[131] Там же, стр. 218—219.

[132] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 21.

[133] Н. Надеждин. Автобиография.— «Русский вестник», 1856, т. II, кн. 1, март, стр. 63. Запись в ЖП от 14 января 1832 г. указывает, что Надеждин вступил в должность 18 января 1832 г. (АМГУ, ф. II, 2 с., д. № 5, л. 2). В дневнике Погодина отмечено под 25 января 1832 г.: «С Надеждиным на лекции. Он имеет дар слова удивит⟨ельный⟩. Есть и одушевление» (ЛБ. Архив Погодина. М. 3492, л. 76 об.).

[134] БВС, стр. 78, 80.

[135] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1876, т. I, стр. 67.

[136] П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— БВС, стр. 79.

[137] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 123.

[138] Там же, стр. 150.

[139] П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— БВС, стр. 75. Ср. Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Русский архив», 1887, № 3, стр. 346.

[140] Ср. Б. Мейлах. Пушкин и русский романтизм, Л., 1937, стр. 43—44.

[141] Полн. собр. соч. В. Г. Белинского. Под ред. С. А. Венгерова. Т. I, СПб., 1900, стр. 501—502, 508.

[142] Там же, стр. 506—507.

[143] См. письмо И. А. Гончарова к А. Н. Пыпину в настоящем томе, стр. 264—269.

[144] К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1832—1835 годов, СПб., 1911, стр. 22.

[145] «Русский вестник», 1856, т. II, кн. 1, март, стр. 61—63.

[146] Здесь и далее цитаты приводятся по неизданной рукописи Надеждина, хранящейся в АМГУ в делах Совета 1831 г., д. № 97, лл. 5, 23, 27 об., 32 об., 35, 44 об., 45, 46, 47.

[147] «Телескоп», 1831, ч. III, стр. 233, 234, 236.

[148] Подробнее см. М. Поляков. Белинский в Москве, М., 1948, стр. 91—119.

[149] И. А. Гончаров. Полн. собр. соч., СПб., 1899, т. XII, стр. 39; Н. Н. Муравкевич. Автобиография. М., 1886, стр. 55.

[150] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 21.

[151] АМГУ, ф. II, 1 с., д. № 202—1828 г.

[152] АМГУ — СУ, «Журнал этико-политического отделения».

[153] В. Иконников. Русские университеты в связи с ходом общественного образования.— «Вестник Европы», 1876, № 11, стр. 85.

[154] П. Вистенгоф писал: «Хотя в январе месяце университет и был открыт, но лекции, как самими профессорами, так и студентами посещались неаккуратно, надлежащий порядок еще не был восстановлен...» («Исторический вестник», 1884, № 5, стр. 331).

[155] АМГУ — ЖП, 1831, т. 3, протокол от 15 сентября, п. 62.

[156] АМГУ — ЖСО. Прилож. к д. № 19.

[157] Г. Г⟨оловачев⟩. Университетские воспоминания.— «День», 1863, № 42, стр. 7.

[158] «Из бумаг князя В. Ф. Одоевского». — «Русский архив», 1874, кн. I, № 2, стб. 341.

[159] Н. Иванисов. Воспоминания о Белинском.— «Московские ведомости», 1861, № 135, 21 июня, стр. 1089. См. отзыв о них Достоевского (сб. «Творчество Достоевского». Под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса, 1921, стр. 111—121).

[160] «Памяти Белинского», М., 1899, стр. 108, 109.

[161] АМГУ — ЖП, 1831, т. 3, протокол от 19 октября, пункты 41—42. Приводим этот неизданный документ:

«41. Отношение отделения словесных наук о том, что по учиненному экзамену оказались способными к переводу на ординарные лекции словесного отделения студенты казенные: Евланов и Померанцев, своекоштный слушатель Петров, неспособными: казенный студент Белинский и своекоштный Заборовский.

42. Прошение означенного студента Белинского об определении его в число канцелярских служителей училищного комитета. По справке же оказалось, что он, Белинский, и в прошлом 1830 году за малоуспешность в науках не был удостоен переводом на ординарные лекции.

Приказали: Казенного студента Виссариона Белинского, оказавшегося неспособным к слушанию ординарных лекций, согласно его прошению принять в число канцелярских служителей сего правления с жалованием по 200 руб. в год, из числа же казенных студентов исключить, о чем и представить его сиятельству г-ну попечителю на утверждение».

То же и в ДР, т. 7, 1831 г., лл. 26 об.—27.

[162] «Памяти Белинского», М., 1899, стр. 109—111.

[163] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 84—86 и сл.

[164] И. И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского.— БВС, стр. 20.

[165] В. Иконников. Русские университеты в связи с ходом общественного образования.— «Вестник Европы», 1876, № 11, стр. 85.

[166] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 1919, стр. 114.

[167] К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1832—1835 годов.— «День», 1862, № 39, стр. 3; Отд. изд.— СПб., 1911, стр. 10.

[168] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 1919, стр. 99.

[169] «Документы к биографии ⟨Белинского⟩». — «В. Г. Белинский. Сборник статей и документов к биографии великого критика», Пенза, 1948, стр. 138—139 (данные формулярного списка Г. Н. Белинского за 1834 г.). Непонятна ошибка В. С. Нечаевой, указывающей, что чин коллежского асессора был получен Г. Н. Белинским в 1831 г. («В. Г. Белинский», М., 1949, стр. 411).

[170] Все данные о социальном составе студентов словесного отделения за 1829—1832 гг. извлечены из «Списка казеннокоштных студентов и воспитанников имп. Московского университета словесного отделения. 1832» и «Списка своекоштных студентов и слушателей Московского имп. университета словесного отделения. 1832» (АМГУ), публикуемых в приложении к настоящей работе. Очень показательны данные о социальном составе студентов за 1832/33 академический год. В «Отчете о студентах и слушателях университета за 1833 г. и проч.» мы находим следующую таблицу:

«Итого:

из дворян	263 чел.
из духовного звания	98 чел.
из купечества	56 чел.
из мещан	54 чел.
из разночинцев	70 чел.»

Таким образом, если даже не дифференцировать группу «дворян», состоящую и разнообразных слоев, то в этом случае все прочие сословия — разночинцы — состав ляют 278 чел. Демократический характер состава учащихся из этой официальной таб лицы совершенно ясен (АМГУ, ф. РД, д. № 57—1833 г. «Отчет о студентах и слушате лях», л. 54 об.).

[171] «Лит. наследство», т. 39—40, 1941, стр. 358.

[172] М. В. Нечкина. Неистовый Виссарион и его эпоха.— «Лит. газета», 1948 № 45, 5 июня.

[173] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. XX, М., 1948, стр. 224.

[174] Т. П. Пассек. Воспоминания («Из дальних лет»), изд. 2-е, СПб., 190 т. III, стр. 232.

[175] «Русский архив», 1887, № 5, стр. 74—75.

[176] «Петербургское общество при восшествии на престол имп. Николая I. По до несениям М. М. Фон-Фока А. Х. Бенкендорфу».— «Русская старина», 1881, № 9 стр. 185; № 10, стр. 304, 316—317.

[177] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII, Пг., 191 стр. 575.

[178] ЛБ, архив М. П. Погодина. «Дневник Погодина за 1829—1842 гг.» (М., 349 л. 22 об.).

[179] МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1831 г., оп. 31, д. № 6 л. 359 об.

[180] ГИМ, ф. 372/25, ед. хр. 48235, «Дневник Неверова», лл. 4—5.

[181] М. Лемке. Тайное общество братьев Критских. — «Былое», 1906, № стр. 41—57.

[182] В. Ганцова-Берникова. Отголоски декабрьского восстания 1825 г.- «Красный архив», 1926, № 16, стр. 159—204; М. И. Мальцев. А. А. Шишков А. С. Пушкин.— «Ученые записки Сарат. гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 109—110.

[183] «Ученые записки Сарат. гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 110—113.

[184] М. Поляков. Белинский в Москве, М., 1948, стр. 33.

[185] Белинский посылал брату автографы Тепловой (см. «Лит. наследство», т. 57 стр. 68).

[186] «Каторга и ссылка», 1925, № 8 (21), стр. 259—260.

[187] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг 1919, стр. 109—111.

[188] Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Рус ский архив», 1887, № 4, стр. 336—340. Дополнения см. в статье Н. Н. Калугин «Студенты Московского университета в былое время». — «Русский архив», 1907 № 11, стр. 422—427.

[189] Там же, № 5, стр. 75.

[190] МОГИА, Дела попечителя Моск. учебн. округа, 1831, ф. 459, св. 152, № 4068

[191] «Заветы», 1913, № 3, стр. 18.

[192] Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Рус ский архив», 1887, № 5, стр. 76; «Заветы», 1913, № 3, стр. 18—20.

[193] ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 150, 1833 г., л. 13.

[194] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 122.

[195] А. Полканов. Севастопольское восстание 1830 г., Симферополь, 193 стр. 73—74; С. Гессен. Холерные бунты, М., 1932, стр. 13—14; ср. такж Н. Варадинов. История министерства внутренних дел, СПб., 1862, ч. III, кн. 1 стр. 314 и 436. У него отмечены массовые восстания крестьян в 1830—1832 гг в Пензенской, Саратовской, Тамбовской и других губерниях.

[196] «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л., 1927, стр 304.

[197] «С.-Петербургские ведомости», 1830, № 94—95, 8 августа, стр. 620—621; № 9 11 августа, стр. 625—626. То же «Северная пчела», 1830, № 94, 7 августа.

[198] В. С. Печерин. Замогильные записки, М., 1932, стр. 38.

[199] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 191 стр. 135 и 99.

[200] ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 150, 1833 г., л. 13.

[201] «Русский архив», 1887, № 5, стр. 76.

[202] ГИМ, ф. 372/25, ед. хр. 48235, «Дневник Неверова», л. 7.

[203] ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 150, 1833 г., лл. 19—20.

[204] ГИМ, ф. 372/25, ед. хр. 48235, «Дневник Неверова», л. 4 об.

[205] «Лит. наследство», т. 41—42, 1941, стр. 196.

[206] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 191 стр. 109.

[207] Данные извлекаем из списков казеннокоштных и своекоштных студенто (АМГУ—СУ).

[208] «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 291—294.

[209] Бахман. Всеобщее начертание теории искусств, ч. 1, М., 1832, «От перевод чика», стр. V.

[210] В драме «Пятидесятилетний дядюшка» Белинский вывел декабриста Думского

который «в Сибирь пошел» и которого, по словам старого слуги, «сгубили его злодеи. А барин-то какой, чтоб им — собакам — ни дна, ни покрышки на том свете». Это было настолько прозрачным осуждением Николая I, что цензор вычеркнул эту тираду (В. Г. Белинский. Пятидесятилетний дядюшка, Пг., 1924, стр. 122).

[211] П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.—БВС, стр. 77.

[212] Арг — БВС, стр. 69.

[213] «Русская старина», 1885, № 1, стр. 16—17.

[214] АМГУ, ф. Инспект. дела, 1834, № 12 «Отчет за 1834 г.», л. 5—5 об.

[215] В. С. Нечаева, ссылаясь на установленную нами дату окончания «Дмитрия Калинина» (см. М. Поляков. Белинский в Московском университете, М., 1947, стр. 17—18), возражает на наше утверждение, что трагедия задумана «во время летнего пребывания в Чембарах в 1830 году». Она пишет: «Вторую половину лета и часть осени 1830 г. Белинский провел в Чембаре, приехав туда на вакации. Следовательно, незадолго до окончания драмы старые чембарские впечатления еще освежились этим посещением, хотя, конечно, нет никаких оснований категорически утверждать, что именно в это летнее пребывание в Чембаре драма и была им задумана. Может быть, она была задумана еще в 1829 г., до отъезда в Москву (судя по использованному в ней материалу), может быть и позднее» (В. Нечаева. «В. Г. Белинский», М., 1949, стр. 309).

Стараясь доказать, что и «Рассуждение», и «Дмитрий Калинин» принадлежат к «чембарско-пензенскому» периоду, В. С. Нечаева не останавливается перед самыми несостоятельными заключениями.

[216] Арг—БВС, стр. 70.

[217] И. И. Лажечников. Заметки для биографии Белинского.— БВС, стр. 20.

[218] МОГИА, ф. 31 (Моск. ценз. комитета), оп. 1, св. 3, д. № 13, «Книга для записи рукописей за 1831 г.», л. 10 об.

[219] БКр, стр. 3—20.

[220] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 40.

[221] МОГИА, ф. 31, оп. 5, св. 366, д. 70, л. 22—22 об. Подлинник написан рукой цензора Цветаева. На документе вверху помета: «Получено генваря 30 дня 1831 года» и входящий номер (25) Моск. ценз. комитета. Все документы цензурной истории «Дмитрия Калинина» сообщены редакции «Лит. наследства» Е. Барштейн и В. Гусаровой.

В последнее время Н. Л. Бродский попытался проанализировать отношение цензора к пьесе, основываясь на пометках последнего на рукописи (БКр, стр. 3—20).

[222] МОГИА, ф. 31, оп. 3, св. 201, д. 2165, лл. 11—12. После каждого абзаца «журнала» следует скрепа, которая в целом читается: «Секретарь Московского цензурного комитета Адъюнкт Измаил Щедритский».

[223] М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., изд. 2-е, СПб., 1909, стр. 39—40.

[224] Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, М., 1897, стр. 110—111.

[225] См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 45.

[226] ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 183, лл. 1—2.

[227] МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1833 г., д. № 53 «Об открытой в Витебске переписке, вредной правительству, с студентом Московского университета Заблоцким и прочими», лл. 2—3.

[228] МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1839 г., д. № 65 «Об учреждении по высочайшему повелению за Мазуром, Коллонтаем и Заблоцким секретного надзора», л. 6. Отношение попечителя Моск. учебн. округа от 27 мая 1839 г.

[229] МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1839 г., д. № 65.

[230] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 1919, стр. 126—127.

ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 183, «Записка московского обер-полицеймейстера Муханова».

[231] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183, лл. 19 об.— 20 об.

[232] МОГИА, 1833 г., д. № 53, лл. 5—12.

[233] ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 183, лл. 22—23; МОГИА, д. № 53, л. 14.

[234] МОГИА, 1833 г., д. № 53, л. 14.

[235] Там же, л. 14.

[236] Там же, лл. 32—33.

[237] Там же, л. 34—34 об.

[238] Там же, л. 38—38 об.

[239] Там же, л. 39.

[240] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183, л. 55; ЦГИА, Собрание всеподданнейших докладов, № 46, к. 1, стр. 149.

[241] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183.

[242] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, М., 1935, стр. 548; ср. т. V, М., 1929, стр. 265.

[243] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. XX, М., 1948, стр. 403; ср. т. VI, М., 1946, стр. 415—416.

[244] К. Военский. Император Николай и Польша в 1830 году, СПб., 1905, стр. 48.

[245] Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма. Ред. и прим. С. Я. Штрайха. Пг., 1923, стр. 52.

[246] И. Беккер. Декабристы и польский вопрос.— Вопросы истории, 1948, № 3, стр. 73.

[247] А. И. Герцен. Былое и думы.— Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. XII, Пг., 1919, стр. 125.

[248] Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Русский архив», 1887, № 5, стр. 75.

[249] ЛБ, Архив М. П. Погодина. «Дневник Погодина за 1829—1842 гг.», л. 48 об.

[250] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. X, Пг., 1919, стр. 249.

[251] Б. П. Козьмин. Из литературного наследства Н. И. Сазонова.— «Лит. наследство», т. 41—42, 1941, стр. 251.

[252] АМГУ, ф. II, 2 с., д. № 225, 1831 г.; МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1839 г., д. № 65 «Об учреждении по высочайшему повелению за Мазуром, Коллонтаем и Заблоцким секретного надзора», л. 6.

[253] АМГУ, «Ведомость из класса российской словесности Петра Победоносцева с сентября по январь месяц 1832 года». Здесь указано, что одновременно с Белинским лекции слушали А. Ефремов, В. Красов, М. Лермонтов, Я. Почека, С. Строев, И. Бодянский, Ф. Заблоцкий, И. Гончаров и будущие мемуаристы П. Прозоров и П. Вистенгоф. Ф. Заблоцкий посещал лекции очень аккуратно и получил «тройку».

[254] АМГУ, «Ведомость из класса латинского языка от магистра Кубарева с августа месяца по январь месяц 1832 г.». Здесь значатся все те же лица, что и в первой ведомости.

[255] П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— БВС, стр. 72—73.

[256] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183 «Записка московского обер-полицеймейстера Муханова» и «Рапорт Комиссии», л. 19 об.

[257] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, М., 1929, стр. 265.

[258] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183, л. 2 об. Донесение Хованского.

[259] МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, 1831 г., д. № 53, лл. 14—15.

[260] Там же, лл. 14, 26. Скульский — революционер и участник восстания, описан в «Воспоминаниях А. Л. Зеланда» («Русская старина», 1892, № 9, стр. 522).

[261] Там же, 1832 г., д. № 69, л. 1.

[262] ЦГИА, III отд., 1 эксп., 1833 г., д. № 183, лл. 19 — 21; МОГИА — там же, д. № 53, лл. 14—15. «Рапорт генерал-губернатору Смоленскому, Витебскому, Могилевскому Комиссии, учрежденной для открытия возмутительных сочинений...» от 24 июля 1833 г., № 42.

[263] В 1837 г., когда определилась судьба Заблоцкого, он оказался сначала в Таганроге, затем в станице Безопасная. В 1838 г. он находился в Царских колодцах в Тифлисе. В 1839 г. участвовал в походе против лезгин и вместе с полком был в Шемахе, Кубе, Хазре. В 1842 г. с Нейшальской инвалидной командой жил то в Тифлисе, то во Владикавказе, то в Кайшауре (хронологию жизни Заблоцкого на Кавказе мы выводим из подписей под его стихами). В январе 1847 г. канцелярия наместника изъявила ему благодарность за подаренные им в публичную библиотеку «разные книги» (газ. «Кавказ», 1847, № 1, 4 января, стр. 4).

[264] «Encykłopedija powszechna», 1868, т. XXVIII, стр. 160. Заметка Собещанского (возможно, написана со слов Савинича).

[265] «Кавказ», 1847, № 33, 16 августа, стр. 130.

[266] I. Bartoszewicz. Historija literatury polskiej. Warszawa, 1861, стр. 561.

[267] «Encykłopedja powszechna», S. Orgelbranda, 1868, т. XXVIII, стр. 160.

[268] «Кавказ», 1847, № 33, 16 августа, стр. 130.

[269] Poezija T. Ł. Zabłockiego, СПб., 1845, стр. 67.

[270] По данным польской «Всеобщей энциклопедии», Савинич родился в 1811 г. в Велиже, Витебской губернии («Encykłopedja powszechna», изд. 2-е, 1884, т. X, стр. 348).

[271] В первом издании «Всеобщей энциклопедии» помещена более подробная биография Савинича, написанная Собещанским. Извлекаем оттуда данные о детских годах Савинича («Encykłopedja powszechna», 1868, т. XXIII, стр. 35).

[272] АМГУ, ф. II, 1 с., д. № 51, 1829 г.

[273] АМГУ, ф. II, 1 с., д. № 247, 1830 г. В списке помечено, что он оставлен на второй год.

[274] «Листок», 1831, № 39 и др.

[275] «Encykłopedja powszechna», т. XXIII, стр. 35.

[276] «Bibliografija polska XIX stolecia, przez K. Estreichera» Kraków, 1878, т. IV, стр. 187; Эстрейхер указывает, что в рукописи остался перевод «Истории польской для детей» Лелевеля и недоконченный перевод труда Мацеевского.

[277] См. «Галатея», 1830, ч. XI, № 2, стр. 108—113; № 3, стр. 167—174. Рецензия на «Крымские сонеты» и др.

[278] СПб., 1833, 56+VI стр. Ценз. разр. 3 февраля 1833 г.

[279] «Польская грамматика», изд. Савиничем, СПб., 1833, стр. V—VI (экземпляр библиотеки МГУ).

[280] Там же, стр. VI.

[281] БКр, стр. 230, 250. Комментатору, вероятно, осталось неизвестным, что грамматика Савинича издана на русском языке.

[282] Показательна в этом отношении обширная статья Савинича о Гоголе в журнале «Книга мира» («Księga swiata», 1860, ч. 1, стр. 216—225). Кроме того, он выпустил большой «Słownik russko-polski, podług Dahla i innych zródeł wypracowany, Warszawa, 1870, т. I—IV. См. еще «Encykłopedija powszechna», т. XXIII, стр. 35. Здесь библиография работ Савинича.

[283] П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— БВС, стр. 73.

[284] «Заветы», 1913, № 3, стр. 17.

[285] МОГИА, ф. Канц. моск. воен. ген.-губернатора, оп. 31, д. № 62, 1831 г. «Дело о намерении польских офицеров уехать в Литву и присоединиться к тамошним мятежникам», т. I, л. 244 и д. № 53, «Список с рапорта ⟨...⟩ комиссии для открытия возмутительных сочинений и возмутителей от 29 июля 1833 года, № 56», л. 25.

[286] БКр, стр. 259.

[287] «Московские ведомости», 1831, № 57, 18 июля, стр. 2474.

[288] Арг — БВС, стр. 68.

[289] Д. П. Иванов. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского ⟨Пыпина⟩. — «Письма», III, стр. 423.

[290] «Заветы», 1913, № 3, стр. 36.

[291] Там же, стр. 22, 28, 31.

[292] ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 183, л. 28.

[293] Там же, л. 31 об.

[294] Korbut. Literatura polska od poczatków do wojny swiatowej. Warszawa, 1930, т. III, стр. 75—76.

[295] АМГУ, ф. Инспект. дела, 1834 г. «Отчет о студентах». По данным отчета за 1834 г. был сдан в солдаты.

[296] ЦГИА, III отд., 1 эксп., д. № 183, л. 30—30 об.

[297] Там же, л. 115—115 об. «Ответы, данные подсудимым секретарем Иваном Верниковским...»

[298] Там же, лл. 24—25 об. Поскольку под уставом стоят подписи Белецкого, и Максы Коссовича (см. о них в «Биогр. словаре...» в настоящем томе, стр. 424, 429, 430), из которых первый поступил в университет в октябре, а последние два — в ноябре 1832 г., то временем возникновения общества следует считать конец 1832— начало 1833 г. Заблоцкий в своих показаниях сообщил только о первом и единственном собрании членов общества «8—9 апреля сего года» (т. е. 1833 г.), но что возникло оно раньше.

[299] Там же, л. 31 об.

[300] Там же, л. 32.

[301] МОГИА, ф. Канц. воен. ген.-губернатора, 1833 г., д. № 53, л. 34—34 об. Черновой отпуск отношения Голицына.

[302] Там же, л. 35.

[303] АМГУ, ф. РД, 1834 г., д. № 73 «О предании студента Заблоцкого суду за тайное общество».

[304] Н. В. Станкевич. Переписка, М., 1914, стр. 401, 420.

[305] Там же, стр. 262.

[306] См. БКр, стр. 230.

[307] Там же, стр. 157.

[308] «Encykłopedja powszechna», т. XXIII, стр. 35.

[309] А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 58—59, 61.

[310] С. Венгеров. Очерки по истории русской литературы, изд. 2-е, СПб., 1907, стр. 361.

[311] МОГИА, ф. 459—1—20, д. № 129 на 25 лл. (уничтожено). В «Алфавите и описи делам типографии, медицинского факультета ⟨...⟩ по 3-му столу с 1813 г. по 1833 г.» мы нашли следующую запись: «⟨1832⟩ Дело № 216 об увольнении от университета, находящихся на казенном содержании слушателя Сомова и студента Белинского. Дело из 9 листов». (Опись № 216). Уничтожено при разборе архива МГУ.

[312] См. «Лит. наследство», т .57, стр. 68. В самом деле, Николай I до 1837 г. ни разу не посетил университет (см. С. Шевырев. История Московского университета, М., 1855, стр. 504—505).

[313] С. Шевырев. Указ. соч., стр. 482.

[314] 30 ноября 1831 г. в правлении сообщили указ правительствующего сената о назначении Голохвастова помощником попечителя (АМГУ—ЖП, 1831 г., т. 3, пункт 1;

А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII, Пг., 1919, стр. 174). Шевырев в своей истории университета неверно датирует вступление Голохвастова на службу в округ в 1832 г. (см. указ. соч., стр. 473). Герцен правильно указывает, что это произошло во время пребывания Николая I в Москве в 1831 г. В дневнике Погодина отмечены первые посещения Голохвастовым лекций под 15 и 17 декабря 1831 г. (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 3, СПб., 1890, стр. 306).

315 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII, Пг., 1919, стр. 176.

316 ЛБ, архив М. П. Погодина, № 3492, л. 75 об.

317 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 86.

318 «Исторический вестник», 1884, № 5, стр. 335. Ср. И. А. Гончаров. Полн. собр. соч., СПб., 1889, т. XII, стр. 41.

319 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 73.

320 АМГУ, ф. Инспект. дела, 1834 г., № 12 «Отчет за 1834 г.», лл. 5—6 об.

321 Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, М., 1897, стр. 11.

322 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 86.

323 «Encykłopedija powszechna», 1864, т. XVI, стр. 902.

324 Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I, М., 1945, стр. 245—246. См. приложение к настоящей работе.

325 С. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, СПб., 1902, стр. 222.

326 АМГУ, ф. РД, д. № 57 — 1833 г. «Отчет о студентах и слушателях университета за 1833 г. и прочее. Перечневая ведомость», лл. 5—6.

327 «Русский архив», 1885, № 3, стр. 367—368.

328 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 84.

329 Там же, стр. 90.

330 Там же, стр. 123.

331 Там же.

332 «Encykłopedja powszechna», 1883, изд. 2-е, т. II, стр. 177.

333 Г. Г⟨оловачев⟩. Университетские воспоминания.—«День», 1863, № 42, стр. 7.

334 П. С. Щепкин был назначен инспектором казенных студентов 2 июня 1830 г., а вступил в должность 9 июня (АМГУ, ф. ФС, 1833 г.).

335 См. «Лит. наследство», т. 57, стр. 41.

336 А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1876, т. I, стр. 71.

337 «Биографический словарь профессоров и преподавателей...» М., 1855, т. II, стр. 646—647; А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Т. I. Пб., 1915, стр. 115; ср. апологетическую заметку Д. Щепкина «П. С. Щепкин и В. Г. Белинский» —«Русский архив», 1900, № 4, стр. 652—654.

338 См. Д. Щепкин. Из хроники Московского университета. История с профессором Маловым.— «Русский архив», 1901, № 2, стр. 316—324. Ср. Н. Л. Бродский, М. Ю. Лермонтов, М., 1945, т. I, стр. 250—251.

339 «Русская старина», 1876, № 2, стр. 678; «Альбом выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память В. Г. Белинского», изд. 2-е, М., 1898, стр. 55; С. А. Венгеров. Очерки по истории русской литературы, изд. 2-е, СПб., 1907, стр. 361. Ср. «Летопись жизни Белинского». Ред. Н. К. Пиксанова, М., 1924, стр. 19. В последнее время Ю. Г. Оксман высказал предположение, что исключение Белинского было оформлено «не раньше первых чисел октября 1832 г.» (Ю. Оксман. Из разысканий в области биографии Белинского.— «Ученые записки Сарат. гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 310—312).

340 АМГУ — ЖП, 1832 г., т. 3, заседание 27 сентября, л. 254.

341 АМГУ, ф. ДР, 1832 г., кн. V, № 3437 от 27 сентября 1832 г., лл. 74 об.—75.

342 «Заявление» Белинского в университет при поступлении в корректоры.— АМГУ, ф. П., 3 с., д. № 188, 1834 г., л. 1. См. в «Лит. наследстве», т. 57 сообщение «Эпизод из биографии Белинского».

343 «Альбом выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в память В. Г. Белинского», М., 1898, стр. 54. Фото прописки в домовой книге.

344 ЦГИАЛ, ф. 1120 (Соловьевых), ед. хр. 7, лл. 48—49.

345 А. Н. Пыпин. Белинский, его жизнь и переписка, изд. 2-е, СПб., 1908, стр. 61.

346 «Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым». Введение, ред. и прим. Н. К. Пиксанова. М.— Л., 1925, стр. 120—121.

347 «Лит. наследство», т. 57, стр. 124.

348 А. И. Герцен. Полн. собр. соч. Под ред. М. К. Лемке. Т. XIII. Пг., 1919 стр. 174.

349 «День», 1863, № 42, стр. 7.

350 ГИМ, ф. 272, ед. хр. 22, л. 30. Сообщено Л. Р. Ланским.

351 Н. В. Станкевич. Переписка. М., 1914, стр. 415.

352 См. статью М. П. Алексеева «Белинский и славянский литератор Я.-П. Иордан» в настоящем томе, стр. 460—461.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СПИСОК СТУДЕНТОВ СЛОВЕСНОГО ОТДЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЗА 1832 г.

Составила К. Петрова

Публикуемый ниже полный список студентов Словесного отделения Московского университета за 1832 г. является дополнением к «Биографическому словарю университетских товарищей Белинского». Список этот, включающий в себя двести студентов, значительно обогащает существующее представление об университетском окружении Белинского. Как видно из графы о происхождении студентов, половина из них были сыновьями мещан, купцов, духовенства, мелких чиновников и даже ремесленников, т. е. типичными представителями разночинной интеллигенции.

В подлинных списках фамилии студентов расположены по разделам: «Список казеннокоштных студентов и воспитанников», «Список своекоштных студентов», «Слушатели» и «Чиновники». Мы сохраняем в нашей публикации это деление. Кроме того, в подлиннике внутри разделов существует еще деление студентов: «Действительные студенты» (4 человека), «6-тигодичные», «5-тигодичные», «4-хгодичные», «3-хгодичные», «2-хгодичные» и «первогодичные». Мы располагаем фамилии студентов для удобства пользования внутри каждого раздела в общем алфавитном порядке, так как количество лет пребывания студентов в университете всегда можно вывести из года его поступления.

Список казеннокоштных студентов в подлиннике делится на следующие графы: 1) Фамилии и имена; 2) Из какого звания; 3) Время вступления в университет; 4) Когда принят на казенное содержание; 5) Рекомендация гг. профессоров; 6) Отметка.

Пятая графа делится на девятнадцать фамилий профессоров: Каченовский, Болдырев, Давыдов, Ульрихс, Ивашковский, Снегирев, Надеждин, Кистер, Декамп, Гарве, Рубини, Петр Терновский, Победоносцев, Оболенский, Куртенер, Геринг, Кубарев, Гастев, Коркунов. Под фамилией профессора стоят отметки студента по четырехбалльной системе или указание на отсутствие его на экзамене («abs.», «по болезни», «не ходил» и т. п.).

В шестой графе «Отметка» помещаются записи о переводе студентов с курса на курс и об увольнении и исключении их из университета («остается», «перевести», «не переводить», «лишается года», «не считать года по болезни», «действительный студент», «кандидат», «уволен», «исключить» и др.).

Форма списков своекоштных студентов и слушателей отличается от списка казеннокоштных студентов отсутствием графы «Когда принят на казенное содержание» и добавлением трех незаполненных граф (перед «отметкой»): 1) «Представленные документы о происхождении»; 2) «На чьем поручительстве находится» и 3) «Означение места жительства».

Запись «уволен» означает окончание университета студентом. Запись «исключить» всегда совпадает с неудовлетворительными отметками студента или непосещаемостью им лекций (например, «не ходил весь год», «не подал табеля» и т. п.). Часто вместо слова «исключить» встречается более мягкая формулировка по-латыни: «Consilium abeundi»*. Эта формулировка применялась в тех случаях, когда университетское начальство считалось с родными студента (как, например, с Лермонтовым).

В разделе «Чиновники» находится всего 7 человек и 3 из них, получившие уже звание при окончании других университетов (магистр, кандидат).

В нашей публикации списка студентов приведены сведения об их происхождении, год поступления в университет и отметки об увольнении и исключении из университета. Для казеннокоштных студентов приводится еще дата поступления на казенное содержание.

Звездочкой отмечены студенты, вошедшие в «Биографический словарь университетских товарищей Белинского».

---

* Посоветовано уйти.

СПИСОК КАЗЕННОКОШТНЫХ СТУДЕНТОВ И ВОСПИТАННИКОВ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СЛОВЕСНОГО ОТДЕЛЕНИЯ 1832 года

* Аргеландер Николай.— Сын коллеж. сов. 1828.— На казенном содержании с 17 окт. 1828.— Действительный студент.

Белинский Виссарион.— Сын штаб-лекаря. 1829.— На казенном содержании с 17 окт. 1829.— За неуспешность не переведен на ординарные лекции.— Исключить.

Величковский Аркадий.— Сын коллеж. секр. 1831.— На казенном содержании с 30 сент. 1831.

* Востоков Владимир.— Сын свящ. 1831.— На казенном содержании с 19 нояб. 1831.

Головин Андрей.— Из обер-офицерских детей. 1830.— На казенном содержании с 23 февр. 1831.

Гостев Павел.— Сын губ. секр. 1832.— На казенном содержании с 5 мая 1832.— С 1 сент. 1829 по 20 янв. 1832 обучался в Казанском университете.

Евланов Александр.— Сын чиновника 12-го класса. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

* Заблоцкий Фаддей.— Документов не доставлено. 1831.— На счет Белорусского учебного округа.

Иванов Василий.— Сын губ. секр. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

Лавдовский Александр.— Из дух. звания. 1830.— На казенном содержании с 23 февр. 1831.

Лебедев Иван.— Из дух. звания. 1830.— На казенном содержании с 26 марта 1831.

* Максимов Константин.—Из дворян. 1830.—На казенном содержании с 23 февр. 1831.

* Матюшенков Павел.— Сын тит. сов. 1828.— На казенном содержании с 17 окт. 1828.

Михайлов Иван.— Сын губ. секр. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

* Нечай Иван.— Сын коллеж. секр. 1828.— На казенном содержании с 17 окт. 1828.

* Никольский Алексей.— Из дух. звания. 1829.— На казенном содержании с 30 сент. 1829.— Перемещен в октябре 1831 из воспитанников Медицинского института.

Патрикеев Петр.— Из дворян. 1830.— На казенном содержании с 23 февр. 1831.

Погорельский Василий.— Сын коллеж. секр. 1829.— На казенном содержании с 17 окт. 1829.

Померанцев Владимир.— Сын коллеж. регистратора. 1829.— На казенном содержании с 24 янв. 1830.

* Попов Михаил.— Сын тит. сов. 1831.— На казенном содержании с 19 нояб. 1831.

* Попов Павел.— Сын коллеж. асесс. 1830.— На казенном содержании с 23 февр. 1831.

* Прозоров Павел.— Из дух. звания. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

Протопопов Семен.— Сын коллеж. регистр. 1829.— На казенном содержании с 15 сент. 1829.

* Савинич Иван.— Из дворян. Сын прелата. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

Смирнов Михаил.— Сын свящ. 1830.— На казенном содержании с 19 нояб. 1831.

Титов Николай.— Сын тит. сов. 1829.— На казенном содержании с 7 окт. 1829.

Троицкий Михаил.— Из дух. звания. 1830.— На казенном содержании с 26 марта 1831.

Троицкий Федот.— Из дух. звания. 1831.— Окончивший курс в Ярославском Демидовском высших наук училище.

* Чистяков Михаил.— Из дух. звания. 1828.— На казенном содержании с 17 окт. 1828.— Кандидат.

СПИСОК СВОЕКОШТНЫХ СТУДЕНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СЛОВЕСНОГО ОТДЕЛЕНИЯ 1832 года

Студенты:

Агарков Григорий.— Сын коллеж. сов. 1828.— Уволен.
Алачев Федор.— Из армян. 1829.— Уволен 23 нояб. 1831.
Албини Николай.— Сын действ. стат. сов. 1828.— Уволен.
Арапетов Яков — Из дворян. 1828.— Уволен.
Аршеневский Петр.— Сын прапорщика. 1830.— Вышел??
Атарбеков Григорий.— Из армян. 1830.— Уволен 31 дек. 1831.
Ауербах Александр.— Сын провизора. 1831.
Ауербах Герман.— Сын провизора. 1831.
* Беер Алексей.— Из дворян. 1831.
Беликов Иван.— Сын свящ. 1831.
Беринг Алексей.— Сын статс. сов. 1830.
Бернард Егор.— Из иностранцев. 1825.— С 1824 по ноябрь 1828. Вторично 22 янв. 1831.— Исключить.
Бибиков Матвей.— Сын коллеж. асесс. 1830.
Бобриков Николай.— Сын губ. секр. 1829.
Богословский Василий.— Сын свящ. 1829.— Чиновник 12-го кл. Действительный студент.
* Бодянский Иосиф.— Из дух. звания. 1831.
Боргман Эдуард.— Сын садовника универс. ботанич. сада. 1830.— На демидовск. содерж.— 200 р.
Будрин Александр.— Сын свящ. 1829.— С сент. 1827 по сент. 1829 обучался в Казанском университете.
Ваграмов Григорий.— Сын армянина. 1830.
Вартанов Вартан.— Сын армянина. 1830.
Вистенгоф Иван.— Сын архивариуса. 1831.
Вистенгоф Павел.— Сын архивариуса. 1831.
Витман Александр.— Сын лекаря. 1832.— Consilium abeundi.
Гагарин кн. Валериан.— Сын тайн. сов. 1828.— Вышел.
Головачев Григорий.— Сын коллеж. асесс. 1831.
Головкин Иван.— Сын тит. сов. 1828.— Кандидат. Уволен.
* Григорьев Николай.— Сын поручика. 1828.
Добровольский Семен.— Из дворян. Сын корнета. 1826.— Кандидат. Уволен.
Дубровин Павел.— Из штаб-офицерск. детей. 1829.— Исключить.
Дурнов Владимир.— Сын майора. 1828.
Евреинов Алексей.— Из купцов. 1825.— Уволен.
Едильханов Никита.— Из армян. 1831.
Епанчин Александр.— Сын подпоручика. 1829.— Consilium abeundi.
Еринцев Григорий.— Сын тифлис. урож. 1828.
* Ефремов Александр.— Из дворян. 1829.
Заборовский Алексей.— Сын губ. секр. 1829.
* Заикин Александр.— Из дворян. 1828.— Исключить.
* Заикин Павел.— Из дворян. 1828.— Исключить. С 1 сент. 1827 по сент. 1829 обучались в Харьковск. университете, а с сего времени по 29 мая 1831 — в сем университете. Вторично приняты 1832 февр. 15.
Закревский Андрей.— Сын ген.-майора. 1828.— Кандидат. Уволен.
Зилов Дмитрий.— Сын майора. 1831.
Иванов Александр.— Сын тит. сов. 1831.— Поступил на каз. содерж. 19 окт. 1831 по Мед. отделению.
Иванов Александр.— Сын тит. сов. 1829.
Иванов Владимир.— Сын губ. секр. 1828.— Исключить.
Иванов Иван.— Сын губ. секр. 1828.— Уволен.
Иванов Николай.— Не представил документов о происхождении. С 1830 слушал лекции. По экзам.
Ирицпухов Гавриил.— Сын моздокск. урож. 1831.
Казаринов Виктор.— Из дворян. 1831.
Калантаров Никита.— Сын груз. дворянина. 1831.
Карпов Дмитрий.— Сын прапорщика. 1830.
Келер Александр.— Сын коллеж. асесс. 1831.
Киндяков Николай.— Сын тит. сов. 1829.
Кистов Рафаил.— Из армян. 1828.
Клементьев Михаил.— Сын коллеж. асесс. 1829.
* Клюшников Иван.— Сын чиновника 5-го класса. 1828.— Кандидат. Уволен.
Копытов Яков.— Сын коллеж. регистр. 1829.

Кочнев Михаил.— Сын губ. секр. 1827.— Исключить.
* Красов Василий.— Из дух. звания. 1830.
Куняев Николай.— Сын свящ. 1827.
Курка Сергей.— Из польск. дворян. 1830.
* Лебедев Кастор.— Сын губ. секр. 1828.— Кандидат. Уволен.
Левашев Василий.— Сын поручика. 1830.— Уволен 31 мая 1831.
Лепешев Петр.— Сын тит. сов. 1829.
Лермонтов Михаил.— Сын капитана. 1830.— Уволен.— Consilium abeundi.
Логинов Александр.— Из обер-офицерск. детей. 1829.
Ломанов Павел.— Сын стат. сов. 1829.
Ломидзе Мельком.— Сын тит. сов. 1830.
Лопухин Алексей.— Из дворян. 1831.— Исключить.
Львов Александр.— Сын подпоруч. 1829.
Макеровский Петр.— Сын обер-берг-гауптмана 5-го класса. 1830.
* Максимов Алексей.— Сын тит. сов. 1829.— Уволен 21 янв. 1832.
Марков Петр.— Сын свящ. 1831.
* Межевич Василий.— Сын тит. сов. 1828.— На содерж. из суммы Общ. люб. рос словесн.— 200 р.— Кандидат. Уволен.
Мин Георг.— Великобрит. подданный. 1831.
Миндерер Александр.— Сын подполковника. 1829.
Морев Арсений.— Сын тит. сов. 1830.— Исключить.
Налетов Николай.— Сын тит. сов. 1828.
Неверов Ианнуарий.— Сын губ. секр. 1828.— Кандидат. Уволен.
Нежданов Александр.— Из цеховых. 1827.— Исключен из оклада Правительств сенатом. 1827.— Уволен.
Нечаев Александр.— Сын коллеж. секр. 1831.
Никитин Евгений.— Сын тит. сов. 1831.— Consilium abeundi.
* Оболенский Иван.— Сын коллеж. сов. 1829.
Озеров Николай.— Сын поручика. 1829.
Оппель Сергей.— Сын действ. стат. сов. 1831.
* Павлюков Николай.— Сын кап.-лейт. 1831.
Панченко Василий.— Сын губ. секр. 1829.
* Петров Павел.— Сын коллеж. регистр. 1828.— Кандидат. Уволен.
Плетнев Александр.— Сын коллеж. асесс. 1831.
Покатило Николай.— Сын губ. секр. 1829.— Уволен 12 нояб. 1831.
Покровский Никита.— Из дух. звания. 1831.
Померанцев Дмитрий.— Сын коллеж. регистр. 1826.— Вышел. Исключить.
Рагузин Сергей.— Сын магазейн-вахмистра Егерск. ведомства. 1831.
Рейнгард Александр.— Сын зубного лекаря. 1831.
Рыков Александр.— Сын коллеж. секр. 1825.
Сарри Константин.— Из греков. 1829.— Consilium abeundi.
Сихель Павел.— Из иностр. Немец. нац. 1828.— Уволился. Исключить.
* Слепцов Петр.— Сын надвор. сов. 1829.— Уволен 3 мая 1832.
Смирнов Ефим.— Из дух. звания. 1829.
Смирнов Кирилл.— Из дух. звания. 1829.
Соколов Николай.— Из дух. звания. 1829.
Спасский Евгений.— Из дух. звания. 1830.— На демидовск. содерж.— 200 р.
Спекторский Александр.— Сын тит. сов. 1829.— На соколовск. содерж.— 140 р.
Сперанский Петр.— Из дух. звания. 1829.
* Станкевич Николай.— Сын поручика. 1830.
Старчиков Эраст.— Сын чиновника 9-го класса. 1830.
Стрекалов Николай.— Из дворян. 1830.
* Строев Сергей.— Сын коллеж. сов. 1831.
Сухотин Дмитрий.— Из дворян. 1831.
Тигранов Сергей.— Из армян. 1829.
Тиличеев Дмитрий.— Сын подпоручика. 1828.— Кандидат. Уволен.
Толмачев Василий.— Из дворян. 1831.
Тонкачеев Александр.— Сын поручика. 1831.
Топорнин Владимир.— Сын штабс-кап. 1830.
Топорнин Дмитрий.— Сын гвардии кап. 1831.
Убини Николай.— Из греков. 1830.
Федулов Петр.— Сын губ. секр. 1829.
Филиппов Михаил.— Из дух. звания. 1828.
Хазисов Иван.— Сын нахичеванск. урож. 1830.
Хитров Николай.— Из дворян. 1829.— На кочубеевск. содерж.— 200 р.
Ходжаев Адам.— Сын кизлярск. урож. 1830.
Ходжаев Исаак.— Сын кизлярск. дворянина. 1828.
Цветаев Сергей.— Сын стат. сов. 1828.
Цвецинский Степан.— Из дворян. 1831.— Исключить.
Челищев Михаил.— Из дворян. 1831.

Черепанов Андрей.— Сын стат. сов. 1828.— На демидовск. содерж.— 200 р.— Кандидат. Уволен.
Черепанов Матвей.— Сын стат. сов. 1828.— На демидовск. содерж.— 200 р.— Уволен.
Черкезов Иосиф.— Сын астраханск. армян. протоиерея. 1831.
Шеншин Василий.— Сын камер-юнкера. 1829.
Шошин Дмитрий.— Сын коллеж. секр. 1831.
Якубовский Николай.— Сын кап. 1831.
Ямщиков Александр.— Сын тит. сов. 1829.— Consilium abeundi.

Слушатели:

Алабов Михаил.— Уволенный из мещан. 1831.
Александров Василий.— Из вольноотпущ. 1829.— Consilium abeundi (по уставу).
Барышев Ефрем.— Уволенный из купечества. 1831.
Беляев Федор.— Из мещан. 1829.
Бредихин Александр.— Из вольноотпущ. 1830.
Бродников Геннадий.— Уволенный из купечества. 1829.
Бродников Никанор.— Уволенный из купечества. 1829.
Будь-добрый Николай.— Уволенный из купечества. 1831.
Васильев Иван.— Из мещан. 1830.— Consilium abeundi.
Гончаров Иван. } Уволенные из купечества. 1831.
Гончаров Николай. }
Засыпкин Александр.— Из купечества. 1829.— Consilium abeundi.
Иванов Никанор.— Из мещан. 1830.— Consilium abeundi.
Кони Федор.— Уволенный из мещан. 1829.— С 1827 по март 1831 слушал медицинские лекции.
Кошелев Валериан.— Из купечества. 1831.
Красовский Иван.— Из купечества. 1829.
Крылов Николай.— Из купечества. 1831.
Любомирский Николай.— Из купечества. 1830.
Молчанов Александр.— Из цеховых. 1830.
Мошковцев Егор.— Из купечества. 1830.
Осипов Гавриил.— Из мещан. 1830.
Перемышлевский Михаил.— Из мещан. 1828.
Петров Василий.— Из мещан. 1829.— Consilium abeundi.
Петров Петр — Из купечества. 1829. — Исключить.
Писцальников Николай.— Из купечества. 1830.
Попов-Раненбургский Алексей.— Из купечества. 1828.
Пуговошников Иван.— Из купечества. 1827.
Пуговошников Николай.— Из купечества. 1828.
Серчевский Евграф.— Из мещан. 1829.
Стародубский Николай.— Из купечества. 1829.
Суровцев Федор.— Из мещан. 1831.
Турунов Михаил.— Из купечества. 1829.— Уволен 22 апр. 1832.
Чернецкий Лев.— Из мещан. 1830.
Якоби Павел.— Из мещан. 1826.— Исключить.

Чиновники:

Бернгард Николай.— Губ⟨ернский⟩ регистр⟨атор⟩. 1831.
Волков Александр.— Губ⟨ернский⟩ регистр⟨атор⟩. 1831.
Шильдбах Александр.— Канцеляр. 1831.
Штейнберг Дмитрий.— Губ⟨ернский⟩ регистр⟨атор⟩. 1831.

Сверх того лекции посещали присланные из Белорусской и Литовской Греко-Униатских епархий:

Магистры:

Гомалецкий Николай.— Канцел. 1831.
Копецкий Венедикт.— Канцел. 1831.

Кандидат:

Малевич Александр.— Канцел. 1831.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ТОВАРИЩЕЙ БЕЛИНСКОГО

Составили В. Гурьянов и В. Сорокин

Задача настоящей работы, на основании не тронутых ранее исследователями архивных материалов, дать представление об университетских товарищах великого критика, об их идейных интересах, вкусах, характерах и по возможности осветить их взаимоотношения с Белинским.

Большинство этих студентов — сыновья мещан, купцов, священников, будущие педагоги и врачи — являлись представителями молодой разночинной интеллигенции. Поэтому они имеют для нас особенный интерес как непосредственное окружение молодого Белинского.

В основу этой работы положено более 150-ти дел (хранящихся в архиве Московского университета) о 54-х студентах. В настоящий словарь включены все студенты, знакомство с которыми Белинского в университете нам удалось установить. Они могут быть разделены на несколько групп.

В первую и самую большую группу входят студенты, которые были знакомы с Белинским еще в Пензе и учились с ним в гимназии. Она состоит из 23 студентов. Из них шесть (Н. Григорьев, Д. Каширин, К. Лебедев, В. Терентьев, Ф. Шагаров и Ю. Ягн) поступили в университет раньше Белинского, шесть (П. Архипов, А. Максимов, А. Протопопов, А. Слепцов, Н. Слепцов и П. Слепцов) — одновременно с ним, шесть (М. Борщов, Д. Иванов, П. Казицын, К. Максимов, П. Попов, К. Цветков) — в 1830 г. и пять (В. Востоков, К. Гвоздев, Н. Павлюков, М. Попов, А. Федосеев) — в 1831 г. Из этой группы только шесть (Н. Григорьев, Д. Каширин, К. Лебедев, В. Терентьев, Ю. Ягн и Д. Иванов) были до сих пор известны как университетские товарищи Белинского.

Вторая группа — «литературное общество 11 нумера», организованное Белинским и М. Б. Чистяковым. В нее входят: Н. Аргилландер, Н. Григорьев (которого мы упомянули в первой группе), П. Матюшенко, И. Нечай, П. Петров и М. Чистяков, поступившие в университет в 1828 г., а также П. Прозоров, В. Саренко и И. Савинич — в 1829 г. Первую попытку раскрыть всех членов «11 нумера» на основании архивных материалов предпринял М. Поляков в работе «Белинский в Московском университете» (М., 1947). Им раскрыты Н. Григорьев и М. Чистяков (Д. С. Протопопов им приводится ошибочно вместо А. А. Протопопова). Сведения об этих девяти студентах (включая и Н. Григорьева) дают новый материал для исследователей кружка «11 нумера».

Третья группа состоит из 11 человек — членов кружка Н. Станкевича: И. Клюшникова и В. Ржевского, поступивших в университет до 1829 г., П. Клюшникова и И. Оболенского — в 1829 г., Н. Станкевича, А. Ефремова, В. Красова, Я. Почека — в 1830 г., И. Бодянского и С. Строева — в 1831 г. и К. С. Аксакова — в 1832 г. Последнего, поступившего в университет уже после исключения оттуда Белинского, мы включили для полноты представления об этом кружке. Однако в эту группу нами не включен Я. М. Неверов, знакомство с которым Белинского до осени 1832 г. не доказано. Весной 1833 г. Неверов уехал в Петербург.

Как известно, с членами кружка Станкевича, в том числе и с Белинским, была в близких отношениях семья Бееров. Это позволило нам ввести в словарь Алексея Беера, который учился в университете с 1831 г.

Четвертая группа состоит из членов «тайного польского литературного общества» — Ф.Заблоцкого, И.Савинича (фигурирующего во второй группе), А. Белецкого, К. Коссовича и Л. Макса. Это тайное общество также связано с Белинским. С двумя его членами (Ф. Заблоцким и И. Савиничем) Белинский был знаком во время пребывания в университете. Остальные трое (А. Белецкий, К. Коссович, Л. Макса), хотя и поступили в университет в 1832 г., т. е. когда Белинского там уже не было, включены нами для полноты представления об этом не известном до настоящего времени обществе.

В последнюю, пятую, группу входят семь человек: П. Каменский, В. Межевич, поступившие в университет в 1828 г., А. Аваев, А. Никольский и братья Заикины — в 1829 г. и Н. Вологжанинов — в 1830 г. Эти студенты не были членами ни одного кружка, но факт знакомства с ними Белинского не лишен интереса. Почти все они до сих пор не были известны как университетские товарищи Белинского.

Кроме перечисленных лиц, как нами установлено по материалам архива Московского университета, в нем учились некоторые пензенцы. Это ученики пензенской духовной семинарии: Григорий Иванович Кологривов (поступил в университет в 1828 г.), Василий Иванович Россонский (учился в 1830—1835 гг.) и Андрей Алексеевич Любимов (поступил в 1831 г.). С осени 1830 г. до сентября 1831 г. на нравственно-политическом отделении учились: сын отставного генерал-майора, пензенского поме-

щика, Лаврентия Афанасьевича Безобразова — Николай Лаврентьевич Безобразов (р. 1814 г.) и пензенец Петр Кудинов (данных о котором разыскать не удалось). Н. Безобразов и П. Кудинов в мае 1831 г. ездили на летние каникулы в Пензу. Все эти студенты не включены нами в словарь за отсутствием доказательств об их знакомстве с Белинским.

Будучи студентом, Белинский был связан в Москве с некоторыми пензенцами, не учившимися в университете. Это — Иван Николаевич Владыкин (учившийся в Университетском благородном пансионе) и Николай Евграфович Иванисов (автор воспоминаний о Белинском). Иванисов дважды пытался поступить в университет: в 1831 и 1832 гг., но не был принят, так как не сдал вступительных экзаменов. Николай Алексеевич Ишутин, соученик Белинского по Пензенской гимназии, также пытался поступить в университет; 17января 1831 г. он подал прошение в правление университета, но не явился сдавать приемные экзамены. Его имя встречается в письме Белинского к брату Константину от 27 января 1832 г.

Белинский мог общаться в Москве также со многими бывшими учениками Пензенской гимназии, поступившими в московское отделение Медико-хирургической академии. В делах канцелярии Академии (хранящихся ныне в МОГИА) встречаются фамилии пензенцев — Коновалова, Иванова, Кашаева, Васильева и Ягна.

Есть основание предполагать, что Белинский, как и П. Я. Петров, был знаком с окончившим в 1829 г. университет, будущим известным славистом и этнографом, Юрием Ивановичем Венелиным. Мы полагаем, что встречающееся в письмах П. Петрова к Белинскому имя Юрия Ивановича относится не к Юлию Ягну, как указывает комментатор этих писем Н. Л. Бродский, а к Венелину.

В круг знакомых Белинского в 1832 г., повидимому, вошел бывший студент Казанского университета (1829—1832), а с мая 1832 г. — словесного отделения Московского университета — Павел Гостев (р. 1810 г.). В октябре 1834 г. по ходатайству Голохвастова он был послан к московскому коменданту для отправки в 4-й пехотный корпус за самовольную отлучку в г. Владимир к родителям (МОГИА, ф. 459, оп. 23, св. 164, д. № 263—1834 г., лл. 1—19). В университете он познакомился с Ф. Заблоцким, И. Савиничем и др. Однако его отношения с Белинским пока неизвестны.

Для удобства пользования словарем фамилии студентов расположены в нем не по указанным выше группам, а в алфавитном порядке.

Составители приносят благодарность М. С. Куликовской (внучке Д. П. Иванова), М. В. Нечкиной и С. С. Дмитриеву за данные ими ценные указания.

Аваев Арсений Дмитриевич (1810 — после 1875) — врач.

Сын тверского мещанина. Прошение его о приеме на медицинское отделение рассматривалось одновременно с прошением Белинского 17 октября 1829 г. В принадлежавшей Белинскому тетради с копиями стихотворений Аваев написал: «Записная книжка Виссариона Белинского; свидетельствую Арсений Аваев». Окончил университет в июне 1832 г. со званием лекаря 1-го отделения. Впоследствии получил степень доктора медицины. В 1862 г. исполнял должность дивизионного врача 2-й гренадерской дивизии. В 1860—1870-х гг.— дивизионного врача 35-й пехотной дивизии.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 60—1829 г. «О принятии в студенты Арсения Аваева», лл. 1—8; АМГУ, ф. ДР, т. 7—1829 г., л. 39—39 об.; АМГУ, ф. МФ, д. № 45—1830 г. «Третние ведомости об успехах учащихся за 1829 академический год», лл. 1—17; д. № 46—1830 г. «Ведомости об успехах учащихся за 1829 академический год», лл. 1—28; д. № 51—1833 г. «Об экзаменах казенных, своекоштных студентов и слушателей на звание лекаря», л. 21.

См.: Белинский—I, 3; К. Д. Головщиков. Деятели Ярославского края. Ярославль, 1898, вып. I, стр. 27; «Русский провинциальный некрополь», М., 1914, т. I, стр. 3 (неверно указан год смерти — 1870. Как видно из «Ярослав. губ. вед.», 1875, № 27 от 3 апр., Аваев был членом о-ва врачей Ярослав. губ. в 1875 г.).

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — известный публицист-славянофил.

В октябре 1832 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет 10 октября 1835 г. со степенью кандидата словесных наук. В своих записках «Воспоминание студентства» он писал: «Еще будучи на первом курсе, познакомился я через Дмитрия Топорнина с Станкевичем, бывшим на втором курсе <...> У Станкевича собирались каждый день дружные с ним студенты его курса и, кроме их, вышедшие прежде некоторые его товарищи, из которых замечательнее других Ключников; в первый раз также видел я там Петрова (санскритолога) и Белинского».

См.: К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1832—1835 годов, СПб., «Огни», 1911, стр. 9, 17; «Отчет имп. Моск. университета с 1 янв. 1835 по 1 янв. 1836 г.», стр. 44.

Аргилландер Николай Андреевич (р. 1812 г.) — автор воспоминаний о Белинском.

Сын коллежского советника, 24 сентября 1828 г. поступил в университет, а 17 октября 1828 г. был принят в число казеннокоштных студентов словесного

отделения. По словам Аргилландера, он жил в студенческом общежитии в одной комнате с Белинским, М. Б. Чистяковым, И. М. Нечаем, П. П. Матюшенко и В. С. Саренко. В 1829/30 учебном году слушал лекции вместе с Белинским. Окончил университет в 1832 г. со званием действительного студента. В 1839 г. был учителем русского языка и чистописания в Везенберге (Дерптск. учебн. округ). Последний раз с Белинским виделся в Петербурге в 1844 г. Возможно, что именно он в 1868—1870 гг. служил почтмейстером в г. Барнауле Томской губ.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 123—1828 г. «О принятии в университет в студенты Николая Аргилландера», лл. 1—7; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 175—1832 г. «Об определении учителем в Баусское или Газеннопское уездное училище действительного студента Николая Аргелландера», лл. 1—2; АМГУ, ф. ЖС — 1832 г., 31 августа, п. 5; АМГУ — ЖСО за 1829—1830 и 1831—1832 гг.

Арг — БВС, стр. 68—71; «Месяцеслов и общие штаты Российской империи на 1839 г.», ч. I, стр. 578; «Адрес-календарь на 1868 г.», ч. II, стр. 388; на 1869 г., ч. II, стр. 400; на 1870 г., ч. II, стр. 436.

Архипов Павел Иванович (1811— после 1860-х гг.) — земляк Белинского. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1829 гг.). А. Ф. Максимов сообщал Белинскому в письме от июня — июля 1829 г., что ему придется ехать в Москву вместе с Архиповым. 2 сентября 1829 г. Архипов был принят на нравственно-политическое отделение. Окончил университет 30 июня 1833 г. со званием действительного студента. В 1849 г. был внесен в список дворян Пензенской губ., а в 1887 г. — Московской губ. Впоследствии служил в Москве в должности юриста.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 83—1829 г. «О принятии в студенты Павла Архипова», лл. 1—4; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 246—1833 г. «Об увольнении из университета действительного студента Павла Архипова», лл. 1—6.

БСб, стр. 169, 177—182, 184—190, 196, 228; Белинский. «Письма», III, 422; БКр, стр. 192; «Моск. ведомости», 1830, № 97, от 3 декабря; «Родословная книга дворянства Московской губернии», М., 1910, т. I, стр. 69; М. В. Голицын. Московский университет в 1860-х гг. — «Голос минувшего», 1917, № 11—12, стр. 206—209.

Беер Алексей Андреевич (р. 1815).

Сын статского советника. Друг Н. В. Станкевича, двоюродный брат студента В. К. Ржевского. В сентябре 1831 г. был принят на словесное отделение. В 1833 г. уволился из университета. Белинский часто бывал у Бееров.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 274—1831 г. «О принятии в студенты учеников Московской гимназии Якова Егорова, Александра Беэра, Александра Ефремова, Михаила Саханского и в слушатели Павла Добровольского», лл. 1—19; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 290—1833 г. «Об увольнении из университета студента Александра Беера», лл. 1—5.

См.: «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 445.

Белецкий Александр Павлович (1815— после 1841).

Сын титулярного советника. 10 октября 1832 г. был принят на словесное отделение. Член тайного польского литературного общества, с которым был связан Белинский. Окончил университет в 1835 г. со степенью кандидата словесных наук. Белецкий был дружен с членом «литературного общества 11 нумера» М. Б. Чистяковым. Близко сошелся Белецкий и с К. С. Аксаковым. «Желая поскорее осуществить юношеское товарищество на деле,— вспоминал К. Аксаков,— я выбрал четырех из товарищей, более других имевших умственные интересы, и заключил с ними союз». Первым из этих четырех был Белецкий, которого друзья звали «паном». «Белецкий был человек очень образованный и умный, с глубоким сосредоточенным жаром, читавший с восторгом Мицкевича...», так характеризовал его далее Аксаков. Впоследствии Белецкий занимался педагогической деятельностью в Минске. Находился в длительной переписке с М. П. Погодиным. В письме к Погодину от 1 июля 1841 г., жалуясь на свое незавидное положение, он писал «Уже кончается пятый год, как служу младшим учителем и несмотря на все усилия и многократные просьбы я до сих пор не мог получить места старшего учителя, которое впрочем мне следовало, как кандидату московского университета, пять лет тому назад».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 179—1832 г. «О принятии в университет в студенты Александра Белецкого», лл. 1—5; АМГУ, ф. РД, д. № 35—36 «Об отсылке в Департамент народного просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах Университета», л. 73; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 231—1835 г. «О выдаче аттестата кандидату Александру Белецкому», лл. 1—3.

См.: К. Аксаков. Воспоминание студентства 1833—1835 гг., СПб., 1911, стр. 4.

Письма Белецкого хранятся в архиве Погодина (ЛБ). См. его приписку в письме Е. Ф. Вагнер от 18 июля 1835 г. и письма от 28 июля 1835 г., 15 ноября 1839 г., 21 января 1840 г., 1 июля 1841 г.

Бодянский Иосиф (Осип) Максимович (1808—1877) — известный славист. Из духовного звания. 25 декабря 1831 г. был принят на словесное отделение. В 1831/32 учебном году слушал лекции вместе с Белинским. Познакомился с Белин-

ским и Петровым, повидимому, в кружке Станкевича. Окончил университет 30 июля 1834 г. со степенью кандидата словесных наук. Бодянский сотрудничал одновременно с Белинским в «Телескопе», делая для журнала переводы с немецкого и чешского языков.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 344—1831 г. «О принятии в студенты Иосифа Бодянского, окончившего курс в Полтавской семинарии», лл. 1—12; АМГУ, ЖСО за 1831—1832 гг.; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 81—1834 г. «О представленном свидетельстве студентом Иосифом Бодянским о рождении его»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 292—1834 г. «О неявке к получению благотворительного содержания кандидата Бодянского и действительного студента Иванова»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 221—1835 г. «О выдаче аттестата кандидату Иосифу Бодянскому».

БКр, стр. 230—231; Н. К. Козмин. Николай Иванович Надеждин, СПб., 1912, стр. 364.

Борщев Михаил Иванович (1813—ок. 1900) — земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1830 гг.). 1 сентября 1830 г. был принят на медицинское отделение. Окончил университет в октябре 1835 г. со званием лекаря 2-го отделения. С 1840 по 1854 г. и с 1858 по 1860 г. числился лекарем в «Российских медицинских списках». С 1871 по 1900 г. был лекарем в Туле. В 1881 г. внесен в список дворян Тульской губ., а в 1889 г.— Московской губ.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 38—1830 г. «О принятии в университет в студенты Михаила Борщова», лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 52—1832 г. «О выдаче свидетельства св〈оекоштному〉студенту Михаилу Борщову на получение из Московского уездного казначейства денег 1000 руб.», лл. 1—2; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 268—1835 г. «Об утверждении в звании лекарей: Николая Александровского, 〈...〉 Михаила Борщова 〈... и др.〉», лл. 1—2 и ф. МФ, д. № 59—1835 г. «О лекарском экзамене. Том первый», л. 57.

БСб, стр. 169, 179—190, 195, 201—205, 210, 218, 220 и 226; РМС (указанных годов); «Родословная книга дворянства Московской губернии», М., 1910, т. I, стр. 164.

Вологжанинов Николай Иванович (1811—1838).

Окончил Моск. практическую коммерческую академию 27 августа 1828 г. В августе 1830 г. подал прошение в университет, куда и был принят в сентябре слушателем на нравственно-политическое отделение (которое в 1835 г., по новому уставу университета, было преобразовано в юридический факультет). Окончил университет 9 июня 1836 г. со званием действительного студента. Однако аттестат Н. И. получил не сразу, а после исключения его Правительствующим сенатом из податного состояния. Сенатский указ об этом последовал лишь 14 декабря 1837 г., а получил аттестат Н. И. 18 январ‹ 1838 г. Знакомство Белинского с Н. И. и его родными произошло, повидимому, через Д. П. Иванова, учившегося вместе с ним на одном курсе. В августе 1836 г., когда Белинский уехал в Премухино к М. А. Бакунину, Н. И. жил у него на квартире и присутствовал при обыске у Белинского, в связи с закрытием «Телескопа». Как указывает Лемке, Н. И. ничего существенного при допросе не сказал. Жил он на квартире Белинского до июля 1837 г. Скончался после продолжительной болезни 30 июля 1838 г.

В дальнейшем упоминания фамилии Вологжанинова в письмах Белинского относятся к его брату Ивану Ивановичу, а не к Н. И., как указано Е. А. Ляцким.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 118—1830 г. «О принятии в слушатели Николая Вологжанина» (фамилия искажена), лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 297—1837 г. «О выдаче аттестата действительному студенту Николаю Вологжанинову», лл. 1—10.

См.: Белинский. «Письма», I, 76, 100; М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., СПб., 1908, стр 423. Лемке говорит о действительном студенте Вологжинине. В том, что это был Вологжанинов, нет никакого сомнения. Как мы установили на основании архивных данных, в университете в конце 1820-х— начале 1830-х гг. никакого студента Вологжинина не было. В то же время фамилию Н. И. университетские писари неоднократно искажали (например см. выше).

Востоков (Покровский) Владимир Федорович (1807 — после 1839) — земляк Белинского.

Сын священника. Учился первоначально в Пензенской духовной семинарии (1824—1830 гг.). Сохранилось два письма Востокова к Белинскому (от 13 января и 4 марта 1830 г.), в которых он сообщал о поездке пензенских товарищей А. С. Голубинского и М. С. Меридианова в Казань для поступления в университет. Одновременно он просил Белинского рассказать о московском университете, куда сам намеревался поступить. В 1831 г. был принят в число казеннокоштных студентов словесного отделения. В 1831/32 учебном году слушал лекции вместе с Белинским. Окончил университет в 1834 г. со званием действительного студента. С 18 июня 1834 г. был учителем российской грамматики в Рязанском уездном училище. 29 сентября того же года был переведен в Смоленскую гимназию, где служил и в 1839 г. В 1831 г. Московский цензурный комитет разрешил Востокову издать рукопись «Мой цветок на могилу русских, умерших холерою» (на 11 стр.).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 94—1834 г. «Об истребовании из разных консисторий о студентах сведений о рождении», лл. не указаны; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 229—1831 г «О принятии в университет в студенты Владимира Востокова», лл. 1—4; АМГУ, ф. ФС т. 2—1838 г., № 1394 и 1839 г., л. 158; АМГУ, ЖСО за 1831—1832 гг.; МОГИА ф. 31, оп. 1, д. № 13—1831 г., лл. 102 об.—103.

БКр, стр. 41—44, 47.

Гвоздев Константин Иванович (1812 — после 1851) — земляк Белинского.

Сын купца. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1830 гг.). 31 августа 1831 г. был принят в число казеннокоштных студентов медицинского отделения. 10 октября 1835 г. уволен с казенного содержания. Окончил университет в 1838 г. со званием лекаря 3-го отделения. В 1842 г. служил врачом в Инсар Пенз. губ. С 1840 по 1851 г. числился лекарем в «Российских медицинских списках»

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 105—1831 г. «О принятии в университет в слушатели Константина Гвоздева», лл. не указаны; АМГУ, ф. РД, д. № 57 «Отчет о студентах и слушателях университета за 1833 год и о проч.», л. 36; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 329—1838 г. «О выдаче лекарю Константину Гвоздеву аттестата об учении», лл. 1—8.

БСб, стр. 167, 194, 208, 218, 221, 227; «Месяцеслов и общие штаты Российской империи на 1842 год», ч. II, стр. 141; РМС (указанных годов).

Григорьев Николай Львович (1810—1900) — земляк Белинского.

Сын поручика. Поступил в Пензенскую губернскую гимназию годом раньше Белинского (1824). Окончил ее в 1828 г. 24 сентября 1828 г. был принят на нравственно-политическое отделение. В письме к Белинскому от 4 июля 1829 г. из Пензы А. Иванисов назвал Н. Л. Григорьева «приятелем» Белинского. Вместе с другими студентами-земляками Белинского — Ю. И. Ягном и В. И. Терентьевым, уговорил Белинского поступить в университет. В 1829 г. перешел на словесное отделение, куда поступил и Белинский. В 1831 г. перевел роман итальянского революционера Уго Фосколо «Избранные письма Якова Ортиса» (вышел в свет в ноябре 1831 г.). Окончил университет лишь в 1833 г. со званием действительного студента, так как из-за слабой успеваемости был оставлен на второй год.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 161—1828 г. «О принятии в университет в студенты Николая Григорьева», лл. 1—8; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 254—1829 г. «О переводе студентов в другие отделения», лл. 10—11; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 253—1833 г. «Об увольнении из университета действительного студента Николая Григорьева», лл. 1—6; АМГУ — ЖСО за 1831—1832 гг.

БСб, стр. 170—196, 210; БКр, стр. 68; Белинский. «Письма», I, 9 и III, 423; А. Храбровицкий. Белинский и роман итальянского революционера.— «Огонек», 1948, № 31, стр. 24 (публикатор не заметил посвящения переводчика, а не переводчиков. У нас нет основания считать этот перевод 1831 г. трудом, предпринятым Белинским, Петровым и Григорьевым в 1829 г.); Некролог. Н. Л. Григорьев. — «Правительственный вестник», 1900, № 18, от 23 января, стр. 3.

Ефремов Александр Павлович (1814—1876) — приятель Белинского.

1 сентября 1830 г. был принят на словесное отделение. Курс, на котором он учился, по замечанию К. С. Аксакова, был «богат людьми, более или менее замечательными: Станкевич, Строев, Красов, Бодянский, Ефремов, Толмачев...» Входил в кружок Станкевича, где, повидимому, и познакомился с Белинским. 23 июня 1834 г. окончил университет со степенью кандидата. С 1835 по 1839 гг. служил актуариусом в комиссии печатания государственных грамот и договоров при Моск. главн. архиве Министерства иностранных дел. Летом 1837 г. сопровождал Белинского в поездке на Кавказ. Присутствовал при смерти Станкевича в 1840 г. в Италии. С 1839 г. по 1843 г. изучал географические дисциплины в Берлине. Получил степень доктора философии в Иенском университете. Возвратившись в Россию, получил кафедру всеобщей географии в Московском университете, которую занимал до января 1848 г. Находился в переписке с Белинским.

Ист.: Во всех биографических словарях год рождения А. П. Ефремова — 1815. Мы указываем 1814, основываясь на метрическом свидетельстве Ефремова, хранящемся в его личном деле.

АМГУ, ф. II, 1 с., д. № 30—1830 г. «О принятии в Университет в студенты Александра Ефремова», лл. 1—7; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 283—1834 г. «Об увольнении из университета кандидата Александра Ефремова», лл. 1—7.

См.: К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1832—1835 годов, СПб., 1911, стр. 19; Д. Н. Анучин. География в Московском университете за первое столетие его существования.—«Землеведение», 1917, кн. III—IV, стр. 23—43; БКр, стр. 48—53; Письма Белинского к Ефремову.— Белинский. «Письма», I—II.

Заблоцкий Фаддей (Zabłockij Tedeus Łada) (1811—1847).

Сын польского дворянина. Окончил Витебскую гимназию, после чего стал ходатайствовать о поступлении в университет. Хлопоты перед министром народного просвещения взял на себя Г. И. Карташевский — попечитель Белорусского учебного

округа, к которому впоследствии (в 1833 г.) обратился Белинский с просьбой устроить его учителем в Белоруссии. Карташевский просил разрешения послать Ф. Заблоцкого в университет за счет Белорусского учебного округа с условием, что он после окончания университета прослужит шесть лет учителем в Белоруссии. 26 октября 1831 г. он был зачислен казеннокоштным студентом словесного отделения. В 1831/32 учебном году слушал лекции вместе с Белинским. В университете вошел в польское литературное общество И. С. Савинича. 29 июня 1833 г., по распоряжению моск. военного генерал-губернатора, был арестован, а 29 августа исключен из университета. См. об этом подробно на стр. 373—376 наст. тома.

Ист.: АМГУ, ф. РД, д. № 23—1833 г. «Об отсылке в Департамент народного просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах университета», л. 8; АМГУ, ф. П, 2 с., д. № 225—1831 г. «О принятии на казенное содержание ученика Витебской гимназии Фадея Заблоцкого», лл. 1—15; АМГУ, ф. РД, д. № 73—1834 г. «О предании суду студента Фадея Заблоцкого за тайное общество», лл. 1 — 2; АМГУ, ф. П, 2 с., д. № 192—1833 г. «Об исключении из сего университета студента Фадея Заблоцкого, находящегося на иждивении Белорусского учебного округа», лл. 1—4; АМГУ, ЖСО за 1831—1833 гг.

Заикин Александр Федорович (1810-е гг.—после 1885).

9 сентября 1827 г. был принят на словесное отделение Харьковского университета. 21 сентября 1829 г. перевелся на то же отделение Московского университета. В мае 1831 г. подал прошение об увольнении из университета ввиду поступления на службу и 29 мая был отчислен. В феврале 1832 г. подал заявление об обратном приеме в университет, а в мае того же года вновь просил университетское начальство об увольнении. Посещал университетские лекции вместе с Белинским. Белинский упоминает А. Ф. Заикина в письме к Боткину от 30 ноября 1839 г. Старший брат Заикина — Н. Ф. Заикин — декабрист. Другой брат — Павел (см. ниже)—друг Белинского.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 85—1829 г. «О принятии в студенты Якова Долматова, Григория Похвиснева, Павла и Александра Заикиных», лл. 1—18; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 18—1831 г. «О принятии в студенты Александра Заикина и Павла Заикина»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 3—1832 г. «О принятии в студенты вторично Павла и Александра Заикиных по возвращении им свидетельств об учении с увольнением их от Университета».

См.: «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, Л., 1925, стр. 22, 85—86, 123—124, 318; Белинский. «Письма», II, 10. В архиве М. Н. Каткова (ЛБ) имеются 4 письма А. Ф. Заикина 1842—1885 гг.

Заикин Павел Федорович (1810-е гг.— после 1846). Друг Белинского.

Учился сначала в Харьковском (1827—1829), а затем в Московском (1829—1832) университетах. Белинский, вероятно, еще в университете познакомился с П. Ф. Заикиным, а сблизился в конце октября 1839 г. С декабря 1839 г. по 11 мая 1840 г. они жили вместе. До нас дошло шесть писем П. Ф. Заикина к Белинскому 1840—1846 гг. Белинский в своих письмах также часто упоминает П. Ф. Заикина.

Ист.: См. Заикин А. Ф.

БКр, стр. 53—63; Белинский. «Письма», II (по указателю). А. Я. Панаева. Воспоминания. М., 1948, стр. 14, 136, 448. В архиве М. Н. Каткова (ЛБ) имеется 6 писем Заикина 1841—1846 гг.

Иванов Дмитрий Петрович (1812—1880-е гг.) — родственник и земляк Белинского, автор известных воспоминаний о юности критика.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1826—1830 гг.). В сентябре 1830 г. был принят на нравственно-политическое отделение, где еще больше сблизился с Белинским. Пензенские товарищи часто посылали Белинскому письма через Иванова. П. Я. Петров — один из близких университетских друзей Белинского, помогал Иванову в изучении французского языка. Окончил университет 30 июля 1834 г. со званием действительного студента. В феврале 1835 г. подал прошение в правление университета с просьбой разрешить ему слушать лекции еще год для получения степени кандидата наук. Разрешение ему было дано, но, пробыв в университете до июля 1837 г., он все же не добился этого звания. Преподавал в Моск. дворянском и Межевом институтах, а также в Институте обер-офицерских детей при Моск. воспитательном доме. Состоял в переписке с Белинским (см. «Лит. наследство», т. 57).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с, д. № 75—1830 г. «О принятии в университет в студенты Дмитрия Иванова», лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 9 — 1835 г. «О дозволении действительному студенту Дмитрию Иванову продолжать слушать лекции», лл. 1—5; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 67—1837 г. «О выдаче аттестата действительному студенту Дмитрию Иванову», лл. 1—5; АМГУ, ф. ФС — 1848 г., т. I, л. 460.

См.: Белинский. «Письма», I—III (по указателю); БКр, стр. 230.

Казицын Петр Александрович (1815— ок. 1889) — земляк Белинского.

Сын купца. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1826—1830 гг.). В августе 1830 г. держал вступительные экзамены в университет и был

зачислен на медицинское отделение 27 ноября того же года. Окончил университет 4 сентября 1835 г. со званием лекаря 1-го отделения и как бывший казеннокоштный студент был определен 5 октября 1835 г. на службу батальонным лекарем в Белостокский пехотный полк. В 1840—1889 гг. числился лекарем в «Российских медицинских списках».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 90—1830 г. «О принятии в университет в слушатели Петра Козицына», лл. 1—6; АМГУ, ф. РД, д. № 23—1834 г. «Об отсылке в Департамент нар. просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах университета», л. 16; МОГИА, ф. 31, оп. 1, д. № 13 — 1831 г., лл. 54 об. — 55; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 236—1835 г. «Об утверждении лекарями Козицина... ⟨и др.⟩», лл. 1—2; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 260—1835 г. «Об определении на службу казенных лекарей Казицына ⟨... и др.⟩», лл. 2—7.

БСб, стр. 168, 194, 208, 218, 220, 226, 232, 233, 236; РМС (указанных годов).

Каменский Павел Павлович (1812—1870)—писатель-беллетрист.

3 сентября 1828 г. был принят на словесное отделение. Выбыл из университета 7 августа 1831 г. В университете был знаком с Герценом, Огаревым и Костенецким. Участник «маловской истории». По словам Я. И. Костенецкого, «за какие-то свободные разговоры был удален из университета и послан в военную службу на Кавказ, в Грузинский гренадерский полк», где тот «с ним и встретился в 1838 году, в одной из экспедиций в Чечне». В 1840-х гг. был заместителем цензора драматических сочинений в III Отделении (вместе со школьным учителем Белинского М. М. Поповым, который служил там же чиновником особых поручений). Белинский дал резко отрицательную оценку творчества Каменского.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 149—1828 г. «О принятии в университет в студенты Павла Каменского», лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 50—1831 г. «Об увольнении от университета Павла Каменского», лл. 1—3.

См.: «Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1842 г.», ч. I, стр. 19; Я. Костенецкий. Воспоминания из моей студенческой жизни.— «Русский архив», 1887, № 2, стр. 110. Белинский. Соч. III, 421—423; IV, 232—235; V, 15—21; VII, 399—400; XIII, 36—37; «Письма», I, 213, 215, 321; II, 27.

Каширин Дмитрий Федорович (1810—после 1874)— земляк Белинского.

Сын мещанина. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1826 гг.). В сентябре 1826 г. принят вольнослушателем на нравственно-политическое отделение. В письме к П. П. и Ф. С. Ивановым от 13 января 1831 г. Белинский писал: «Об себе скажу, что я нынешний год живу лучше, нежели прошлый ибо прервал все связи с подлецами, бездельниками и дураками и вообще веду себя благоразумнее. Петровым, Протопоповым, Кашириным и вашими молодцами, с которыми стоит Попов, ограничивается круг моего короткого знакомства». Впоследствии в письме к М. П. Погодину Каширин поделился воспоминаниями о Белинском-студенте (см. стр. 336). Окончил университет в августе 1831 г. со званием действительного студента, после чего служил учителем в Лепельском и Пинском училищах (Белорус. учеб. округ). В 1835 г. выпустил книгу «Грамматические уроки русского языка», на которую Белинский дал неодобрительный отзыв («Молва», 1835 № 41). Имя Каширина неоднократно встречается в переписке П. Я. Петрова с Белинским. В 1874 г. был начальником и преподавателем истории в Ковенской женской гимназии. В 1867—1874 гг. участвовал в издании «Археографического сборника документов, относящихся к истории северо-западной Руси».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 84—1826 г. «О принятии в вольные слушатели Дмитрия Каширина», лл. 1—3; АМГУ, ф. ЖС — 1831 г., заседание 2 сентября, стр. 782 — 783

См.: Белинский. «Письма», I, 27; БКр, стр. 225, 240—241; «Адрес-календарь на 1868 г.», ч. I, стр. 456; на 1874 г., ч. I, стр. 591; С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей. Т. III. СПб., 1914, стр. 42. Письма Каширина имеются в архиве М. П. Погодина (ЛБ).

Клюшников Иван Петрович (1811—1895) (псевдоним «Ѳ») — поэт и философ-мистик. Сотрудник «Моск. наблюдателя» и «Отеч. записок». Рано отошел от литературной деятельности.

Сын чиновника 5-го класса. 4 сентября 1828 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет в июле 1832 г. со степенью кандидата словесных наук. Был членом кружка Станкевича, куда ввел и Белинского. Его имя часто встречается в письмах Белинского и его товарищей. 1 марта 1838 г. определен старшим учителем истории в Моск. дворянский институт. В делах Совета МГУ за 1832 г. хранятся две рукописи Клюшникова. Одна на латинском яз., другая—на русском («О духе римской литературы...»).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 302—1828 г. «О принятии в студенты учеников Московской гимназии: Ивана Клюшникова ⟨... и др.⟩», лл. 1—58; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 119—1832 г. «Об увольнении от университета кандидата Ивана Клюшникова»

лл. 1—3: АМГУ, ф. ФС —1838 г., л. 397; МОГИА, ф. 418, д. 178—1832 г., лл. 61—68 и 79—84.

БКр, стр. 75.

Клюшников Петр Петрович (1812 — ок. 1861) — врач.

Брат И. П. Клюшникова. В течение нескольких лет переписывался с Белинским. 16 сентября 1829 г. был принят на словесное отделение. В 1832/33 учебном году упоминается в делах архива университета как второгодичный своекоштный студент 2-го курса медицинского отделения. Окончил университет в июне 1835 г. со званием лекаря 1-го отделения. Белинский и его товарищи считали П. Клюшникова прекрасным врачом и содействовали определению его на службу в Межевой институт. С 1838 по 1849 гг. занимался врачебной практикой в провинции, а с 1849 г.— в Москве. В 1840—1861 гг. числился вначале лекарем, а затем доктором в «Российских медицинских списках». В 1845 г. получил степень доктора медицины.

Ист.. АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 77—1829 г. «О принятии в студенты Петра Клюшникова», лл. 1—5; АМГУ, ф. МФ, д. № 40—1833 г. «Ведомости об успехах учащихся за весь 1832-й академический год», л. 6; АМГУ, ф. РД, д. № 1—1834 г. «О доставлении отчета в Совет университета за 1834 год о студентах и слушателях», л. 23; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 306—1835 г. «Об удостоении в звании лекарей Петра Клюшникова 〈... и др.〉», лл. 1—2.

См.: Белинский. «Письма», I, 206; БКр, стр. 78; А. В. Змеев. Русские врачи-писатели, СПб., 1896, вып. 1, стр. 147; РМС (указанных годов).

Коссович Каетан Андреевич (1815—1883) — известный профессор-востоковед.

Сын священника. 10 ноября 1832 г. был принят на словесное отделение. Учился за счет Белорус. учебн. округа. В университете вступил в тайное польское литературное общество. Еще в студенческие годы начал печататься в «Молве». Летом 1835 г., вместе с Белинским, подготовлял К. Д. Кавелина к поступлению в университет (Белинский давал уроки русского языка и словесности, истории и географии, а Коссович — греческого языка). Окончил университет в августе 1836 г. со степенью кандидата словесных наук. По окончании университета Коссович обратился в правление с просьбой оставить его при университете для «достижения высшей научной степени». Правление положительно отнеслось к его просьбе, но министерство просвещения резко воспротивилось этому. 23 ноября оно прислало распоряжение назначить Коссовича в могилевскую гимназию. Вошедший позже в кружок Станкевича, Коссович пользовался уважением Белинского, Аксакова и Станкевича. Белинский тепло отозвался о Коссовиче в заметке «Литературные новости» («Моск. наблюдатель», 1839, № 1): «Г. Коссович, молодой человек, недавно окончивший курс в Московском университете, будучи страстным эллинистом, внушил нескольким отличным студентам в Москве полезную мысль составить учебный словарь древнего греческого языка. Словарь этот теперь печатается, и, по отзывам знатоков дела, труд г. Коссовича заслужит полное внимание и благодарность учащегося юношества».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 257—1832 г. «О принятии в университет воспитанников Белорусского учебного округа Ивана Свенторжецкого, Егора Багенского и Каетана Коссовича», лл. 1—67; АМГУ, ф. П, 4 с., д. № 78 — 1835 г.; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 106—1836 г. «Об отправлении кандидата Владислава Классовского 〈...〉 и о смещении кандидата Каэтана Коссовича на свой кошт», лл. 1—37; АМГУ, ф. ФС — 1848 г., т. I, л. 802.

См.: Белинский. Соч., IV, 66; К. Д. Кавелин. Воспоминания о В. Г. Белинском.—БВС, стр. 85.

Красов Василий Иванович (1810—1855) — поэт. Член кружка Станкевича.

Сын священника. Находился в переписке с Белинским (письма Белинского к нему не сохранились). В декабре 1830 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет 30 июня 1835 г. со степенью кандидата. В 1837 г.— адъюнкт по кафедре русской словесности в Киевском университете св. Владимира. В 1839 г., после неудачной защиты докторской диссертации (24 декабря 1838 г.), поселился в Москве, где занимал должности преподавателя в средних учебных заведениях. С 1832 г. помещал свои стихи и переводы в «Телескопе», «Московском наблюдателе», «Отеч. зап.», «Киевлянине», «Галатее», «Библиотеке для чтения», «Репертуаре», «Северной пчеле» и др.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 133—1830 г. «О принятии в студенты Александра Лавдовского и Василия Красова», лл. 1—11; АМГУ, ф. РД, д. №23—1833 г. «Об отсылке в Департамент народного просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах университета», л. 61; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 253—1835 г. «Об увольнении из университета Василия Красова», лл. 1—5.

БКр, стр. 107—123; Белинский. Соч., IV, 123, 213—214; V, 240, 244, 246, 248—250, 293, 424, 426, 495; XII, 229.

Лебедев Кастор Никифорович (1811—1876) — земляк Белинского.

Сын губернского секретаря. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1824—1828 гг.). 3 сентября 1828 г. был принят на словесное отделение.

Окончил университет 6 июля 1832 г. со степенью кандидата словесных наук. В 1835 г. подавал прошение о допущении его к сдаче экзамена на степень магистра. Впоследствии —сенатор.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 152—1828 г. «О принятии в университет в студенты Кастора Лебедева», лл. 1—5; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 101—1832 г. «Об увольнении от университета Кастора Лебедева».

БСб, стр. 196, 210; «Московские ведомости», 1831, № 57, от 18 июля, стр. 2479.

Макса Людвиг (Людовик) Матвеевич (1816—после 1854).

10 ноября 1832 г. был принят на словесное отделение. В 1833 г.— член студенческого тайного литературного польского общества. Окончил университет в 1835 г. со степенью кандидата словесных наук. Тогда же был послан младшим учителем в Драгичинское дворянское уездное училище (Белорусск. учебн. округ). В 1848—1853 гг. служил учителем русского языка в Гродненской городской гимназии (Виленск. учебн. округ). В 1854 г. был инспектором в той же гимназии.

Макса не чужд был литературных и исторических интересов. В архиве университета сохранилось его студенческое сочинение по древнерусской литературе. В архиве Московского цензурного комитета находится прошение Максы о возвращении ему польской рукописи «Исторические извлечения» («Wypisy polski»).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 89—1835 г. «Об отправлении в Белорусский учебный округ воспитанников оного, определенных учителями, кандидатов Лучковского и Макса», лл. 1—21; МОГИА, ф. 31, св. 392, д № 107, 1835 г., л. 134.

См.: «Адрес-календарь на 1848 г.», ч. I, стр. 205; на 1853 г., ч. I, стр. 201; на 1854 г., ч. I, стр. 204.

Максимов Алексей Федорович (р. 1811) — земляк Белинского.

Сын титулярного советника (из дворян). Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1829 гг.). В августе 1829 г. был принят на словесное отделение. 21 января 1832 г. уволился из университета по «встретившимся обстоятельствам». По воспоминаниям Д. П. Иванова, Белинский ходил в дом «Федора Федоровича Максимова, к его сыновьям, нашим товарищам по гимназии, из которых с старшим, Алексеем Федоровичем, был очень дружен, брал у него для прочтения книги, читал с ним вместе или беседовал о литературе». Известны два письма Максимова к Белинскому из Пензы от 12 мая и [июня —июля] 1829 г.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 95—1829 г. «О принятии в студенты Алексея Максимова», лл. 1—9; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 6—1832 г. «Об увольнении от университета студента Алексея Максимова».

БСб, стр. 169, 178, 180—190, 195, 201—205, 210, 229; Белинский. «Письма», III, 428.

Максимов Константин Федорович (1814—после 1841) — земляк Белинского.

Младший брат А. Ф. Максимова. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1830 гг.). В сентябре 1830 г. был принят на словесное отделение. Его поручителем при поступлении был А. П. Иванов — двоюродный племянник Белинского. В 1834 г. Совет университета отметил «достойным одобрения» его сочинение «Сравнение Ломоносова с Державиным». Окончил университет в 1834 г. 18 июня того же года определен учителем российского языка в Костромское уездное училище. С 17 мая 1837 г. по 1841 г. исполнял обязанность старшего учителя латинского языка в той же гимназии.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 7—1830 г. «О принятии в университет в студенты Константина Максимова», лл. 1—7; АМГУ, ф. РД, д. № 35—36—1834 г. «Об отсылке в Департамент народного просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах университета», л. 26; АМГУ, ф. ФС — 1838 г., л. 889; 1840 г., ч. II, л. 988; 1841 г., ч. II, лл. 1078—1079; Отчет имп. Моск. университета с 1 янв. 1834 г. по 1 янв. 1835 г.

БКр, стр. 191; БСб, стр. 179—190, 196, 202—205, 210, 218, 221, 227.

Матюшенко Павел Петрович (1812—после 1846).

Сын титулярного советника. Брат профессора Моск. университета Ив. Петр. Матюшенко. 13 сентября 1828 г. был принят на словесное отделение. Жил вместе с Белинским в одной комнате общежития казеннокоштных студентов. Окончил университет в августе 1833 г. и тогда же поступил на должность учителя русской грамматики и географии в Тульскую губернскую гимназию. Белинский не потерял связь с Матюшенко и в последующие годы. Так, в 1837 г., он останавливался у Матюшенко, в Туле. В 1846 г. Матюшенко жил в Москве.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 70—1828 г. «О принятии в университет в студенты Павла Матюшенкова», лл. 1—8; АМГУ, ф. РД, д. № 23—1833 г. «Об отсылке в Департамент нар. просвещения третних и полугодовых ведомостей о студентах университета», л. 77; АМГУ, ф. ФС — 1838 г., л. 990.

Арг — БВС, стр. 68; Белинский. «Письма», I, 99.

Межевич Василий Степанович (1814—1849) (псевдонимы: В. М., Л. Л.) — писатель, критик и публицист.

Племянник ректора Моск. университета и цензора А. В. Болдырева. В 1828 г. был принят на словесное отделение. (С 1830 г. находился на содержании Общества любителей российской словесности.) Окончил университет 5 июля 1832 г. со званием кандидата. С 28 сентября 1833 г. до 4 октября 1834 г. служил корректором в университетской типографии. Затем переведен был на должность старшего учителя российской словесности и логики в Моск. дворянский институт. В 1834—1836 гг. сотрудничал в «Телескопе» и «Молве». В начале 1839 г. неудачно дебютировал в качестве «первого критика» «Отечественных записок», где был заменен Белинским. С 1839 г. редактировал «Ведомости СПб. городской полиции». Белинский познакомился с Межевичем, несомненно, еще в университете, но в более близких отношениях, как известно, с ним был до 1840 г.— времени, когда Межевич перешел в реакционный лагерь и стал деятельным сотрудником «Северной пчелы». Белинский выступал против Межевича в печати в 1840—1842 и 1846 гг. и иронически называл его «русским Жюль-Жаненом». Межевич, со своей стороны, выступил против Белинского в статье «Шекспир, русские переводчики и русская критика» («Репертуар русского театра» на 1841 г., № 1). Белинский очень резко отзывался о Межевиче в письмах к В. П. Боткину от 31 октября 1840 г. и к Н. Х. Кетчеру от 3 августа 1841 г. Характеристику Межевича см. еще в очерках И. И. Панаева — «Тля» («Отеч. записки», 1843, № 2) и «Петербургский фельетонист» («Физиология Петербурга», 1845, ч. II); в «Воспоминаниях» А. Я. Панаевой (М., 1948, стр. 114—119) и И. И. Панаева «Лит. воспоминания» (М.—Л., 1928, стр. 225—226). См. о нем еще стр. 142—143 наст. тома.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 203—1830 г. «О принятии на содержание капитала Общества любителей российской словесности студента Василия Межевича», лл. 1—8; АМГУ, ф. ФС — 1835 г., стр. 18; Список своекоштных студентов на 1832 г.

См.: Белинский. Соч., V, 453—454; VI, 210, 222; VII, 458—460; XIII, 71—73; «Письма» (по указателю).

Нечай Иван Маркович (1810—1860).

Сын коллежского секретаря. 3 сентября 1828 г. был принят в число казеннокоштных студентов на этико-политическое отделение. В студенческом общежитии жил вместе с Белинским, М. Б. Чистяковым, П. П. Матюшенко, В. С. Саренко и Н. А. Аргилландером. Окончил университет 17 августа 1832 г. и был послан учителем русского языка и географии в Ярославскую гимназию, в которой прослужил до конца жизни.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 22—1828 г. «О принятии в университет в студенты Ивана Нечая», лл. 1—6.

Арг — БВС, стр. 68 (Аргилландер неправильно назвал его П. С. Нечай. На основании списков студентов, живших в общежитии, удалось установить эту ошибку); И. Рогозинников. Воспоминания о бывшем учителе Ярославской гимназии Иване Марковиче Нечае.— «Педагогическое обозрение», 1869, № 8, стр. 33—34.

Никольский Алексей Петрович (р. 1810).

Сын священника. Воспитанник Тверской духовной семинарии. В сентябре 1829 г. «по распоряжению начальства» был прислан в Москву на медицинское отделение, куда и был зачислен казеннокоштным студентом. Осенью 1830 г. подал прошение о переводе его в казеннокоштные студенты словесного отделения. Об этом сообщил директор Медицинского института П. С. Щепкин 18 сентября в правление университета и предложил подвергнуть Никольского строгому испытанию. Однако экзамены в 1830 г. не состоялись из-за холеры, во время которой университет был закрыт (с 27 сентября 1830 г. по 12 января 1831 г.). Весной 1831 г. Никольский ездил домой в Тверскую губернию и вернулся к концу учебного года. 17 сентября правление университета перевело его на словесное отделение, где он учился на одном курсе с Белинским. 17 февраля 1833 г. помощник попечителя Московского учебного округа Голохвастов сообщил министру просвещения «о предосудительных поступках» Никольского. 22 марта управляющий министерством ответил Голохвастову, что «Никольский назначен, по сношению министерства народного просвещения и военного, к поступлению в военное ведомство, почему и предписывает отослать его к г. московскому коменданту». 28 марта Голохвастов отослал предписание министра об отдаче Никольского в солдаты ректору университета. Последний приказал 31 марта исключить Никольского из списков студентов и «сего же числа» отправить его к коменданту генерал-майору Сталю. Как писал Белинский матери 21 мая 1833 г., Никольского отправили к коменданту для отсылки в Грузию, но он заболел и был помещен в Лефортовскую больницу. Поступок, за который он был отдан в солдаты, остался неизвестным. За него, как писал Белинский в том же письме, «трехдневное заключение в карцере было бы достаточным наказанием». Дальнейшая судьба Никольского неизвестна.

Ист.: МОГИА, ф. 459, оп. 18, св. 142, д. 3803 (195) «О присылке в медицинский институт Московского университета воспитанников духовных училищ», лл. 12, 18, 19; АМГУ, ф. МФ, д. № 62—1829 г. «Экзамен семинаристам, присланным в медицинские воспитанники института», лл. 19, 21, 50; АМГУ, ф. МФ, д. № 45—1830 г. «Третние

ведомости об успехах учащихся за 1829 академический год» и д. № 46 «Ведомости об успехах учащихся на 1829 академический год»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 245—1830 г. «О перемещении на казенный кошт воспитанника медицинского института Алексея Никольского», лл. 1—2; АМГУ, ф. ЖП, 1831 г., 17 сентября, п. 48; АМГУ, ф. РД, д. № 18—1833 г. «Об отсылке казеннокоштного студента Алексея Никольского к московскому коменданту, назначенного в военное ведомство», лл. 1—4.

Оболенский Иван Афанасьевич (1813—1849).

2 сентября 1829 г. был принят на нравственно-политическое отделение, но вскоре перешел на словесное отделение. В июле 1831 г. был признан «достойным похвалы за сочинение. Окончил университет 29 июня 1833 г. со званием действительного студента. 30 июня 1834 г. получил степень кандидата словесных наук. В университете был особенно близок с Я. М. Неверовым, Н. В. Станкевичем, С. М. Строевым, В. И. Красовым, П. П. Клюшниковым, П. Я. Петровым и Я. И. Костенецким. В 1846 г. числился письмоводителем в Моск. губ. правлении.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 58—1829 г. «О принятии в студенты Ивана Оболенского», лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 102—1836 г. «Об отсылке к Пермскому гражданскому губернатору аттестата об учении кандидата Ивана Оболенского», лл. 1—10.

См.: «Московские ведомости», 1831, № 57, 18 июля, стр. 2479; «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 211; К. П. Архангельский. Из истории кружка Н. В. Станкевича.— «Воронежский краеведческий сборник», вып. 1, 1924, стр. 13; К. Нистрем. Книга адресов жителей Москвы, 1846, стр. 98.

Павлюков Николай Леонтьевич (р. 1815) — земляк Белинского.

Сын капитан-лейтенанта. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1827—1831 гг.). 7 сентября 1831 г. был принят на словесное отделение. 27 июля 1834 г. уволен по собственной просьбе ввиду «ревностного желания вступить в военную службу».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 192—1831 г. «О принятии в университет в студенты Николая Павлюкова»; АМГУ, ф. РД, д. № 23—1833 г., л. 62 и д. № 35—36—1834 г., л. 85; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 86—1834 г. «Об увольнении из университета студента Николая Павлюкова», лл. 1—6.

БСб, стр. 192—206, 225, 231, 232, 236.

Петров Павел Яковлевич (1814—1875) — известный профессор-ориенталист, друг Белинского.

Сын коллежского регистратора. 3 сентября 1828 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет 31 августа 1832 г. со степенью кандидата словесных наук. С Белинским познакомился в университете через Н. Л. Григорьева и близко с ним сошелся. О дружбе с Петровым Белинский писал Ивановым 20 декабря 1829 г. В библиотеке МГУ хранятся книги Петрова, подаренные ему Белинским (см. статью В. Сорокина «Книги студента В. Г. Белинского» — в газ. «Сталинское знамя» (Пенза), 1948, № 112, 6 июня и публикацию Л. Ланского «Библиотека Белинского»—«Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 551).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 100—1832 г. «Об увольнении от университета Павла Петрова».

Некрологи: «Московские ведомости», 1875, № 242 от 23 сент.; «Иллюстративная неделя», 1875, № 40; «Отчет Моск. университета», 1876, стр. 65—69.

Попов Михаил Степанович (1816—после 1856) — земляк Белинского.

Сын титулярного советника. Племянник гимназического учителя Белинского — М. М. Попова. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1826—1831 гг.). 2 августа 1831 г. поступил на словесное отделение. Окончил университет в 1835 г. и был послан учителем истории и географии в Ефремовское уездное училище (Моск. учебн. округ). 24 марта 1838 г. переведен в Бегичевское училище. С 16 декабря 1856 г. служил в Можайском уездном училище в должности штатного смотрителя.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 205—1831 г. «О принятии в университет в студенты Михаила Попова»; АМГУ, ф. ФС — 1838 г., л. 1050; 1856 г., ч. I, лл. 289—291.

Попов Павел Яковлевич (р. 1815) — земляк Белинского.

Сын коллежского асессора. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1824—1830 гг.). 21 августа 1830 г. был принят на словесное отделение. Поступил на казенное содержание 23 февраля 1831 г. Окончил университет в 1834 г. Белинский познакомил Попова с пензенским товарищем А. Иванисовым, из письма которого видно, что Белинский находился в переписке с Поповым (не сохранилась).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 45—1830 г. «О принятии в университет в студенты Павла Попова», лл. 1—9; АМГУ, ф. РД, д. № 35—36—1834 г., л. 26.

БКр, стр. 71.

Почека Яков Иванович (1813—после 1853) — чиновник.

16 декабря 1830 г. был принят на нравственно-политическое отделение. В январе 1831 г., по его просьбе, переведен на словесное отделение. В университете сблизился

с Н. В. Станкевичем и членами его кружка, в том числе и с Белинским. Его знали Герцен и Огарев. В 1834 г. Герцен прервал с ним сношения из-за его некорректного поступка. 1 ноября 1834 г. подал прошение об увольнении из университета по «семейным обстоятельствам» и был отчислен 5 ноября. В 1835 г. поступил в Харьковский университет. Впоследствии был почетным смотрителем Черниговского уездного училища.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 146—1830 г. «О принятии в студенты Якова Почека», лл. 1—8; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 346—1831 г. «О перемещении в другие отделения студентов»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 274—1834 г. «Об увольнении из университета Якова Почека», лл. 1—5; АМГУ, ф. РД, д. № 54—1835 г. «Об уведомлении правления Харьковского университета о бывшем студенте Якове Почеке», лл. 1—3.

См.: «Адрес-календарь на 1848 г.», ч. I, стр. 191; на 1853 г., ч. I, стр. 189.

Прозоров Павел Иванович (1811—после 1850) — автор воспоминаний о Белинском.

Сын священника. 16 августа 1829 г., по распоряжению министра народного просвещения, был прислан в университет из Ярославской семинарии для образования по медицинской части. 20 сентября 1829 г. зачислен на медицинский факультет. В 1830 г. переведен на словесное отделение. В университете сблизился с Белинским и был одним из активных членов общества «11 нумера». В 1831 г. подал прошение инспектору казеннокоштных студентов, в котором просил «по некоторым семейным обстоятельствам и другим важным причинам» уволить его из университета и направить учителем российского языка в Аренбург. 31 августа 1834 г. попечитель Моск. учебн. округа дал согласие на его увольнение из университета для отправления учителем в Харьковский учебный округ. Будучи студентом, написал сочинение «О разных периодах истории русской словесности», которое, по мнению университетского Совета, оказалось «достойным одобрения». Впоследствии был учителем русского языка в Касимовском, Ряжском, Раненбургском и Верейском уездных училищах. Часто печатался в «Московских ведомостях». В 1832 г. Моск. цензурный комитет разрешил Прозорову издать повесть в стихах «Рекрут» (на 15 стр.).

Ист.: АМГУ, ф. ФС — 1842 г., л. 1487; АМГУ, ф. МФ, д. № 62—1829 г. «Об экзамене семинаристам, присланным в медицинские воспитанники института»; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 239—1830 г. «О перемещении воспитанника Прозорова по словесному отделению и о перемещении на его место Барклай-де-Толли»; АМГУ, нравствен.-полит. отд-ние, д. 1830/1831 гг., л. 32; АМГУ, ф. П, 2 с., д. № 78—1835 г. «С годовым отчетом по университету за 1834 г.»; АМГУ, ф. С, д. № 160—1831 г. и ФЖС—1831 г., стр. 217—219; АМГУ, ф. ЖС—1831 г., стр. 320—321; АМГУ, ф. П, 3 с., д. № 223—1834 г. «Об увольнении с казенного содержания студента Прозорова для поступления в учителя по Харьковскому учебному округу», лл. 1—2; АМГУ, ф. ФС— 1850 г.; МОГИА, ф. 31, оп. 5, д. № 79—1832 г., л. 79.

См.: П. Прозоров. Белинский и московский университет в его время.— «Библиотека для чтения», 1859, т. 157, № 12, стр. 1—13; БВС, стр. 72—83.

Протопопов Аполлон Адрианович (р. 1809) — земляк Белинского.

Сын титулярного советника. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1823—1828 гг.). 14 октября 1829 г. был принят на нравственно-политическое отделение. В письме к Ивановым 13 января 1831 г. Белинский писал, что «Петровым, Протопоповым, Кашириным и вашими молодцами, с которыми стоит Попов, ограничивается круг моего короткого знакомства». Его имя часто встречается в письмах П. Я. Петрова к Белинскому.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 117—1829 г. «О принятии в студенты Аполлона Протопопова», лл. 1—6.

См.: Белинский. «Письма», I, 27; БКр, стр. 224, 225, 240, 245.

Ржевский Владимир Константинович (1811—1885) — чиновник, родственник М. А. Бакунина, близкий к кружку Станкевича.

В 1827 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет 21 июня 1831 г. со степенью кандидата словесных наук. Его имя часто встречается в письмах Белинского. До нас дошло письмо его к Белинскому от 22 августа 1840 г. Впоследствии — сотрудник «Русского вестника».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 84—1827 г. «О принятии в университет в студенты Владимира Ржевского», лл. 1—10; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 254—1831 г. «Об увольнении от университета кандидата Владимира Ржевского»; ф. ФС — 1840 г., т. I, л. 463.

БКр, стр. 260—261.

Савинич Иван Семенович (р. 1811 — после 1868).

Сын священника. В сентябре 1829 г. был принят на словесное отделение. В университете сблизился с Белинским и членами литературного общества «11 нумера» — Чистяковым, Петровым, Прозоровым и др. Как вспоминал впоследствии Прозоров, Белинский и Чистяков во время холеры, свирепствовавшей в Москве в 1830 г., спасли Савинича от карцера за самовольную отлучку из университета в город. В 1831 г.

помещал в журнале «Листок», в котором принимал участие и Белинский, перевод с польского языка. В 1831 г. Московским цензурным комитетом Савиничу был разрешено издать комедию в трех действиях «Охота Генриха шестого» (на 44 стр. в 1833 г. — перевод с польского — повесть «Десять дней без мужа, или Рондо, ко концерт и увертюра» (опубликованная до этого в «Телескопе», 1831, № 13, стр. 28—5 и «Король охотник, историческая повесть XV века в трех драматических ка тинах» (на 34 стр.). В 1833 г. организовал польское литературное тайное студенческ общество и был его председателем. В том же году познакомился с Н. В. Станкевиче С 1831 г. сотрудничал в «Телескопе» и «Молве», печатая там переводы с польского язык В 1833 г. издал в Петербурге польскую грамматику на русском языке, о котор П. Я. Петров упоминает в письме к Белинскому от 12 июля 1834 г. Университетско курса не окончил и в 1835 г., как бывший казеннокоштный студент, был назнач на должность учителя в одно из уездных училищ Белоруссии. Однако он в Белоруссии не поехал. С 14 марта 1835 г. по 10 октября 1841 г. Савинич служил учителем русско языка в Елатомском уездном училище. 30 ноября 1841 г. поступил сверхштатн учителем во 2-ю Моск. гимназию. С марта 1842 г., по разрешению попечител одновременно преподавал в 3-м Моск. уездном училище. В 1843 г. переехал в Польш где был учителем русского языка в различных польских школах. С 1863 г. был лектор филологии и морфологии русского языка на историко-филологическом отделени Варшавской главной школы. В этой должности находился и в 1868 г. В 1866 г. вы пустил польско-русский словарь. Впоследствии был штатным сотрудником русско отдела 28-томного польского энциклопедического словаря Orgelbranda. Состоял переписке с М. П. Погодиным.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 51—1829 г. «О принятии в студенты Ивана Савинича лл. 1 — 10; АМГУ, ф. П, 2 с., д. № 292 — 1835 г. «О составлении за 1835 г. отчета л. 19; АМГУ, ф. ФС — 1842 г., л. 783; МОГИА, ф. 31, оп. 1, д. № 13 — 1831 г лл. 110—111; оп. 5, д. № 881—1833 г., лл. 85 об.—86, 89 об.—90.

См.: П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время.— БВ стр. 72—73; «Листок», 1831, № 39, от 20 мая, стр. 66—68 («Древности» и «Жидогро ские моды». С польск. И. С.); «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 262; БК стр. 230; «Месяцеслов и общие штаты Российской империи на 1842 г.», ч. I, стр. 38 «Адрес-календарь на 1848 г.», ч. I, стр. 213; на 1853 г., ч. I, стр. 207; на 1868 г., ч. стр. 465; «Encyklopedja powszechna S. Orgelbranda», Warszawa, 1884, т. X, стр. 34 Письма Савинича от 23 декабря 1840 г. и 23 декабря 1860 г. имеются в архи Погодина (ЛБ).

Саренко Василий Степанович (1814—1881).

19 сентября 1829 г. был принят на медицинское отделение. Жил в студенческо общежитии в одной комнате с Белинским, Чистяковым, Нечаем, Матюшенко и Арги ландером. Окончил университет в июне 1833 г. со званием лекаря 1-го отделения В 1842 г. служил в Калинканском морском госпитале. 11 июля 1854 г. получил ст пень доктора медицины в медико-хирургической академии. С 1855 по 1878 гг. был ста шим лекарем 2-го СПб. кадетского корпуса. До 1881 г. числился в «Российских меди цинских списках». Автор ряда научных работ.

Ист.: АМГУ, ф. РД, д. № 23—1833 г., лл. 14 и 117; АМГУ, ф. МФ, д. № 51—1833 г «Об экзаменах казеннокоштных, своекоштных студентов и слушателей на звание ле каря», л. 21.

Арг — БВС, стр. 68; Л. Ф. Змеев. Русские врачи-писатели, СПб., 1886, тетр. 2 стр. 94; тетр. 3, стр. 59—60 и 2-е доп. СПб., 1892, стр. 37; РМС 1835—1881 гг «Московский некрополь», т. III, СПб., 1908, стр. 76.

Слепцов Алексей Лаврентьевич (р. 1811) — земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1829 гг. В конце июля 1829 г. А. Ф. Максимов сообщил Белинскому из Пензы о том, что Слепцов едет учиться в Москву. В сентябре 1829 г. был принят одновременно с Белински на словесное отделение. В декабре 1831 г. в «Московских ведомостях» было объявлен об его отчислении из университета, как не явившегося «с открытия курса учения для взятия табели на слушание профессорских лекций и не представившего никаких сведений о причинах своего отсутствия».

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 115—1829 г. «О принятии в студенты Алексея Слепцова», лл. 1—6.

БКр, стр. 192; «Московские ведомости», 1831, № 100, 13 дек.

Слепцов Николай Лаврентьевич (р. 1812) — брат А. Л. Слепцова. Земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1829 гг. В сентябре 1829 г. был принят, одновременно с Белинским, на словесное отделение

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 76—1829 г. «О принятии в студенты Николая Слепцова», лл. 1—6.

БКр, стр. 192.

Слепцов Петр Николаевич (р. 1812) — земляк Белинского.

Сын надворного советника. Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1829 гг.). В сентябре 1829 г. был принят на словесное отделение. 4 февраля 1832 г. уволен по собственной просьбе, «по встретившимся обстоятельствам». А. Иванисов в письме Белинскому из Пензы от 18 марта посылал ему поклон.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 14—1829 г. «О принятии в студенты Петра Слепцова», лл. 1—3.

БКр, стр. 72 (опечатка: «Си» вместо «Сл»).

Станкевич Николай Владимирович (1813—1840).

17 июля 1830 г. был принят на словесное отделение. Осенью 1831 г. был исключен, но, по предъявлении справки о болезни, восстановлен 7 декабря. В июле 1833 г. на имя ректора университета Болдырева был доставлен рапорт пристава Пречистенской части «О присылке студента Станкевича в Пречистенскую часть»:

«К производимому мною следственному делу состоит прикосновенным студент здешнего университета по фамилии Станкевич, по чему покорнейше прошу буде таковой действительно имеется в оном, то приказать ему явиться с кем следует во вверенную мне часть для отобрания нужного к делу показания».

24 июля ректор в ответ писал:

«Господину частному приставу Пречистенской части. Вследствие рапорта Вашего от 21 сего июля за № 927 имею честь уведомить, что требуемый к производимому Вами следственному делу, прикосновенный к оному студент сего университета Николай Станкевич, по случаю нынешнего вакантного времени, уволен в отпуск в Воронежскую губернию по 15 число будущего августа месяца, и когда из оного возвратится, то немедленно вышлется в оную часть».

По возвращении в Москву 11 сентября Станкевич был препровожден в Пречистенскую часть. После допроса его отпустили в университет со следующим отношением к ректору: «... хотя оного университета студент Николай Станкевич сего числа и являлся с депутатом Ильиным в вверенную мне часть, к производимому мною следствию, но как из дела видно, что нужен Иван Петров Станкевич, да и московский мещанин Щукин по показании ему Николая Станкевича объявил, что не тот, который с ним был, а посему покорнейше Ваше Высокородие прошу буде есть студент Иван Петров Станкевич, который оканчивая курс перед выходом или вступлением в июле месяце, то оному приказать явиться с кем следует в вверенную мне часть для стобрания нужного к делу показания. 12 сентября 1833 г.». Этот факт фигурировал как анекдот в книге Анненкова.

Окончил университет 30 июля 1834 г. со степенью кандидата словесных наук.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 168—1830 г. «О принятии в студенты Николая Станкевича», лл. 1—9; АМГУ, ф. ДР —1830 г., пункт 2770, от 17 июля; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 183—1831 г. «Об исключении не явившихся для получения табели»; АМГУ, ф. РД, д. № 34—1833 г.; АМГУ, ф. П, д. № 78—1835 г. «О годовом отчете по университету за 1834 год», л. 13, стр. отчета 23; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 217—1834 г. «Об увольнении из университета кандидата Николая Станкевича», лл. 1—7.

См.: П. В. Анненков. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, М., 1857, стр. 48—49; «Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 227, 315; Белинский, «Письма», I, 389.

Строев Сергей Михайлович (1814—1840) (псевдоним: Сергей Скромненко) — историк так называемой «скептической школы».

Сын коллежского советника. 5 января 1831 г. был принят на словесное отделение. Окончил университет 30 июня 1834 г. со степенью кандидата словесных наук. Член кружка Станкевича, в котором, повидимому, и познакомился с Белинским. Сотрудничал в «Телескопе». Впоследствии относился к Белинскому враждебно.

Ист.:АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 250—1830 г. «О принятии в студенты Сергея Строева», лл. 1—6; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 218—1834 г. «Об увольнении из университета кандидата Сергея Строева», лл. 1—6.

Терентьев Виктор Иванович (р. 1812) — земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1822—1827 гг.). 27 сентября 1827 г. был принят казеннокоштным студентом на медицинский факультет. Белинского знал еще по Пензенской гимназии и вместе с Н. Григорьевым и Ю. Ягном уговорил его ехать учиться в университет. Окончил университет в июне 1831 г. со званием лекаря 3-го отделения.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 138—1827 г. «О принятии в студенты Виктора Терентьева», лл. 1—7; АМГУ, ф. МФ, д. № 129—1830 г.; 1831 г., лл. 34, 49; АМГУ, ф. ДР—1831 г., т. 4, пункт 4085; АМГУ, ф. П, 1 с., 1827 г., д. № 138.

См.: Белинский. «Письма», III, 423; БКр, стр. 259.

Федосеев Ардальон Григорьевич (р. 1815) — земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1827—1831 гг.). В августе 1831 г. был принят на физико-математическое отделение. Выбыл из универ-

ситета в сентябре 1833 г. для вступления «в действительную службу». В 1839 г. чи лился дворянским заседателем в 1-м департаменте уездного суда в Москве. В том з году вышла его комедия «Расстроенное сватовство, или горе от ума и горе без ума на которую Белинский дал резко отрицательный отзыв в «Московском наблюдател (1839, № 3).

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 162—1831 г. «О принятии в университет студе том Ардальона Федосеева»; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 228—1833 г. «Об увольнении сво коштного студента Ардальона Федосеева из университета».

См.: «Книга адресов столицы Москвы», изд. К. Нистремом, М., 1839, стр. 1; Б линский. Соч., IV, стр. 210.

Цветков Козьма Игнатьевич (1814—после 1848) — земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825—1830 гг В сентябре 1830 г. был принят на словесное отделение. 3 декабря 1831 г. за неяви для получения «табели» к слушанию профессорских лекций был из университета искл чен. В 1848 г. служил секретарем уездного суда в Чембаре Пензенской губ.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 8 — 1830 г. «О принятии в университет в студент Козьмы Цветкова», лл. 1—5; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 22—1832 г. «Об увольнени студента Козьмы Цветкова».

БКр, стр. 192; «Адрес-календарь на 1848 г.», ч. II, стр. 127.

Чистяков Михаил Борисович (1809—1885) — известный педагог-писател

Сын священника. 8 ноября 1828 г. был принят на словесное отделение. Жил с Бели ским в одной комнате университетского общежития казеннокоштных студентов. Оди из учредителей литературного общества «11 нумера», где читал свой перевод с неме кого — «Теорию изящных искусств» Бахмана. В студенческие годы печатался в «Т лескопе» и «Молве». Был хорошо знаком со студентами-поляками из тайного литер турного польского общества И. С. Савинича. Окончил университет 6 июля 1832 г. степенью кандидата словесных наук. По окончании университета служил учителем Виленской, Витебской и Петербургской гимназиях. Впоследствии был инспектор школ Сиротского института в Петербурге.

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 109—1828 г. «О принятии в студенты Михайла Чист кова», лл. 1—19; АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 135—1832 г. «Об определении казенно кандидата Михаила Чистякова в Оршанское уездное училище учителем».

Арг — БВС, стр. 68—71; П. Прозоров. Белинский и Московский универс тет в его время.— «Библиотека для чтения», 1859, № 12, стр. 1—13 (БВС, стр. 72 83); БКр, стр. 245. Письма Чистякова к Погодину имеются в архиве Погодина (ЛБ

Шагаров Федор Капитонович (1806— после 1854) — земляк Белинского.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1825 — 1826 гг В 1826 г. был принят своекоштным студентом на медицинское отделение. 6 июня 1831 подал прошение о допущении его к экзаменам на степень лекаря. Окончил униве ситет в июне 1832 г. со званием лекаря 1-й степени. С 1835 по 1854 гг. числился лек рем в «Российских медицинских списках».

Ист.: АМГУ, ф. МФ, д. № 43—1831 г. «Об окончательном лекарском экзамене л. 42.

РМС (указанных годов).

Ягн Юлий Иванович (1811 — ок. 1888) — земляк Белинского. Врач.

Учился, как и Белинский, в Пензенской губернской гимназии (1823—1827 гг В феврале 1828 г. подал прошение в университет о принятии его в число вольносл шателей. На заседании правления 9 февраля ему было разрешено слушать лекци В сентябре того же года держал экзамены на медицинское отделение, но не выдерж их. В том же году был принят в Московскую медико-хирургическую академию. С Б линским был знаком еще в Пензе. Вместе с Н. Л. Григорьевым и В. И. Терентьев уговорил Белинского ехать учиться в университет. В 1839—1854 гг. он работал в Пен сначала лекарем, а затем губернским врачом в Пензенской палате государственн имуществ. В 1841—1888 гг. числился лекарем в «Российских медицинских списка

Ист.: АМГУ, ф. П, 1 с., д. № 3—1828 г. «О принятии в университет в слушател Юлия Ягна», лл. 1—3; АМГУ, ф. МФ, д. № 36—1828 г. «О приеме студентов в мед цинский институт»; АМГУ, Алфавит делам конференции Московской медико-хиру гической академии 1828 г., № 199.

См.: Белинский. «Письма», III, 423; БКр, стр. 227—243, 259; «Месяцеслов и о щие штаты Российской империи на 1839 г.», ч. II, стр. 235; «Адрес-календарь н 1848 г.», ч. I, стр. 125; на 1853 г., ч. II, стр. 111; на 1854 г., ч. II, стр. 111; РМС (ук занных годов).